

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-10-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-10-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарава, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublev str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатом можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4].... А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

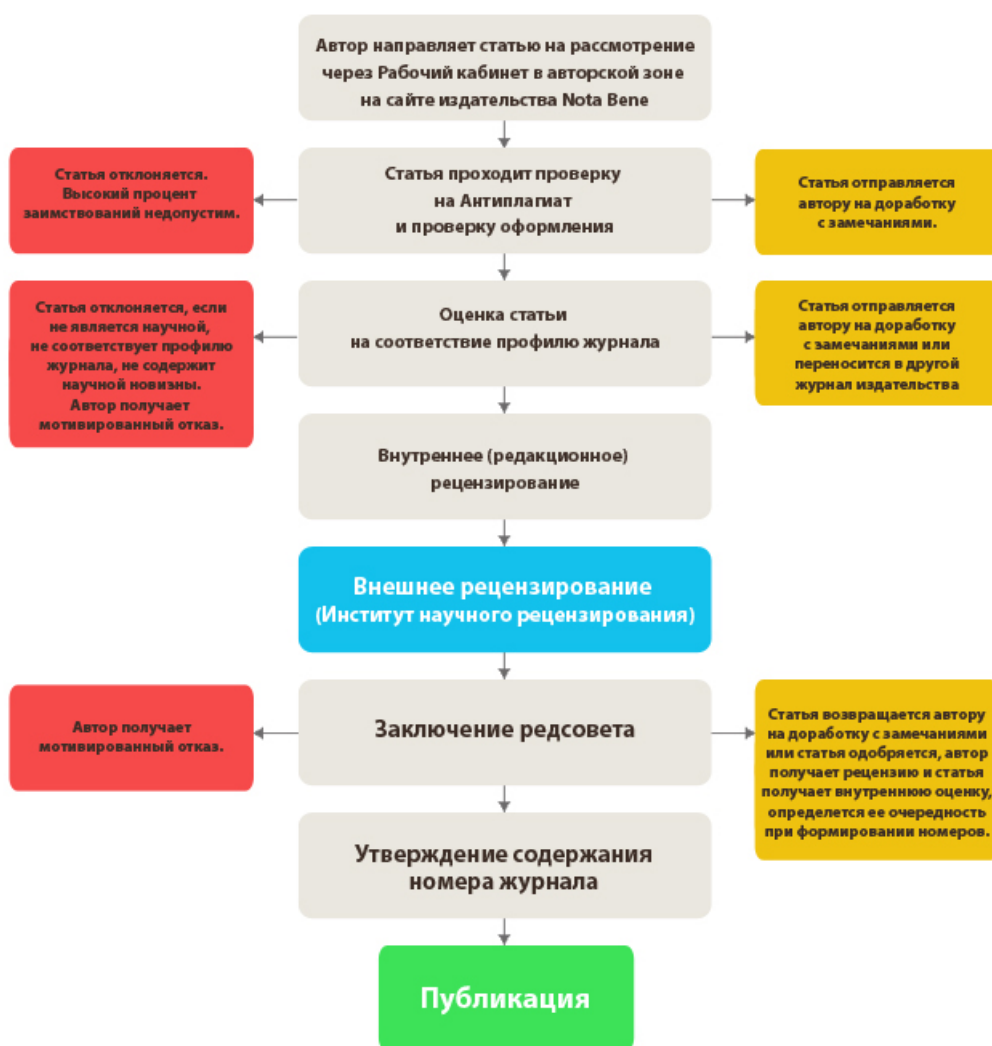
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Минова М.В., Емельяненко Е.М., Кузнецова Ю.А., Кузнецова В.В., Соколова Е.И. Отражение концепта «СУЕВЕРИЯ» в языковой картине мира испанцев, французов, британцев, американцев и русских	1
Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Представление о лжи в русском, французском и китайском языках	29
Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Понятие "зло" в русском, французском и китайском языках	43
Ряшенкова А.А. Создание речевого портрета современного китайского педагога в Интернет-СМИ	59
Глазкова М.М., Иконникова Я.В. Особенности художественного времени в романах М. А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам»	67
Оксенчук В.Н. Компаративистский анализ баллад В.А. Жуковского, Дж.Г. Байрона и В.М. Гюго	84
Рычкова Т.А. Тенденции в развитии новой лексики в русскоязычных текстах 1991- 2016 гг.	94
Волкова А.А. «Религия любви» в поэзии Гурузады Аппарао как просветительская философия	107
Захарова Е.М. О сущности поэтического творчества в понимании Вл. Соловьева и Ю.Н. Говорухи-Отрока	115
Англоязычные метаданные	122

Contents

Minova M.V., Emelianenko E.M., Kuznetsova Y.A., Kuznetsova V.V., Sokolova E.I. Reflection of the concept of "SUPERSTITIONS" in the linguistic picture of the world of the Spanish, French, British, Americans and Russians	1
Golovanivskaya M.K., Efimenko N.A. The idea of lying in Russian, French and Chinese	29
Golovanivskaya M.K., Efimenko N.A. The idea of "evil" in Russian, French and Chinese	43
Riashenkova A.A. Creating a speech portrait of a modern Chinese teacher in online media	59
Glazkova M.M., Ikonnikova Y.V. Features of the artistic time in M. A. Kuzmin's novels "The Adventures of Aimé Leboeuf" and "The Journey of Sir John Fairfax through Turkey and other notable countries"	67
Oksenchuk V.N. A comparative analysis of the ballads of V.A. Zhukovsky, J.G. Byron and V.M. Hugo	84
Rychkova T.A. Trends in the development of new vocabulary in Russian-language texts 1991-2016	94
Volkova A.A. The "Religion of Love" in the poetry of Guruzada Apparao as an educational philosophy	107
Zakharova E.M. On the essence of poetic creativity in the understanding of V. Solovyov and Yu.N. Govorukha-Otrok	115
Metadata in english	122

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Минова М.В., Емельяненко Е.М., Кузнецова Ю.А., Кузнецова В.В., Соколова Е.И. Отражение концепта «СУЕВЕРИЯ» в языковой картине мира испанцев, французов, британцев, американцев и русских // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71639 EDN: HFTHZN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71639

Отражение концепта «СУЕВЕРИЯ» в языковой картине мира испанцев, французов, британцев, американцев и русских

Минова Мария Владимировна

ORCID: 0000-0003-3554-1272

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков №3, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ mariaminova543@gmail.com

Емельяненко Елена Михайловна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков Отделения языковой подготовки Института общественных наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

✉ eemel@yandex.ru

Кузнецова Юлия Андреевна

кандидат экономических наук

доцент; кафедра иностранных языков № 3; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

✉ yulia_success@mail.ru

Кузнецова Валентина Викторовна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка и методики его преподавания; Ульяновский государственный университет

432970, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42

✉ valentkuz@mail.ru

Соколова Екатерина Иосифовна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков № 3; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

✉ Sokolova.EI@rea.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71639

EDN:

HFTHZN

Дата направления статьи в редакцию:

04-09-2024

Аннотация: Статья посвящена изучению специфики реализации концепта «СУЕВЕРИЯ», который является неотъемлемой составляющей национально-культурной идентичности любого этноса, в испанской, французской, британской, американской и русской лингвокультурах в современный период. Проведенный анализ языкового материала говорит о достаточно широком распространении данного явления в современных испанском, французском, английском и русском языках. Главная функция суеверий – прогностическая, предсказательная – проявляется как на национальном, так и на межнациональном уровне. В статье рассматривается содержательная сторона суеверных представлений испанцев, французов, британцев, американцев и русских, анализируются способы и средства для репрезентации концепта «СУЕВЕРИЯ» в рассматриваемых лингвокультурах, выделяются общие и отличительные черты функционирования данного концепта в испанской, французской, британской, американской и русской языковой картине мира. В ходе проводимого исследования использовались такие методы, как анализ теоретической литературы, метод сопоставительного анализа, метод сплошной выборки, а также наблюдение и обобщение. Новизна исследования заключается в проведении сопоставительного анализа различных аспектов концепта «СУЕВЕРИЯ» на материале испанского, французского, английского и русского языков, а также в выявлении динамики функционального развития данного концепта в испанской, французской, британской, американской и русской картинах мира. Проведенное исследование показало, что, хотя грамматические аспекты выражения концепта «СУЕВЕРИЯ» сопоставимы в современных испанском, французском, английском и русском языках, однако прослеживаются ярко выраженные различия в толковании последствий одних и тех же событий и явлений в разных исследуемых языковых картинах мира. Полученные результаты исследования в практической плоскости могут быть использованы при решении широкого круга проблем, связанных с особенностями межкультурного взаимодействия испанцев, французов, британцев, американцев и русских.

Ключевые слова:

суеверия, концепт, картина мира, языковая картина мира, лингвокультура, культурный код, испанский язык, французский язык, английский язык, русский язык

Очевидно, что суеверия являются неотъемлемой частью культурного кода нации, поскольку, реализуясь в языке, формируют национальную языковую картину мира. В данной статье будут рассмотрены особенности вербализации концепта «СУЕВЕРИЯ» в современных испанском, французском, английском и русском языках, что позволит выявить содержание данного концепта в испанской, французской, британской, американской и русской лингвокультурах.

Согласно Э. Сепиру, «язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [1, с. 185]. Исходя из этого, вполне закономерно, что «язык, отражая особенности национального мировосприятия, занимает особое место в духовной и материальной культуре общества» [2, с. 29-30].

Исследователи справедливо указывают на то, что «понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [3, с. 11]. В процессе познания человеком окружающего мира знания распределяются по категориям, образуя когнитивную базу, на основе интерпретации которой формируется концептуальная картина мира, или концептосфера, включающая индивидуальный и коллективный опыт. Как подчеркивает Д. Р. Валеева, «в той или иной степени это находит свое выражение в языковой картине мира, связанной с номинацией основных элементов концептосферы и их экспликацией средствами языка» [4, с. 63].

Не вызывает сомнения тот факт, что «концепты являются результатом отражения языком действительности» [5, с. 44]. Как следствие, они дают ключ к пониманию того, «как концептуализируется мир через призму языка, и какую картину мира демонстрирует изучаемый нами и отдельно взятый язык» [6, с. 46].

Как отмечает Т. В. Гофман, «языковая картина мира складывается из специфических, характерных для данного языка концептов, стереотипов языкового и культурного сознания» [7, с. 24]. В различных национальных культурах люди воспринимают мир по-своему, моделируя через вербализированные концепты свою собственную языковую картину мира, которая локализуется в сознании индивида [8, с. 62-63].

Понятие «суеверие» определяется в словарях как «предвзвешенный, основанный на вере во что-либо сверхъестественное» [9]; "a belief that is not based on reason or scientific thinking and that explains the causes for events in ways that are connected to magic" [10]; "1) creencia extraña a la fe religiosa y contraria a la razón; 2) fe desmedida o valoración excesiva respecto de algo" [11], "forme élémentaire et particulière des sentiments religieux consistant dans la croyance à des présages tirés d'événements matériels fortuits" [12]. Как следует из всех вышеприведенных определений понятия «суеверие», в них всех присутствует сема «вера в сверхъестественное». В русском языке слово «суеверие» образовано от «сue» — «напрасно, без осознания причин» и «вера», букв. «напрасное верование» [13]. Испанское слово *superstición*, французское слово *superstition* и английское слово *superstition* имеют во всех трех языках схожее написание, поскольку этимологически происходят от лат. *superstitio* - «чрезмерный страх перед богами, суеверие» [14]. По мнению Е. Е. Флигинских, у термина «суеверие» сложились особые отношения с терминами «предвзвешенный», «предубеждения» и «приметы», которые чаще

остальных выступают как синонимами друг друга, так и синонимами понятия «суеверие», приобретая его признаки [\[15, с. 155\]](#).

Действительно, тема суеверий глубока и бесконечна, как глубок человеческий разум и бесконечна история развития нашей цивилизации. Суетерия были, есть и будут всегда – так устроен человек, он не может без них жить [\[16\]](#).

Анализ фактического материала позволил нам выделить основные семантические группы концепта «СУЕВЕРИЯ» в языковой картине мира испанцев, французов, британцев, американцев и русских.

· Суетерия, связанные с определенным цветом

- *S'habiller en vert sur scène porte malheur* /пер. с фр. *Одеваться в зеленое на театральной сцене к несчастью*/

Ни один французский актер никогда не наденет на сцену театра ни один предмет одежды **зеленого цвета**. Это суетерие связано с тем реальным историческим фактом, что Мольер – величайший французский драматург XVII века, создатель классической комедии, актер и директор собственного театра – 17 февраля 1763 года был одет в зеленое, когда почувствовал себя дурно, не доиграв роль Аргана в своей комедии «Мнимый больной», был доставлен домой и умер в тот же день [\[17\]](#).

- *El color amarillo da mala suerte* /пер. с исп. *одеваться в желтое к несчастью*/

Интересно, что схожее суетерие с тем же объяснением бытует и среди испанских актеров, однако у них почему-то считается, что в свой последний день на сцене в роли «мнимого» больного Мольер был одет в **желтое**: когда у страдавшего туберкулезом в последней стадии актера во время спектакля начался ужасный приступ кашля, то отхаркиваемая им кровь стала пачкать его желтое одеяние [\[18\]](#).

Эта замена цвета с зеленого на желтый в испанской картине мира, на наш взгляд, обусловлена тем, что в Испании желтый всегда был цветом, который ассоциируется с чем-то негативным. Действительно, в исторической ретроспективе люди, которые считались недостойными для испанского общества того времени, должны были носить этот цвет. Это происходило во времена испанской инквизиции, когда те, кто признавали свою ересь и раскаялись в ней, должны были носить желтый санбенито, накидку из грубой шерстяной ткани по типу пончо.

При этом суетерие о «несчастливом» **желтом цвете** у испанских футболистов напротив трансформировалось в символ спортивной удачи. В качестве примера приведем фрагмент из пасодобля известного испанского поэта-песенника Мануэля (Маноло) Сантандера /исп. Manolo Santander/, который так и называется "Me han dicho que el amarillo" [\[19\]](#):

- *Me han dicho que el amarillo*

está maldito pa' los artistas,

y ese color, sin embargo,

es gloria bendita para los cadistas.

Que aunque reciben a cambio

*todo un calvario de decepciones,
de amarillo se pintan la cara,
amarillo son sus corazones.*

Данный пасодобль стал настолько популярен среди футбольных болельщиков в испанском городе Кадисе, которые поют его на стадионе Рамон де Карранца каждый раз, когда там проходит домашний футбольный матч с их командой, что его сделали официальным гимном Cadix Club de Fútbol.

· Суеверия, связанные с животными

В русскоязычной картине мира есть суеверие, согласно которому **кукушка** своим кукованием может предсказать продолжительность жизни человека:

- Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? – кричат люди, слышав глуховатое куку в лесной чаще.

Дело в том, что у древних славян кукушку считали воплощением богини Живы, которая связана с потусторонним миром и, соответственно, может принести оттуда вести: сколько раз кукушка прокукует на заданный ей вопрос, столько лет человек еще проживет.

С другой птицей, а именно – с **вороном** – в Великобритании, (если точнее, то в британской столице – Лондоне) также связано интересное суеверие:

- If the ravens ever leave the Tower of London, the Crown and Britain will surely fall. /пер. с англ. Если вороны когда-нибудь покинут лондонский Тауэр, то Корона и Британия падут./

Англичане свято верят, что пока вороны обитают в Тауэре, величии их страны ничего не угрожает. Вороны появились в Тауэре, когда он еще был государственной тюрьмой, и когда как в самой крепости, так и рядом с ней – на расположенном неподалеку Тауэрском холме – проводились казни. Средневековый Лондон был естественным ареалом обитания диких воронов, а поскольку данные птицы питаются падалью, то не удивительно, что это место в британской столице так их привлекало. Местные жители, которым резко возросло количество этих птиц стало доставлять неудобство, начали преследовать воронов и истреблять их. Однако королевский астроном Джон Флемстид /англ. John Flamsteed/ объяснил правящему тогда Британией королю Карлу II, что убийство всех воронов было бы плохим предзнаменованием, и что королевство не переживет последнего убитого ворона. Впечатленный этими словами Карл II приказал держать в Тауэре одновременно не менее шести птиц, заботиться о них и кормить их разнообразной пищей, а для того, чтобы они не улетели, им подрезают перья на одном крыле. В настоящий момент в Тауэре живут семь воронов, у них даже есть имена: Jubilee, Harris, Poppy, Georgie, Edgar, Branwen и Rex [\[20\]](#).

- Встретить черного кота на своем пути – это к неудаче.

Для русских встреча с **черным котом** приводит к неудаче. В этом суеверии фигурирует не только животное (кот), которое соотносится с зооморфным кодом культуры, но и его цвет (черный), который соотносится с цветовым кодом культуры. Символика черного цвета отождествляется как в русской, так и в других рассматриваемых лингвокультурах со смертью, злом, враждебностью. При этом черная кошка как нечистая сила со сложившимися атрибутами цвета и действий в ее магическом значении соотносится с

антропоморфным кодом. Пример реализации этого суеверия содержится в знаменитом песенном шлягере «Черный кот» композитора Юрия Саульского на стихи поэта Михаила Танича, который сначала исполняла советская певица Тамара Миансарова, а впоследствии группа «Браво»:

- *Говорят, не повезет,*

Если черный кот дорогу перейдет.

А пока, наоборот,

Только черному коту и не везет!

- *Cruzarse con un gato negro da mala suerte.* /пер. с исп. *Пересечься с черным котом – к неудаче.*/

Такое же суеверие мы находим и у испанцев. Происхождение этого суеверия восходит к католической церкви, которая в Средние века считала **черных котов** и **кошек** реинкарнацией дьявола, ведь они сопровождали ведьм, активно сжигаемых в ту эпоху на кострах инквизиции. Черный цвет идентифицировали как цвет ночи, когда дьявол творил свои темные дела.

- *Un chat noir qui traverse la rue porte malheur.* /пер. с фр. *Черный кот, который пересекает улицу, приносит неудачу.*/

Французы, будучи католиками, также не жаловали **черных кошек**. Но даже когда после Великой французской революции религиозные убеждения французов пошатнулись в сторону атеизма, их в этом суеверии укрепил Наполеон. Французский император увидел, как черная кошка перебегает ему дорогу, накануне битвы при Ватерлоо, которая закончилась сокрушительным разгромом французской армии.

Аналогичное отношение к **черным кошкам** бытует и в США, где значительный процент населения (латиносы, выходцы из Италии, Ирландии) также составляют католики:

- *It's bad luck to have a black cat cross your path.* /пер. с англ. *К несчастью встретить черного кота, перебегающего вам дорогу.*/

В Великобритании, напротив, встреча с **черным котом** ведет к удаче. Отчасти это, по-видимому, связано с переходом Англии при короле Генрихе VIII Тюдоре, которому Папа Римский отказал в аннулировании первого брака с Екатериной Арагонской, не принесшей королю мальчиков-наследников, от католицизма к протестантизму. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, англичане даже выпускают открытки с изображением черного кота и надписью-пожеланием *Good Luck!* [\[21, с. 63\]](#).

- *If a black cat crosses your path, you will have good luck.* /пер. с англ. *Если черным кот перебежит вам дорогу, вам будет сопутствовать удача.*/

· Суеверия, связанные с цифрами

- *el número 13, the number 13* /пер. с исп., пер. с англ. *цифра 13*/

Цифра 13 для испанцев, равно как и для британцев с американцами всегда несчастливая, опасная и даже дьявольская. Ярко выраженная негативная коннотация данного числительного в первую очередь связана с тем, что именно в тринадцатой главе Откровения святого Иоанна Богослова (или, как его иначе называют, Апокалипсиса) –

одной из самых таинственных и священных книг Нового Завета – говорится о появлении антихриста [\[22\]](#).

Многие испанцы даже суеверно боятся просто произнести эту «несчастливую» цифру. Пример тому Анхель Ньето (исп. Ángel Nieto), прославленный испанский мотогонщик MotoGP, 13-кратный чемпион мира в классах 50 см³ и 125 см³, который из суеверного страха перед цифрой 13 предпочитал называть количество своих титулов как «12 + 1» ("doce más uno") [\[23\]](#).

Некоторые люди в США испытывают настолько сильный суеверный страх перед цифрой 13, что в лифтах подавляющего большинства многоэтажных жилых домов и отелей нет кнопки с этой цифрой, и за 12 сразу идет 14, поскольку мало кто захочет купить или арендовать квартиру, а также снять номер на «несчастливом» тринадцатом этаже. Этот факт подтверждается и статистическими данными *Otis Elevator Company*, одной из старейших и крупнейших компаний-производителей подъемного оборудования (эскалаторы, лифты и движущиеся дорожки) в мире, согласно которым в США в около 85 % панелей лифтов, устанавливаемых в высотных зданиях, отсутствует кнопка 13 [\[24\]](#).

Также во многих американских аэропортах нет 13-го выхода на посадку, а некоторые авиакомпании даже вычеркивают каждый месяц эту дату из графиков полетов или у них нет рейсов под номером 13. Часто в американских больницах отсутствует 13-я палата.

В Великобритании во многих кинотеатрах нет ни ряда, ни кресла под номером 13. Знаменитое колесо обозрения *London Eye* /пер. с англ. Лондонский глаз/, расположенное на южном берегу Темзы, в реальности имеет 32 кабинки-капсулы для пассажиров, однако нумерация кабинок идет до 33, поскольку капсула под номером 13 отсутствует [\[25\]](#). В своей книге "London: The Biography" Питер Аккرويد упоминает о «суеверных» улицах британской столицы, которые не имеют домов с номером 13: Fleet Street, Oxford Street, Park Lane, Praed Street, St James's Street, Haymarket и Grosvenor Street – все эти лондонские улицы избегают страшного числа 13 [\[26\]](#).

В английском языке существует устойчивое выражение *baker's dozen* /пер. с англ. пекарская дюжина, или дюжина булочника/, которое соответствует числу 13, в отличие от слова *dozen*, которое эквивалентно числу 12. История превращения в Англии числа 13 в «пекарскую дюжину» восходит к середине XIII века, когда торговая гильдия «Досточтимая компания пекарей» /англ. Worshipful Company of Bakers/ ввела суровые штрафы и наказания (вплоть до отсечения руки) за неполновесность фунтовых буханок хлеба. Однако любой хлеб неизбежно дает усушку, поэтому, чтобы избежать карательных мер, все разносчики и лавочники, бравшие хлеб у пекарей, добавляли к каждой дюжине буханок одну лишнюю, которая по-английски называлась *unbread* /пер. с англ. не хлеб/ и разрезалась на довески ко всем буханкам, не дотягивающим до фунта или до двух фунтов [\[25\]](#).

Особенно британцы утвердились в своем негативном отношении к цифре 13, когда в 31 (при перестановке цифр получается «несчастливое» число 13) августа 1997 году автомобиль с принцессой Дианой и Доди Аль-Файедом в попытке оторваться от преследовавших их папарацци врезался именно в тринадцатый по счету столб парижского тоннеля Pont de l'Alma, что привело к трагической гибели «королевы людских сердец» и ее спутника.

- *le chiffre 13 (porte malheur ou bonheur, ça dépend de la situation)* /пер. с фр. цифра 13 (приносит как несчастье, так и удачу в зависимости от ситуации)/

У французов **цифра 13** вызывает неоднозначные чувства. Так, например, у азартных французов двойственное отношение к числу тринадцать: многие из них верят в магию цифры 13 и покупают в эту дату лотерейные билеты "la Française des Jeux" (компания-монополиста по проведению лотерейных розыгрышей во Франции), либо едут в казино в надежде выиграть крупную сумму денег.

Для других французов эта цифра ассоциируется с несчастьем и невезением, особенно это касается числа гостей за столом:

- *Un dîner à 13 personnes est de mauvaise augure.* /пер. с фр. Ужин на 13 персон – плохое предзнаменование./

У французов во время ужина за столом не должно быть ни в коем случае 13 человек, поскольку таковым было количество гостей на Тайной Вечере, последней трапезе Христа перед Его распятием, на которой присутствовали двенадцать апостолов, в том числе предавший Его Иуда.

Данное суеверие французов даже легло в основу сюжета французского фильма «Мадам» /фр. *Madame*/ (2017) режиссера Аманды Штерс с Тони Коллетт, Харви Кейтелем и Росси де Пальма в главных ролях. Фильм начинается с того, что богатая супружеская пара – американец Боб и француженка Энн (к которой все слуги согласно французскому этикету обращаются «Мадам», то есть «Хозяйка») – готовится устроить у себя дома в Париже важный для них званый ужин на 12 персон, среди которых даже будет мэр Лондона. Однако в самый последний момент к ним в гости приезжает взрослый сын Боба от первого брака, и Мадам понимает, что за столом тогда будет 13 человек. Хозяйка, из суеверия, просит свою служанку испанку Марию присоединиться к трапезе в качестве 14-го гостя. Неожиданно для себя Мария, преданно служившая этой семье много лет, оказывается за столом инкогнито, производит фурор своей непосредственностью и влюбляет в себя британского арт-дилера, который уверен, что общается с эксцентричной испанской аристократкой. Мадам приходит в ярость от того, что горничная привлекла внимание мужчины не из ее круга, но членам семьи приходится подыгрывать Марии, так как семья находится на грани банкротства, и от того, удастся ли арт-дилеру продать их картину «Тайная Вечера» кисти Караваджо (еще одна отсылка в фильме, на этот раз к истокам данного суеверия), зависит их дальнейшее благосостояние.

В Российской империи **число 13** также иногда считалось несчастливым и называлось «чертовой дюжиной». Во время Первой мировой войны в составе Русской императорской армии была создана Особая армия, которая, по утверждению военного историка А. А. Керсновского, была названа так из суеверных опасений, чтобы не являться «13-й» армией [\[27, с. 299\]](#). В СССР и в современной России цифра 13 не имеет такой магической силы, и в ее «несчастливость» мало кто верит.

У русских суеверия, связанные с цифрами, в большей мере связаны с **числом цветов в букете** – четное количество нужно дарить живым, нечетное количество цветов в букете предназначено для мертвых (на похороны или при визите на кладбище). Подарить букет с нечетным количеством цветов живому человеку нечаянно (один из цветов сломался или завял, и его выбросили) или осознанно (со злыми намерениями) – к скорой смерти этого человека.

В испанской, французской, британской и американской картине мира суеверие, связанное с четным и нечетным количеством цветов в букете, отсутствует.

· Суеверия, связанные с днями недели

Русские не любят **понедельники**, поскольку именно с них начинается рабочая неделя:

- *Понедельник – день тяжелый!*

Имеется поверье об этом дне недели, основанное на древнерусском языческом суеверии о том, что понедельник – день Луны, покровительницы чародейства, волхования и колдовства, поэтому человек, начинавший дело в понедельник, рисковал столкнуться с противодействием злых чар. Соответственно, по суеверным представлениям русских понедельник – черный, тяжелый день.

Следуя этой логике, в русскоязычной лингвокультуре бытует суеверие, что рожденным в этот день недели, не видать удачи и везения:

- *Если родился в понедельник, то всю жизнь не будет везения.*

Это русское суеверие обыгрывается в исполненной Андреем Мироновым песне «Остров невезения» из комедии Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука»:

- *Весь покрытый зеленью, абсолютно весь*

Остров невезения в океане есть.

Остров невезения в океане есть

Весь покрытый зеленью, абсолютно весь.

Там живут несчастные люди-дикари

На лицо ужасные, добрые внутри.

На лицо ужасные, добрые внутри

Там живут несчастные люди-дикари.

Что они ни делают, не идут дела.

Видно в понедельник их мама родила!

Видно в понедельник их мама родила!

Что они ни делают, не идут дела.

У британцев, а впоследствии и у американцев, таким несчастливym для рождения днем является **среда** /англ. *Wednesday*/. Суеверие пошло от популярной английской детской песенки *Monday's Child* /пер. с англ. *В понедельник кто рожден*/, предназначенная для обучения маленьких детей с целью запоминания ими названий дней недели, в которой есть строчка [\[28, p. 309\]](#):

- *Wednesday's child is full of woe* / пер. с англ. *Тот, кто в среду был рожден, горьким горем будет полн.* (дословно: *Ребенок, рожденный в среду, полон горя*)/.

Отражение данного суеверия англосаксов мы находим в песне *Wednesday's Child* из музыкального альбома *Collage* (1970) американской рок-группы *Paul Revere & the Raiders*, которая содержит следующие слова:

- *Wednesday's child is full of woe*

Whoa, oh-oh-oh

Woe I know

I am Wednesday's child.

Также благодаря этому суеверию свое имя получила Уэнсдей /англ. *Wednesday*/ – главная героиня одноименного американского подросткового сериала в жанре комедии ужасов со сверхъестественными элементами по мотивам культового ситкома «Семейка Аддамс» /англ. *The Addams Family*/, поскольку горе, неудача и несчастье в этой «кошмарной» семейке означают то же самое, что для других радость, удача и счастье.

Вторник /исп. *martes*/ является несчастливым днем недели в Испании, поскольку его название произошло от планеты Марс, названной в честь древнеримского бога войны Марса. Особенно неудачливым является вторник, если он совпадает с несчастливой датой 13.

- *Martes y 13* /пер. с исп. *вторник 13-е*/

Суеверный страх перед подобной датой в календаре отражен в известной испанской пословице:

- *En martes y 13, ni te cases ni te embarques ni de tu casa te apartes.* /пер. с исп. *Во вторник 13-го не нужно ни жениться, ни отправляться в плавание, ни покидать свой дом.*/

Эта несчастливая дата у испанцев – то же самое, что **пятница 13-е** /англ. *Friday, The 13th*/ у британцев и американцев, а также у заимствовавших это суеверие у англосаксов французов. Присутствующая в данных лингвокультурах фобия перед пятым днем недели обусловлена тем, что, согласно Библии, Иисус Христос был распят именно в пятницу.

- *Unlucky Friday 13th.* /пер. с англ. *Несчастливая пятница 13-е* /

- *Le vendredi 13 est un jour porte-malheur.* /пер. с фр. *Пятница 13-е является несчастливым днем.*/

У французов с датой пятница 13-е /фр. *vendredi 13*/ связан такой мрачный и мистический факт из истории их страны, когда именно в пятницу 13-го в 1307 г. по приказу короля Франции Филиппа IV были арестованы все члены ордена Тамплиеров вместе с его руководителем – Великим магистром Жаком де Моле / фр. *Jacques de Molay*/ . В течение нескольких лет они подвергались жесточайшим пыткам инквизиции с целью получения признательных показаний в еретических мыслях и деяниях, а затем казнены. Жак де Моле был сожжен на костре 18 марта 1314 года в Париже. Существует легенда о проклятии де Моле, согласно которой, взойдя на костер, Великий магистр разгромленного в пятницу 13-го ордена Тамплиеров вызвал на Божий суд французского короля Филиппа IV и папу Климента V, пообещав, что они переживут его не более чем на год. Климент V умер 20 апреля 1314 г., Филипп IV – 29 ноября 1314 г., что касается причин их смерти, то до настоящего времени существуют различные версии – от обычных до оккультных. Также в момент своей смерти Жак де Моле проклял всех последующих королей Франции, и данное проклятие якобы прекратило действие только после Великой французской революции и казни Людовика XVI [\[29\]](#).

У американцев и британцев суеверный страх перед этой датой – *Friday, The 13th* – подогревается еще и индустрией развлечений. В первую очередь в этой связи следует

упомануть американскую франшизу ужасов поджанра слэшер «Пятница, 13-е» /англ. *Friday, The 13th*/, которая уже с первого фильма, вышедшего в 1980 г., стала культовой у поклонников этого жанра. Благодаря неослабевающему интересу зрителей в 1980-х гг. на экраны вышло еще семь фильмов франшизы, а в 1990-х гг. были запущены сериалы, которые имели достаточно высокие рейтинги, поэтому съемки новых серий продолжают до настоящего времени. Хоккейная маска, которую носит главный персонаж серии фильмов маньяк и жестокий убийца Джейсон Вурхиз /англ. Jason Voorhees/, стала одним из самых узнаваемых атрибутов в мировом кинематографе. По мотивам фильмов было выпущено множество романов и комиксов, а также большое количество товаров с их атрибутикой. Большой популярностью у геймеров пользуется компьютерная игра в жанре Survival horror, которая тоже так и называется *Friday the 13th: The Game* (2017).

· Суеверия, связанные с продуктами

- *Если нечаянно просыпать соль, то это принесет несчастье.*

- *Derramar la sal trae la mala suerte a la casa.* /пер. с исп. *Просыпать соль – к несчастью в доме.*/

- *Le sel renversé porte malheur.* /пер. с фр. *Просыпанная соль приносит несчастье.*/

- *It's bad luck to spill salt.* /пер. с англ. *Рассыпать соль – к несчастью.*/

С античных времен и вплоть до изобретения холодильников для того, чтобы еда долгое время не портилась, главным образом использовали **соль**: многие продукты, в первую очередь мясо, рыбу и овощи, сохраняли именно путем засаливания. Это было актуально не только для стран с жарким климатом (Испания, Франция), но и для стран с более суровыми климатическими условиями (Великобритания, Россия). В древности соль была в дефиците и, соответственно, стоила очень дорого, именно поэтому считалось, что рассыпание соли принесет в дом несчастье. Кратное увеличение цены на соль могло даже привести к народным волнениям, как это произошло в 1648 году в Москве: это событие вошло в историю России как «соляной бунт» [\[30, с. 140\]](#).

Однако испанцы знают, как нейтрализовать негативные последствия от просыпания соли. Нужно сразу же взять в щепотку просыпанную соль и быстро бросить ее себе за спину через левое плечо, чтобы ослепить сидящего на нем дьявола, который тогда ничего не успеет заметить, а, значит, и не навлечет несчастье. В современной Испании это суеверие и способ его нейтрализации распространились с соли уже на любое сыпучее вещество или продукт. Например, в удостоенном множества кинонаград комедийно-драматическом фильме «Семья» /исп. *Familia*/ (1996) испанского режиссера и сценариста Фернандо Леоном де Араноа /исп. *Fernando León de Aranoa*/ мать семейства, когда делала макияж, нечаянно просыпала пудру, тотчас собрала часть просыпанной пудры в щепотку и швырнула ее через левое плечо.

- *Mettre le pain à l'envers sur la table porte malheur.* / пер. с фр. *Класть хлеб основанием вверх к несчастью.*/

Каждый француз знает, что ни в коем случае нельзя класть **хлеб** обратной стороной вверх. Это французское суеверие восходит к Средневековью, когда казни проводились публично на площади, часто в районе обеда, который во Франции что тогда, что сейчас начинается ровно в 12 часов дня. Поскольку палачи были заняты казнями в полдень, пекари имели привычку оставлять для них хлеб, откладывая его в сторону. Чтобы отличить «хлеб палача» от того, который предназначался для других покупателей, его

поворачивали обратной стороной кверху. Перевернутый хлеб, который был зарезервирован для палача, стал синонимом несчастья. Люди были осторожны, чтобы не трогать хлеб палачей и не класть хлеб основанием вверх.

- *Пустая бутылка из-под спиртного на столе к отсутствию финансового благополучия.*

В России народная примета гласит, что нельзя оставлять **пустую бутылку** после вина, водки или другого спиртного напитка на столе, потому что иначе сидящих за столом ждет пустота в кошельке и, как следствие, нищета. Считается, что пустые бутылки, которые ставят на стол, приносят бедность: хозяйке в скором будущем будет нечем угощать гостей, а семья буквально будет доедать последние крошки хлеба. И, действительно, русские во время застолья скрупулезно следят за тем, чтобы опустевшие бутылки отправлялись под стол. Данное суеверие настолько прочно вошло в русскую картину мира, что это делается автоматически, при этом безденежье, «пустая» жизнь и другие несчастья даже не упоминаются.

- *Пролить на себя вино – к несчастью.*

Согласно русскому суеверию, пролить на себя **красное вино** означает навлечь на себя крупное несчастье и невезение, если же пролитое вино – белое, то проблемы будут не такие серьезные. Такая разница в последствиях суеверия в зависимости от вида вина, на наш взгляд, связана скорее с тем, что красное вино сложнее отстирать.

В Испании, напротив, верят в то, что пролитое вино приносит счастье:

- *Derramar el vino predice buena suerte o trae alegría.* / пер. с исп. *Пролить вино предвещает удачу или создает атмосферу радости.*

Следуя этому суеверию, каждый год в конце июня в испанском городе Аро /исп. Наро/, расположенном в винодельческом регионе Ла Риоха /исп. La Rioja/, проводится праздник «винной битвы» /исп. batalla del vino/, на который со всей страны съезжаются испанцы, а также туристы, чтобы вволю пообливать друг друга вином. В Испании вино является важным элементом культуры и традиций, а обливание друг друга вином для испанцев – это своеобразный ритуал очищения от прошлого и символ радости и празднования жизни.

· Суеверия, связанные с продуктами жизнедеятельности животных

В русской картине мира бытует суеверие:

- *Если на вас накакала птица, то это к деньгам.*

Отражение данного суеверия находим в советском анекдоте про Ленина и Горького:

Прогуливаются как-то Владимир Ленин с Максимом Горьким по Кремлю. Вдруг Ленину прямо на лысину делает свои дела пролетающая над ними птица.

- *К деньгам, Владимир Ильич!* - говорит Горький.

- *Да мне достаточно того, что у меня есть,* - отвечает ему вождь пролетариата, досадливо стирая с головы это безобразие.

На что буревестник революции с характерным оканьем изрекает:

- *Ну, тогда хорошо, что коровы не летают!*

У французов подобное суеверие касается уже не птиц, а собак:

- *Marcher dans le caca du chien du pied gauche: oui!, mais du droit: non!* /пер. с фр. Наступить в какашки собаки левой ногой – да!, а вот правой ногой – ни в коем случае!/
 Ни для кого не секрет, что собачьи экскременты на тротуарах уже стали одним из символов Франции в целом и Парижа в частности, поэтому абсолютно не вызывает удивление тот факт, что именно во французской картине мира встречается суеверие о том, какой ногой наступить в собачьи какашки приносит удачу, а какой – неудачу.

- *iMucha mierda!* /пер. с исп. Много д@#ма! /

Пожелание удачи в Испании в театральной среде перед премьерой спектакля. Аналог русского пожелания «Ни пуха, ни пера!» – охотничьей формулы с более широким контекстом применения, в ответ на которое в России ни в коем случае нельзя благодарить, а в нарушение всех правил элементарной вежливости нужно посылать собеседника «к черту!».

· Суеверия, связанные с предметами быта

Во всех рассматриваемых нами лингвокультурах содержится суеверие относительно того, что **разбитое зеркало** – к большому несчастью. Разнятся только срок, в течение которого это несчастье будет длиться: если в русской картине мира это будет происходить в ближайшем будущем и носить разовый характер, то для остальных свойственно указание на четкий срок, сколько это несчастье или невезение будет длиться (ровно семь лет), что говорит о его пролонгированном характере. Сравним:

- *Разбитое зеркало в доме – к смерти кого-то из близких или к большому несчастью.*

- *Si rompes un espejo tendrás siete años de mala suerte.* /пер. с исп. Если разобьешь зеркало, у тебя будет семь лет невезения./

- *Break a mirror, and you'll have seven years bad luck.* /пер. с англ. Разобьешь зеркало, и у тебя будет семь лет невезения./

- *Casser un miroir apporte 7 ans de malheur.* /пер. с фр. Разбить зеркало ведет к семи годам несчастья./

Отсылку на данное суеверие находим в песне в исполнении американского соул-певца Стиви Уандера /англ. Stevie Wonder/ с его альбома *Talking Book* (1972), которая так и называется – *Superstition*:

- *Very superstitious, nothin' more to say*

Very superstitious, the devil's on his way

*Thirteen month old baby, **broke the lookin' glass***

Seven years of bad luck, good things in your past.

Истоки этого суеверия восходят к Античности, ведь для древних римлян зеркала были предметом небывалой роскоши. В те времена считалось, что зеркала отражают не только внешний вид человека, но и его душу. Следовательно, разбить зеркало означало нанести вред собственной душе и даже уничтожить ее.

- *Встретить женщину с пустым ведром – к беде.*

Появление этого русского суеверия восходит к тем временам, когда женщины с ведрами ходили к колодцам за водой. Если они возвращались домой с **пустыми ведрами**, это сулило беду: либо вода ушла из колодца, либо загрязнилась и стала непригодной для питья. С появлением центрального водоснабжения уже большая редкость, чтобы кто-то носил воду коромыслом. Однако данное суеверие не устарело и не потеряло для нас, русских, своей актуальности, поскольку ведра до сих пор используются при мытье окон и полов или для того, чтобы привезти собранный урожай с дачи. Вера в силу плохих последствий настолько велика, что часто от того, кто идет с ведром, можно услышать фразу: «Не бойтесь, оно не пустое!».

- *Putting up umbrellas indoors will cause bad fortune to rain on your family.* /пер. с англ. Открыть зонтик внутри помещения приведет к невезению, которое дождем обрушится на вашу семью./

Происхождение этого суеверия восходит к Англии XVIII века, когда считалось, что **открыть зонтик в помещении** ведет к несчастью из-за противоречия, которое в понимании англичан существовало между зонтиком (защитой от дождя и от солнца) и домом, поскольку дом защищает своих жителей (англ. *My house is my castle (=fortress).*) и не терпит никакой другой защиты. Другое, более приземленное, объяснение данного феномена связывают с тем, что первые зонты от дождя были довольно тяжелыми и громоздкими, с ручкой-тростью и острым наконечником. Так что, открывая такой зонт в тесном помещении прихожей, всегда существовал риск разбить или повредить что-то и даже нечаянно ранить кого-то. Как следствие этого суеверия, у британцев рядом с входной дверью в помещении всегда обязательно есть стойка для зонтов.

Французы, испанцы и американцы также, вслед за британцами, придерживаются данного суеверия:

- *Ouvrir un parapluie dans une maison porte malheur.* /пер. с фр. Открыть зонтик в доме приносит несчастье./

- *Abrir un paraguas bajo techo da mala suerte.* /пер. с исп. Открыть зонтик в помещении ведет к несчастью./

В России этого суеверия не придерживаются и в период дождей спокойно сушат свои зонты в открытом виде внутри помещения, где находятся.

Во всех рассматриваемых лингвокультурах существует суеверие о том, что **пройти под лестницей** приносит несчастье:

- *Пройти под лестницей приведет к несчастью.*

- *It's bad luck to walk under ladders.* /пер. с англ. Случится несчастье, если пройти под лестницей./

- *Passer sous une échelle: en plus d'être dangereux, porte malheur.* /пер. с фр. Проходить под лестницей не только опасно, но и приносит несчастье./

- *Pasar debajo de una escalera da mala suerte.* /пер. с исп. Пройти под лестницей приносит несчастье./

Хотя это одно из самых популярных суеверий о невезении, его происхождение несколько неясно. С одной стороны, лестница была связана со смертью на виселице, так как палачи поднимались по лестнице, чтобы накинуть веревку на шею повешенного. С

другой стороны, в христианской изобразительной традиции Люцифер изображался скрюченным и злобно глядящим из-под лестницы, по которой спускалось с креста тело Христа. Другое возможное происхождение данного суеверия связано со священным и мистическим значением, которое всегда придавалось треугольнику в христианстве (Святая Троица как Триипостасность Бога – Отец, Сын и Святой Дух), и именно треугольник является той геометрической фигурой, которая образует лестницу, прислоненную к стене, вот почему считалось святотатством пересекать это священное триединство.

Еще одно суеверие – **постучать по дереву**, чтобы вернуть удачу – также восходит к христианству, ведь Иисус Христос был распят на деревянном кресте. Нателные кресты первых христиан также были из дерева. Следовательно, прикоснуться к дереву как попросить помощи и защиты у Христа:

- *Нужно трижды постучать по деревянной поверхности, чтобы избежать опасности и сглаза.*

- *Knocking on wood twice reverses bad luck. /пер. с англ. Два раза постучать по дереву отведет от вас неудачу./*

- *Toucher du bois récupère votre chance. /пер. с фр. Постучать по дереву вернет удачу./*

- *Tocar madera da buena suerte. /пер. с исп. Постучать по дереву принесет удачу./*

· Суеверия, связанные с природными явлениями

- *Если загадать желание на падающую звезду, то оно сбудется.*

Суеверие загадывать желание на падающую звезду упоминается в VI главе романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Повествуя о подверженности главной героини Татьяны Лариной суевериям, поэт, на наш взгляд, хочет подчеркнуть провинциальную наивность Татьяны, которая на момент встречи с Евгением Онегиным, прожила большую часть своей жизни в деревенском поместье:

- *Когда ж падучая звезда*

По небу темному летела

И рассыпалась, – тогда

В смятенье Таня торопилась,

Пока звезда еще катилась,

Желанье сердца ей шепнуть.

Испанцы, британцы и французы также спешат загадать желание, видя падающую звезду.

В США бытует такое же суеверие, подтверждение чему мы находим, например, в песне *Superstitions in travel* американской группы *Elliott*:

- *It's superstitious but i keep on wishing*

On all the falling stars on hold for me.

· «Профессиональные» суеверия

1) суеверия моряков

Как отмечает Н. А. Каланов, не бывает несуетверных моряков, ведь «суетверие – это и есть поэзия морской жизни» [31, с. 12].

- *Женщина на корабле к несчастью.*

- *Women are to be avoided as passengers because it brings bad luck. /пер. с англ. Следует избегать брать женщину на корабль в качестве пассажира, поскольку это принесет несчастье./*

Данное гендерное суетверие очень долго бытовало среди моряков, независимо от их национальности. Привести даму на корабль означало навлечь на себя гнев капитана и остальной команды. Согласно одной из версий возникновения в древности данного суетверия, повелители морей греческий бог Посейдон и древнеримский бог Нептун, увидев женщину на корабле, могли захотеть забрать ее себе, тем самым потопив весь корабль вместе с командой. Однако существует и другая, более прозаическая, версия: поскольку в плавание корабли отправлялись на много месяцев, а то и лет, считалось, что присутствие представительниц прекрасного пола на корабле будет отвлекать моряков их от обязанностей и возбуждать их страсти, вызывая ревность среди членов экипажа и приводя к раздорам или даже к дракам со смертельным исходом.

Однако можно констатировать, что в наше дни это суетверие полностью вышло из обихода: во всех рассматриваемых лингвокультурах женщин больше не отождествляют с несчастьями в морских путешествиях.

- *It is considered very unlucky to kill an albatross. /пер. с англ. Считается очень плохим предзнаменованием убить альбатроса./*

Английское суетверие, связанное с альбатросом – самой крупной морской птицей и извечным попутчиком судов, упоминается в известной поэме Сэмюэля Тейлора Колериджа /англ. Samuel Taylor Coleridge/ *The Rime of the Ancient Mariner* /пер. с англ. Сказание о старом мореходе/ (1798). Согласно суетверию моряков убить альбатроса ведет к очень большой неудаче. В стихотворении С. Т. Колериджа рассказчик убил птицу, а остальные моряки так разозлились на него, за то, что он накликнул на них беду, что заставили его носить мертвую птицу на шее, чтобы он ни на секунду не забывал, что натворил. Но экипаж судна это все равно не уберегло от мучительной смерти из-за жажды. Один за другим, все двести товарищей моряка умирают, и только рассказчик избежал печальной кончины, поскольку, постоянно глядя на убитую им прекрасную птицу, искренне покался в содеянном перед Господом. Проклятие исчезает, и в знак того альбатрос срывается с его шеи в морскую пучину. С неба проливается дождь и утоляет жажду моряка, его корабль плывет прямо домой, не повинаясь ветру, ведомый вселившимися в тела мертвых ангелами. Привезя моряка на родину, корабль-призрак исчезает вместе с командой в водовороте, а моряк в знак своего раскаяния теперь должен скитаться по земле, рассказывая повсюду в назидание свою историю.

- *Cuando las ratas abandonan un barco es porque se va a hundir. /пер. с исп. Когда крысы покидают корабль, это означает, что он в скором времени утонет./*

- *Крысы бегут с утопающего корабля.*

Интересно, что последнее суетверие в русском языке преобразовалось во фразеологизм, начав употребляться в переносном значении по отношению к людям-предателям и паникерам.

2) суеверия спортсменов

У американцев главным летним командным видом спорта является бейсбол, соответственно, и основные спортивные суеверия связаны именно с ним. Например:

- *Superstitious baseball players will wear the same shirt every day when they are on a hitting streak.* /пер. с англ. Суеверные игроки в бейсбол носят одну и ту же футболку когда они участвуют в серии ударов (количестве последовательных официальных игр, в которых игрок появляется и получает по крайней мере одно базовое попадание)./

Схожее суеверие мы находим у американцев и относительно столь любимого ими хоккея. В 3 серии 5 сезона американского сериала о буднях «возрастного» полицейского-новобранца «Новичок» /англ. The Rookie/ находим такой диалог между главным персонажем Джоном Ноланом и молодой полицейской-стажером латиноамериканкой Селиной Хуарес, свято верящей в потусторонние силы:

She: - *And what about you? Do you believe in something?*

He: *In superstitions? No, no. Not really. But in high school I didn't wash my hockey jersey for a year because of the winning streak.*

/Она: - А Вы? Вы верите во что-нибудь?

Он: - В суеверия? Нет, нет. Вообще-то нет. Но в старших классах я год не стирал свой хоккейный свитер из-за победной серии./

У русских хоккеистов не принято бриться во время победной серии, поэтому не удивительно, что когда наша хоккейная сборная вернулась домой с Пекинской Зимней Олимпиады, то у них у всех была окладистая борода и золотые медали.

- *Если первая игра серии окончилась победой команды, то далее хоккеисты не бреются, пока продолжаются игры серии матчей.*

3) суеверия студентов

У советских студентов бытовало суеверие, что перед сдачей зачета или экзамена нужно положить в обувь под пятку **пятикопеечную монетку** на удачу (цифра 5 считается у студентов счастливой, поскольку это эквивалент высшей оценки – «отлично»).

- *Если в ночь перед экзаменом положить учебник или конспект под подушку, то во сне материал сам отложится в голове.*

Действительно, многие русские студенты до сих пор верят, что можно приманить удачу и знания во сне. Для этого ночь накануне экзамена нужно спать на конспектах и учебниках, предварительно положив их под подушку.

С советских времен и до наших дней у русских сохранились многие другие студенческие суеверия, например:

- *Готовясь к экзамену, нельзя оставлять конспекты и учебники открытыми, чтобы уже выученные знания «не выветрились».*

- *Нельзя мыть волосы перед экзаменом, а то «знания смоешь».*

- *Во время экзамена кто-то из друзей или родных обязательно должен ругать студента*

«на удачу».

- Если подержаться за студента, который только что сдал экзамен на «отлично», то на тебя перейдет его успех.

- Брать билет нужно обязательно левой рукой, тогда вытянешь «счастливый».

Два последних суеверия мы встречаем в комедийном художественном фильме режиссера Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965) во второй из трех новелл – «Наваждение», в которой во время экзаменационной сессии в политехническом институте Шурик знакомится со студенткой-отличницей Лидой.

В Москве студенты в сессию старательно трут нос собаки из скульптурной композиции пограничника работы Матвея Манизера на станции метро «Площадь Революции», начиная с 1938 года, когда эта станция московского метрополитена только открылась. Традиция жива до сих пор, в сессию здесь можно наблюдать даже небольшую очередь из страждущих.

- Если потереть нос бронзовой собаки, то сессия будет сдана успешно.

В Испании также бытует несколько интересных студенческих суеверий. Самое знаменитое из них – про поиски лягушки.

- *El universitario capaz de localizar la rana en la fachada de la Universidad de Salamanca sin ayuda, tendrá suerte en sus estudios.* /пер. с исп. Студенту, которому удастся разглядеть лягушку на фасаде университета Саламанки без посторонней помощи, будет сопутствовать удача на протяжении всей учебы. /

Фасад университета Саламанки, старейшего высшего учебного заведения Испании и одного из старейших в Европе, основанного Альфонсо IX де Леоном в 1218, скрывает лягушку, которая является главным персонажем любопытного суеверия очень популярного в данном испанском университетском городе. Согласно данному суеверию, студенты университета должны найти на фасаде это земноводное, если хотят успешно пройти все экзаменационные испытания. Говорят, что тот студент университета, который может найти лягушку без чьей-либо помощи, будет удачлив в учебе. Сделать это не так просто, как может показаться на первый взгляд, поскольку лягушка небольшого размера, она расположена на правой полуколонне фасада на стыке между вторым и третьим этажом. Земноводное сидит сверху на левом из трех черепов, образующих капитель полуколонны, поэтому разглядеть лягушку, стоя внизу представляется крайне сложной задачей.

4) суеверия людей опасных профессий (полицейских, пожарных, военных, летчиков)

В среде людей опасных профессий в России нельзя говорить слово «последний», вместо него они употребляют слово «крайний» («крайнее задание», «крайнее рабочее дежурство», «крайний бой», «крайний полет»), поскольку «последнее задание», «последнее рабочее дежурство», «последний бой», «последний полет» – это «последний в жизни», «смертельный».

Полицейские Лос-Анджелеса «на удачу» носят на шее медальон с изображением Св. Христофора, на котором по кругу написано *Saint Christopher protect us* /пер. с англ. Святой Христофор, защити нас./. При этом данный медальон не принято покупать самому, нужно, чтобы его подарил друг или родственник. Также медальон с изображением

Святого Христофора является неременным атрибутом американских серферов, поскольку, согласно легенде, данный Святой переносил Ребенка Христа через реку, а, следовательно, дает защиту тем, кто в опасности, и тем, кто связан с водной стихией.

У всех американских копов есть еще одно суеверие. Оно касается запрета на произнесение слова «спокойный» на работе, поскольку стоит какому-либо полицейскому его произнести, как все самые тяжелые и запутанные преступления этого дня или ночи будут происходить именно на территории его участка или зоны его патрулирования.

- If the men and women in blur want to have good luck they shouldn't never say the word "Quiet" (normally referred to as the "Q" word) in any squad room. /пер. с англ. Если мужчины и женщины в синей униформе хотят сохранить удачу, они никогда не должны произносить слово "Quiet" /«спокойный»/ (обычно его даже в упоминаниях обозначают как "Q" слово) в любом отделе полицейского участка./

У пожарных не принято начищать непосредственно перед сменой свою обувь, иначе все дежурство придется бегать по горящим помещениям, пока она сильно не запылится от пепла.

5) суеверия тореадоров

Последнюю категорию «профессиональных» суеверий представляется целесообразным выделить отдельно, поскольку она характерна только для испанской картины мира. Хотя бои быков кроме Испании также проводятся и на юге Франции, однако для французов это явление не является чем-то культовым и сакральным как для испанцев. Тавромахия прочно вошла в культурный код испанцев и стала неотъемлемой частью их национальной идентичности, найдя свое отражение в испанской литературе, искусстве и языке. При этом вполне логично, что бои быков, в которых любой выход тореадора на арену сопряжен с риском для жизни и здоровья, породили целый пласт суеверий [\[32\]](#). Приведем самые популярные из них.

- Si colocar una montera sobre una cama del hotel esto atraerá irremediabilmente la mala suerte a la hora de la corrida. /пер. с исп. Если положить монтеру (головной убор тореадора) на кровать в отеле, то это неотвратно принесет неудачу во время корриды./

- Hay que tocar la madera de la barrera antes de hacer el paseíllo para tener suerte. /пер. с исп. Нужно постучать по дереву ограждения арены на удачу, прежде чем сделать торжественный проход в самом начале корриды./

- Cuando brindan al público y lanzan la montera al aire, todos los toreros prefieren que caiga boca abajo (señal de buena suerte) porque, si cae boca arriba, la posibilidad de que suceda alguna fatalidad aumenta. /пер. с исп. Когда в начале корриды происходит церемония приветствия зрителей тореадорами во время которой они подбрасывают в воздух свою монтеру (головной убор тореадора), то все тореадоры предпочитают, чтобы она упала лицом вниз (знак того, что будет сопутствовать удача), потому что если упадет на песок лицом вверх, возможность того, что произойдет что-то плохое, возрастает./

- Para tener suerte hay que encender una veladora al santo o virgen de su devoción en la habitación donde se vistieron y apagarla al regresar de la corrida. /пер. с исп. Чтобы сопутствовала удача, нужно зажечь свечу своему святому, либо Деве Марии в номере отеля, в котором разместили тореадора, а потушить ее нужно только вернувшись в отель после корриды./

- Para tener suerte hay que pisar el ruedo por primera vez con el pie izquierdo. /пер. с исп.

Чтобы сопутствовала удача, нужно ступить на круг арены с левой ноги./

- *Ver antes de un festejo un búho trae suerte.* /пер. с исп. Увидеть перед корридой сову принесет удачу./

В последнем случае суеверие связано с тем, что совы – ночные животные, и увидеть их в светлое время суток, когда обычно и проходит коррида, является большой редкостью.

· Суеверия, связанные со свадьбой, браком и безбрачием

- *Si llueve el día de la boda, el matrimonio será feliz y unido.* /пер. с исп. Если в день свадьбы идет дождь, то брак будет счастливым и крепким./

Когда в Мадриде 22 мая 2004 года состоялась свадьба испанского наследного принца Филиппа /исп. príncipe Felipe/ и журналистки Летиции Ортис Рокасолано /исп. Letizia Ortiz Rocasolano/, и перед самым венчанием в церкви пошел сильный ливень, то все испанцы радовались за молодоженов. Дело в том, что в Испании существует суеверие, что **дождь в день свадьбы** сулит долгие годы супружеского благополучия, и тот факт, что в этом году теперь уже король Филипп VI и королева Летиция отпраздновали двадцатилетие своего гармоничного и счастливого брака наглядно это подтверждают.

- *Подарить на свадьбу нож – к разногласиям и ссорам между молодыми.*

В России нельзя **дарить на свадьбу ножи**, даже в составе набора столовых приборов – брак не будет удачным. По поверьям острые предметы принесут несчастья и испортят отношения в молодой семье. В случае, если такое все-таки произошло, то в ответ на подобный подарок нужно передать дарителю монетку, тогда негатив будет полностью нейтрализован.

Согласно английским суевериям на невесте в день свадьбы обязательно должно быть *something old and something new, something borrowed and something blue* / пер. с англ. что-то старое, что-то новое, что-то взятое взаймы и что-то голубое/, где **старое** символизирует преемственность поколений, **новая вещь** на невесте символизирует образование новой семьи, **взятое взаймы** у близких и друзей олицетворяет теплые отношения и крепкую дружбу, а **синее** – верность и супружескую преданность. Для США это суеверие тоже очень характерно, например, в фильме «Сумерки. Сага. Рассвет: Часть 1» /англ. The Twilight Saga: Breaking Dawn - Part 1/ (2011) тоже звучит данная фраза, когда Бэлла готовится идти к алтарю. В этом фильме данную традицию символизировал винтажный гребень, который отец и мать Бэллы подарили ей перед свадьбой с Эдвардом.

Долгое время в британской, американской, французской, испанской и русской картине мира белое платье невесты олицетворяло ее чистоту и невинность, поэтому появилось суеверие, что до церемонии бракосочетания **жених не должен был видеть невесту в свадебном платье**, поскольку это было бы неприличным и даже оскорбительным для нее, а начинать с такого семейную жизнь было бы плохим предзнаменованием. В наши дни у этого суеверия уже другая подоплека, ведь каждая невеста мечтает произвести на своего жениха неизгладимое впечатление своим свадебным нарядом, а, следовательно, будущий муж должен впервые увидеть ее в нем, когда она будет при полном параде и в соответствующей празднично-торжественной обстановке.

- *Жених не должен видеть невесту в свадебном платье до свадьбы, иначе брак не будет счастливым.*

- *It's bad luck if the groom see the bride's wedding dress before the big day.* /пер. с англ. Это к несчастью, если жених увидит свадебное платье невесты до «великого дня»./

- *Le futur époux ne doit pas voir la robe de la mariée avant la cérémonie parce que ça porterait malheur au jeune couple.* /пер. с фр. Будущий муж не должен видеть платье невесты до церемонии, потому что это принесет несчастье молодой семье./

- *Si el novio ve el vestido de novia hasta el día del matrimonio los perseguirá la mala suerte.* /пер. с исп. Если жених увидит свадебное платье невесты до дня бракосочетания, то их в браке постигнет неудача./

Суеверие, связанное с «**бросанием букета невесты**» /англ. **the tossing (/throwing) of the wedding bouquet**, исп. **el lanzamiento del ramo dela novia**, фр. **le lancer du bouquet de la mariée**/, существует во всех рассматриваемых лингвокультурах. После праздничного банкета новобрачная не глядя бросает в толпу гостей свой свадебный букет, а все незамужние девушки, желающие изменить свой статус на «замужем», стараются в конкурентной борьбе друг с другом его поймать. Данное суеверие превратилось в веселую свадебную традицию, доставляющую радость и веселье участникам свадебного торжества при условии, что букет новобрачной будет без шипов и не слишком увесистый, и что незамужние подружки невесты не воспримут это суеверие буквально и не устроят «бои без правил» в битве за вожделенный букет.

- *Пойманный девушкой на свадьбе букет невесты – к скорому браку.*

- *La afortunada chica soltera de la boda que coja el ramo de la novia será la siguiente en casarse.* /пер. с исп. Фортуна улыбнется той незамужней девушке, которая на свадьбе поймает букет невесты, поскольку в скором времени она тоже выйдет замуж./

- *When the bride tossing her bouquet of flowers into a crowd of single women, the woman who catches it will be the next to get married.* /пер. с англ. Когда невеста бросает свой букет цветов в толпу незамужних девушек, та из них, кто его поймает, будет следующей, кто выйдет замуж./

- *Quand une mariée jette son bouquet sur ses épaules et dans un groupe de femmes célibataires, celui qui attrape le bouquet va se marier.* /пер. с фр. Когда невеста бросает свой букет за спину в толпу незамужних девушек, та, кто поймает букет, в ближайшем будущем выйдет замуж./

Представляется интересным отметить, что прагматически это единственное суеверие, где можно поделиться своей удачей с другим человеком.

В наши дни, когда у девушек в чести феминизм и стремление к свободе и независимости, у этого суеверия получился обратный эффект: если девушка ни в коем случае не хочет в скором времени выйти замуж, то ни в коем случае нельзя ловить букет, даже если он летит тебе прямо в руки. Пример этого нового подхода к данному суеверию находим в 8 серии 6 сезона американского сериала «Секс в большом городе» /англ. *Sex and the City*/ (1998-2004), когда на свадьбе Шарлотты с Гарри невеста специально бросает свой букет в сторону стоящих поодаль своих трех лучших подруг Кэрри, Саманты и Миранды, которые на тот момент были не замужем, то ни одна из них не делает ни малейшей попытки его поймать, и роскошный букет падает к их ногам.

У русских есть несколько суеверий, связанных с безбрачием.

- *Если незамужняя девушка во время чаепития оставляет в кружке чайную ложку, то это*

сулит ей одиночество.

Русское суеверие о том, что **пить чай с оставленной в кружке ложкой** к безбрачию, тесно переплетается с правилами этикета за столом. Традиция пить чай сложилась на Руси в XVII веке, когда напиток был завезен из Китая. Чай подавался в специальных чашках или кружках, тогда было принято пить чай с сахаром, который размешивали в ароматном горячем напитке специальной маленькой ложечкой, а затем клали этот прибор на блюдце. Вплоть до настоящего времени, согласно этикетным нормам, оставлять в горячем чае или кофе ложку нельзя, а у девушки, которая не умеет вести себя за столом, матримониальные шансы значительно меньше.

Согласно другому суеверию о безбрачии, незамужним **нельзя садиться на углу стола**, поэтому в России девушкам говорят:

- Не садись на углу стола, а то семь лет замуж не выйдешь!

В мужском варианте суеверие звучит следующим образом:

- Не сиди на углу, а то семь раз женишься.

Издревле русские люди считали, что в доме есть правый «красный» (красивый) угол, куда вешали иконы, ставили стол и куда под образа сажали самых дорогих и желанных гостей и домочадцев. Противоположный ему левый «черный» угол дома считался прибежищем злой, потусторонней силы, это было место наказания детей стоянием «в углу», там стояла миска для кошки, и хранился веник. В силу этого во время застолий на угол стола, который смотрел в «черную» сторону и, следовательно, был «несчастливым», сажали старых дев и приживалок, не имевших собственной семьи. В XX веке данные верования были забыты, в народной памяти осталась только «страшная» часть суеверья, что левый угол стола или просто угол – для старых дев.

Как показал анализ вышеприведенных примеров суеверий в языковой картине мира испанцев, французов, британцев, американцев и русских, **ядро концепта «СУЕВЕРИЯ»** составляет оппозиция «то, что приносит удачу» и «то, что приносит неудачу». Периферию данного концепта составляют суеверия, относительно того, что указывает на скорое обретение богатства, и того, что может привести к бедности, а также суеверия относительно того, что ведет к скорой свадьбе или, наоборот, к безбрачию.

Например, у французов есть суеверие относительно того, что может привести к бедности:

- *Poser son sac à main par terre apporte la misère.* /пер. с фр. Поставить свою сумку на пол приносит бедность./

Также во Франции существует суеверие, связанное с обретением финансового благополучия:

- *Avoir de la monnaie dans une main et faire des crêpes apporte fortune.* /пер. с фр. Печь блины, держа монетку в другой руке, к деньгам./

В России бытует суеверие, что свист ведет к бедности:

- Не свисти, а то денег не будет!

Например, данное суеверие русских обыгрывается в отечественном мультфильме «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» (2007) из анимационного цикла «Три богатыря», когда

злодею Соловью-Разбойнику, сметающему все на своем пути свистом, один из русских богатырей в пылу сражения выбивает кулаком передний зуб со словами «Не свисти, а то денег не будет!», тем самым лишая басурманина его суперсилы.

Проведенное нами исследование фактического материала позволило выявить, что для лингвистического выражения концепта «СУЕВЕРИЯ» испанский, французский, английский и русский языки располагают различными ресурсами, которые проявляются в многообразии структурных форм.

Во всех рассматриваемых языках при вербализации суеверий характерна высокая частотность употребления грамматических конструкций, выражающих логические отношения «условие – следствие» и обладающих прогностической функцией.

В первую очередь грамматически суеверия оформляются сложноподчиненными повествовательными предложениями с гипотетическим придаточным I типа модального выражения условности (реальное условие, относящееся к плану будущего). Например: англ. *If the ravens ever leave the Tower of London, the Crown and Britain will surely fall* исп. *Si llueve el día de la boda, el matrimonio será feliz y unido*. рус. *Если человек нечаянно просыпал соль, то это принесет ему несчастье*.

Также суеверия часто представлены в исследуемых языках в виде сложноподчиненных повествовательных предложений с временным придаточным (например, фр. *Quand une mariée jette son bouquet sur ses épaules et dans un groupe de femmes célibataires, celui qui attrape le bouquet va se marier.*), придаточным причины (например, фр. *Le futur époux ne doit pas voir la robe de la mariée avant la cérémonie parce que ça porterait malheur au jeune couple.*) или цели (например, рус. *Нужно трижды постучать по деревянной поверхности, чтобы избежать опасности и сглаза*).

При вербализации суеверий также часто используются инфинитивные обороты, которые обычно содержатся в первой части суеверия в качестве имплицитного выражения условия при следствии, ведущем как к удаче, так и к неудаче. Например: рус. *Встретить черного кота на своем пути – это к неудаче*. фр. *Poser son sac à main par terre apporte la misère*. исп. *Derramar el vino predice buena suerte o trae alegría*.

Кроме того при вербализации суеверий часто употребляются сложносочиненные предложения, в которых условность передается с помощью содержащегося в их первом компоненте утвердительного императива, а сказуемое второго компонента употреблено в простом будущем или в настоящем времени индикатива. Например: англ. *Break a mirror, and you'll have seven years bad luck*.

Также нам встретилось много конструкций с отрицательным императивом, например: исп. *Martes y 13, no te cases, ni te embarques*. рус. *Не садись на углу стола, а то семь лет замуж не выйдешь*. Высокая употребительность отрицательного императива, на наш взгляд, объясняется его прагматической функцией выражать жесткий запрет на выполнение какого-либо действия, что позволяет как нельзя лучше передать запретительную интенцию многих суеверий с целью уберечь человека от несчастья и неудачи.

Прагматически большинство из суеверий содержат эксплицитный (*нельзя делать что-то, а то ...; при таких-то обстоятельствах, не делай того-то*) или имплицитный запрет (*наступление какого-либо события, либо осуществление каких-либо действий влечет за собой определенные последствия*) на совершение каких-либо действий.

Также очень высока частотность суеверий с прогностическим потенциалом (*если ..., то...*) при котором наступление некоторых событий означает высокую вероятность определенных последствий.

Следует отметить, что при лингвистической реализации концепта «СУЕВЕРИЯ» наблюдается разная степень жесткости побуждения к выполнению каких-либо действий, дабы достичь определенного успешного результата, либо избежать нежелательных последствий. При этом зачастую суеверия, заложенные в бессознательном человека как вера во что-то сверхъестественное, необычное, магическое, выполняются им почти рефлекторно.

Представляется интересным указать на то, что некоторые суеверия, согласно нашим наблюдениям, имеют негативную коннотацию в одной культуре, но позитивную в другой. Например, *черный кот* в России, Испании, Франции и США символизирует неудачу, невезение, а в Великобритании, напротив, встреча с черным котом ведет к удаче. Пролить *красное вино* в России ведет к горю и неудаче, а в Испании это сулит везение и радость.

В странах, где преобладающей религией является христианство, наблюдается общность суеверий, связанных с отсылками к Священному Писанию, например, *несчастливая цифра 13, запрет проходить под лестницей, стучать по дереву от сглаза удачи*.

Суеверия являются неотъемлемой частью культурного кода нации, одним из способов национальной идентификации. Так, например, мы, русские, никогда не отправимся в путешествие не «присев на дорожку», поскольку в Древней Руси считалось, что так можно запутать домового, чтобы он не отправился тоже в путь, оставив без своей защиты дом путешественника, а сейчас это скорее возможность вспомнить о документах или вещах, которые забыли положить с собой, либо о делах, которые не сделали перед отъездом. Англичане свято верят, что четырехлистный клевер является надежным оберегом от негативной энергии и сглаза, поскольку каждый из четырех его листов символизирует что-то важное и уникальное: первый листок олицетворяет веру, второй – надежду, третий – любовь, а вот столь редко встречающийся четвертый – удачу. У французов, известных своей любовью к хлебу, не принято класть багет или буханку хлеба обратной стороной кверху («хлеб палача»), дабы не накликал на себя беду и несчастье. А испанцы до сих пор в качестве пожелания здоровья при чихании говорят *¡Jesús!* /пер. с исп. *Иисусе!*/, что означает *Да пребудет с Вами / с тобой Иисус Христос! Да поможет Вам / тебе Бог!*, поскольку в Средние века в Испании бытовало суеверие, что чихание является первым симптомом чумы.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить основные тенденции в реализации концепта «СУЕВЕРИЯ» в испанском, французском, английском и русском языках. Основываясь на изученном фактическом материале можно сделать вывод о том, что ядро концепта «СУЕВЕРИЯ» составляет оппозиция «удача – неудача». В ходе исследования был проведен сравнительно-сопоставительный анализ суеверий испанцев, французов, британцев, американцев и русских, который показал, что основными семантическими группами концепта «СУЕВЕРИЯ» в испанской, французской, британской, американской и русской картине мира являются: суеверия, связанные с определенным цветом; суеверия, связанные с животными; суеверия, связанные с цифрами; суеверия, связанные с продуктами; суеверия, связанные с днями недели; суеверия, связанные с продуктами жизнедеятельности животных; суеверия, связанные с предметами быта; суеверия, связанные с природными явлениями; «профессиональные» суеверия; суеверия, связанные со свадьбой, браком и безбрачием. Также было глубоко и

подробно изучено происхождение рассматриваемых суеверий. По результатам анализа фактического материала можно заключить, что суеверия находят отражение в языке, реализуясь в прозе, в поэзии, в текстах песен, становясь частью сюжета художественных и анимационных фильмов и сериалов. Проведенное подробное рассмотрение структурно-грамматических характеристик и прагматической направленности выявило, что суеверия чаще всего представляют собой вербализированные единицы в форме предложений с прогностической функцией, несущие веру во что-то сверхъестественное, необычное, магическое, в соответствии с которыми человек моделирует свое поведение. Прослеживается ярко выраженная общность суеверий, связанных с отсылками к Священному Писанию, что обусловлено, на наш взгляд, тем, что во всех рассматриваемых странах преобладающей религией является христианство. Что касается различий в восприятии одного и того же суеверия, то некоторые суеверия, согласно нашим наблюдениям, имеют негативную коннотацию в одной культуре, но позитивную в другой. Представляется интересным тот факт, что, несмотря на межкультурную коммуникацию в условиях глобализации и на тенденцию к активной взаимной интеграции лингвокультур, по-прежнему высока частотность суеверий, свойственных лишь одной национальной картине мира. Следовательно, суеверия являются одним из способов формирования национальной идентификации, составляя неотъемлемую часть культурного кода нации.

Библиография

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: URSS, 2002. 656 с.
2. Желамская В.А., Копылова Е.В. Интерлингвистика как наука об искусственных языках в системе межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. Сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 29-33. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54192279>.
3. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / сост. Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. М.: Наука, 1988. 216 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.koob.pro/serebrennikov/kartina_mira.
4. Валеева Д. Р. Понятие «картина мира», «концептуальная картина мира» и «языковая картина мира» в концептологических исследованиях // Филологический аспект. 2018. № 3 (35). С. 63-69. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32819371>.
5. Киселева И. А. Особенности репрезентации концепта «семья» в русской лингвокультуре // Актуальные проблемы общей теории языка, литературы, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. Сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2024. С. 44-47. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67866069>.
6. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: РАН, Институт языкознания, 1997. 330 с.
7. Гофман Т. В. Языковая картина мира как способ самопрезентации народа («верность» в русской языковой картине мира) // Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: поиски общих закономерностей. Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции. 2021. С. 22-27. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45714698>.
8. Колистратова А. В., Колистратова А. В. О соотношении понятий «картина мира»,

- «языковая картина мира», «фольклорная языковая картина мира» // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2023. № 2. С. 61-65. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50749256>.
9. Большой толковый словарь русского языка. /Под ред. С.А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov/>.
10. Collins Advanced Learner's Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>
11. Diccionario de la lengua española. Madrid © Real Academia Española, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/>.
12. Le Petit Larousse illustré. Paris: © Larousse, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/>
13. Этимологический словарь современного русского языка: Т. 2. / Сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010.
14. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: www.etymonline.com.
15. Флигинских Е. Е. К вопросу об определении термина «Суеверие» // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 153-157. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21345100>.
16. Каланов Н. А. Энциклопедия морских суеверий. М.: ИП Каланов Н.А., 2024, 400 с.
17. Top 13 des superstitions françaises les plus populaires // Français authentique. 18.04.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.francaisauthentique.com/superstitions-en-france/>
18. Supersticiones de buena y mala suerte // Almudena Seguros Blog. 20.02.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.almudenaseguros.es/blog/13-supersticiones-de-buena-y-mala-suerte/>
19. Himno del Cádiz. Letra. Pasodoble 'Me han dicho que el amarillo'. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alsondelcarnaval.es/letras/himno-del-cadiz-letra-pasodoble-me-han-dicho-que-el-amarillo-la-familia-pepperoni/>.
20. The Ravens. If the Ravens Leave the Tower, the Kingdom Will Fall... // Historic Royal Palaces. © Historic Royal Palaces, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hrp.org.uk/tower-of-london/whats-on/the-ravens/#gs.ez3pfj>.
21. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Московский государственный университет, 2008. 352 с.
22. Откровение Иоанна Богослова // Библия-Центр. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/re/13>.
23. Alfaro J. Ángel Nieto, '12+1' veces irrepertible // Mundo Deportivo. 04/08/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mundodeportivo.com/motor/motogp/20170803/43309562028/angel-nieto-perfil.html>.
24. Kiosow B. So Feared that Hotels Skip an Entire Floor – Why Does the Number 13 Get Such a Bad Rap? [Thoughts After Dark] // Thomas. Industry Insights. 9/29/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thomasnet.com/insights/so-feared-that-hotels-skip-an-entire-floor-why-does-the-number-13-get-such-a-bad-rap-thoughts-after-dark/>.
25. Noble W. London's Fear Of The Number 13 // Londonist. 14/05/2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://londonist.com/2023/09/londons-fear-of-the-number-13/>
26. Ackroyd P. London: The Biography. London: Chatto & Windus, 2000. 822 p.
27. Керсновский А. А. История русской армии. М.: Эксмо, 2006. Т. 2. 336 с.
28. Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. Oxford: Oxford University Press, 2nd ed., 1997. 592 p.
29. Demurger A. Jacques de Molay: Le crépuscule des Templiers. Paris: Payot & Rivages, 2007. 390 p.

30. Ляпин Д. А. Московское восстание и политический кризис лета 1648 г. // Вестник ВЭГУ. 2015. № 1(75). С. 140-149.
31. Каланов Н. А. Я суеверный моряк. Руководство по соблюдению морских суеверий. М.: Горизонт, 2022. 284 с.
32. Fernández-Caballero J. Las supersticiones más temidas de los toreros: lo que no soportan que les 'hagan' antes de torear // Cultoro. 11/05/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cultoro.es/actualidad/supersticiones-mas-temidas-torero-158929>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассмотрены особенности вербализации концепта «СУЕВЕРИЯ» в современных испанском, французском, английском и русском языках, что позволит выявить содержание данного концепта в испанской, французской, британской, американской и русской лингвокультурах. Вектор исследования, на мой взгляд, интересен, конструктивен, по-своему нов. Методология работы соотносится с рядом актуальных лингвистических наработок. В целом текст имеет признаки научного изыскания, концепция автора объективно манифестирована, должный информационный ценз выдержан. Например, «Понятие «суеверие» определяется в словарях как «предрассудок, основанный на вере во что-либо сверхъестественное» [9]; "a belief that is not based on reason or scientific thinking and that explains the causes for events in ways that are connected to magic" [10]; "1) creencia extraña a la fe religiosa y contraria a la razón; 2) fe desmedida o valoración excesiva respecto de algo" [11], "forme élémentaire et particulière des sentiments religieux consistant dans la croyance à des présages tirés d'événements matériels fortuits" [12]. Как следует из всех вышеприведенных определений понятия «суеверие», в них всех присутствует сема «вера в сверхъестественное». В русском языке слово «суеверие» образовано от «сue» — «напрасно, без осознания причин» и «вера», букв. «напрасное верование» и т.д. Иллюстративный фон достаточен: «В русскоязычной картине мира есть суеверие, согласно которому кукушка своим кукованием может предсказать продолжительность жизни человека: - Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? – кричат люди, заслышав глуховатое ку-ку в лесной чаще. Дело в том, что у древних славян кукушку считали воплощением богини Живы, которая связана с потусторонним миром и, соответственно, может принести оттуда вести: сколько раз кукушка прокукует на заданный ей вопрос, столько лет человек еще проживет. С другой птицей, а именно – с вороном – в Великобритании, (если точнее, то в британской столице – Лондоне) также связано интересное суеверие: - If the ravens ever leave the Tower of London, the Crown and Britain will surely fall. /пер. с англ. Если вороны когда-нибудь покинут лондонский Тауэр, то Корона и Британия падут./», «Французы, будучи католиками, также не жаловали черных кошек. Но даже когда после Великой французской революции религиозные убеждения французов пошатнулись в сторону атеизма, их в этом суеверии укрепил Наполеон. Французский император увидел, как черная кошка перебегает ему дорогу, накануне битвы при Ватерлоо, которая закончилась сокрушительным разгромом французской армии. Аналогичное отношение к черным кошкам бытует и в США, где значительный процент населения (латиносы, выходцы из Италии, Ирландии) также составляют католики: - It's bad luck to have a black cat cross your path. /пер. с англ. К несчастью встретить черного кота, перебегающего вам дорогу./» и т.д. На мой взгляд, тема работы раскрывается точно, фактические недочеты нивелированы. Ссылки /

сноски оформляются в соответствии с требованиями издания, например, «В Российской империи число 13 также иногда считалось несчастливым и называлось «чертовой дюжиной». Во время Первой мировой войны в составе Русской императорской армии была создана Особая армия, которая, по утверждению военного историка А. А. Керсновского, была названа так из суеверных опасений, чтобы не являться «13-й» армией [27, с. 299]. В СССР и в современной России цифра 13 не имеет такой магической силы, и в ее «несчастливость» мало кто верит. У русских суеверия, связанные с цифрами, в большей мере связаны с числом цветов в букете – четное количество нужно дарить живым, нечетное количество цветов в букете предназначено для мертвых (на похороны или при визите на кладбище). Подарить букет с нечетным количеством цветов живому человеку нечаянно (один из цветов сломался или завял, и его выбросили) или осознанно (со злыми намерениями) – к скорой смерти этого человека» и т.д. Работа полновесна, наличного объема достаточно для раскрытия темы. В итоге автор теззирует, что «как показал анализ вышеприведенных примеров суеверий в языковой картине мира испанцев, французов, британцев, американцев и русских, ядро концепта «СУЕВЕРИЯ» составляет оппозиция «то, что приносит удачу» и «то, что приносит неудачу». Периферию данного концепта составляют суеверия, относительно того, что указывает на скорое обретение богатства, и того, что может привести к бедности, а также суеверия относительно того, что ведет к скорой свадьбе или, наоборот, к безбрачию...». Считаю, что материал будет интересен читательской аудитории, его можно продуктивно использовать в режиме практики. Рекомендую статью «Отражение концепта «СУЕВЕРИЯ» в языковой картине мира испанцев, французов, британцев, американцев и русских» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Представление о лжи в русском, французском и китайском языках // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71650 EDN: COGSJB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71650

Представление о лжи в русском, французском и китайском языках

Голованивская Мария Константиновна

доктор филологических наук

Профессор, Кафедра региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ golovanivskaya@gmail.com

Ефименко Николай Александрович

ORCID: 0000-0002-4003-5887

Студент, Кафедра Региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71650

EDN:

COGSJB

Дата направления статьи в редакцию:

06-09-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является анализ понятия «ложь» в русском, французском и китайском языках. Внимание уделяется лексическим и этимологическим особенностям слова «ложь» и его связи с другими понятиями, такими как «правда» и «обман». Ложь рассматривается как намеренное искажение действительности, что имеет глубокие корни в человеческом познании и мифологических представлениях. В статье обсуждаются антонимические пары «правда-

ложь», «истина-ложь», отражающие противопоставление, характерное для человеческого восприятия мира. Особое внимание уделяется образам и символам, связанным с ложью, такими как болото, грязь и вода, которые усиливают негативную коннотацию этого понятия. Лексическое окружение слова «ложь», его сочетаемость с различными прилагательными и глаголами, а также различие между ложью и неправдой также становятся объектом анализа. В статье делается попытка раскрыть, как культурные аспекты влияют на восприятие лжи в русском языке и сознании. Методология исследования основана на лингвистическом анализе лексики, этимологии и сочетаемости слова «ложь» в русском, французском и китайском языках, а также на интерпретации культурных и мифологических образов, связанных с этим понятием. Научная новизна исследования заключается в глубоком анализе понятия «ложь» в русском, французском и китайском языках, выявляя их мифологические и культурные корни. В статье исследуется, как древние символы и метафоры, такие как солнце, вода, нити и ткань, формируют современные представления о правде и лжи, демонстрируя их универсальные аспекты в индоевропейских и азиатских культурах. Исследование также подчеркивает и гендерные аспекты, связывая речевое с женским началом и выявляя дуалистическое противопоставление, заложенное в мифологических системах. Выявленные выводы показывают, что понятия, связанные с правдой и ложью, продолжают жить и в современном сознании, сохраняя древние мифологические элементы и адаптируясь к современным культурным и языковым контекстам.

Ключевые слова:

языковая картина мира, контрастивное исследование, этика, лингвокультурология, семантический анализ, национальный менталитет, вещественная коннотация, русский язык, китайский язык, французский язык

Представление о лжи в русском языке

Традиционно в русской лексикографии ложь понимается как намеренное искажение действительности, как сказанная или написанная неправда, как реализация намерения ввести в заблуждение (Словарь русского литературного языка). Таким образом, ложь мыслится синонимично обману, сказанной неправде. У слова *правда* есть антонимы *обман*, *ложь*, и у истины есть антоним *ложь*. Описываемые антонимические пары восходят к древнейшим близнецовым мифам и в полной мере отражают особенности человеческого познания через противопоставление.

Истина в современной трактовке – божественный атрибут, судебный вердикт; ложь, намеренное введение в заблуждение – атрибут дьявола. Лгать может не только человек, но и весь бренный мир ("Мысль изреченная есть ложь"). Отпавшие от Бога живут во лжи, говорят нам христиане, однако не только во лжи словесной, но и во лжи вселенской.

В эпистемологическом плане ложное связано с заблуждением, которое, возвращаясь к религиозной точке зрения, – от дьявола, от извечной несовершенности человека, коренящейся в его природе, а отнюдь не только в намерениях.

Действительно, слово *истина* не связано этимологически ни с каким глаголом, как и слово *правда* (*оправдывать* означает не «говорить правду», а «снимать с кого-либо обвинение»). Правду можно говорить, однако глагол *говорить* не приоткрывает нам особенностей этого понятия: говорить можно многое. У существительного *ложь* есть глагольный коррелят – *лгать*. Интерпретации этимологии существительного *ложь*,

связывающие его с глаголом *лежать*, в русской науке рознятся. Так, например, И. М. Степанова в своем докладе «Коли не ложь – так правда» (Степанова) утверждала, что *ложь*, будучи именным образованием от глагола *лежать*, этимологически связана с идеей «лежать на поверхности», «скрывать под собой правду». Более традиционен взгляд на материнскую идею, связанную с понятием лжи, который идет от значения этимона «лежать, быть больным, слабым». По-русски слово *ложь* употребляют так:

погрязнуть во лжи, утонуть во лжи, захлебнуться во лжи, утонуть, стихия лжи, море лжи;

уличить во лжи, изобличить во лжи, поймать кого-то на лжи, наказать кого-то за ложь;

что-то может содержать в себе элемент лжи; что-либо может быть замешано на лжи;

ложь может быть постыдной, возмутительной, бесовской, наглой, гнусной, невинной, во спасение и пр.

Сочетаемость слова *ложь* с некоторыми прилагательными указывает на этический аспект лжи, трактует *ложь* как нечто предосудительное, негативное, наказуемое. При этом существует представление о лжи во благо, оправдываемой и спасительной.

Неизбежное уличение во лжи отражается и в поговорке "все тайное станет явным", и во многовековой традиции наказывать ребенка за ложь. Это же подтверждается и соответствующей глагольной сочетаемостью – *уличить во лжи, поймать на лжи* и пр. Дифференциация лжи на спасительную и преступную связано, очевидно, с природой мотива, которым руководствуется лгуний – если он лжет во благо себе, это дурно, если во благо другому, то его ложь может быть оправдана.

На образном уровне ложь овещается как вода, причем как вода плохая, опасная. В славянской и многих других культурах и мифологиях содержится представление о живой и мертвой воде [21]. Живая вода движется, она животворит, мертвая вода статична, она губит. Ассоциация лжи с болотом, затягивающим, засасывающим, в котором можно погрязнуть, на мутной водиче которого можно нечто замешать – богатый образ, резюмирующий многие другие представления не только русского, но и шире – индоевропейских этносов.

Так понятие правды, честности во многих культурах и языках связаны с идеей ясности. Когда объяснение, рассказ, речь понятны, и русские, и французы, и немцы, и итальянцы, и англичане говорят – *ясно* (ясно, *claire, clear, chiaro* и так далее).

Туманность, мутность, непрозрачность как в воздухе (*напустить тумана, смутно понимаю*), так и в воде символизируют нечистоту повествования, присутствие в ней нечистого намерения, за которым стоит искушение или иное зло.

Активность болота-лжи лишний раз подчеркивает ту мысль, что ложь – не просто стоячая, зловонная, опасная вода, но затягивающая сила; недаром на болотах, в русской мифологии, водятся и черти, и леший, и кикимора.

По развитию образа, ложь – это также грязь (и в болоте грязь, можно погрязнуть), в ней можно испачкаться, ею можно запятнать себя. Грязь – это универсальный образ, связанные с черным, чернотой, мраком, злом.

Отсюда и различие между неправдой и ложью. Мы не можем сказать * гнусная, подлая, бесовская неправда, погрязнуть в неправде, наказать за неправду. Но все эти понятия прекрасно сочетаются со словом *ложь*.

Русское слово *обман*, трактуемое в современном языке как сознательное введение кого-либо в заблуждение, высказанная неправда, связывается со злым умыслом и злой волей человека. Подобная трактовка не вызывает у нас возражений с двумя уточнениями: обманывать может также и все персонифицируемое, например, погода, примета, поскольку обман может быть произвольным, то есть не злонамеренным. Поэтому обманывать можно и себя самого («я сам обманываться рад»). Самообман связан с понятием иллюзии – словом, не имеющим отрицательной коннотации и скорее трактуемом в русском сознании как проявление мечтательности и личностной слабости.

Даль предлагает такие синонимы для слова *обман* [3]: хитрость, лукавство, двуличность, то есть трактует обман как некую поведенческую тактику, негативно оцениваемую современной ему моралью. В приведенных им контекстах выявляется инструментальность обмана: *ловец обманом берет, обманом города берут, от обмана не уйдешь*.

В современном языке инструментальность обмана видна из его сочетаемости. По-русски мы говорим:

- *добиться чего-либо обманом;*
- *совершить, обнаружить, раскрыть, разоблачить обман;*
- *пойти на обман; решиться на обман;*
- *наказать за обман;*
- *обман явный, бессовестный, наглый, подлый, коварный, сознательный, невольный и пр.*

Прилагательные, которые сочетаются с понятием "обман", отражают не только негативную оценку этого явления с точки зрения господствующих моральных норм, но и явное перенесение данной оценки с человека на его поступок. "Обман" представляет собой уже не просто словесное высказывание, а действие, которое выходит за рамки вербального общения, что подтверждается невозможностью его сочетания с глаголами речи (например, невозможно *сказать обман). Обман, будучи порождённым словами или действиями, является содеянным поступком, который противопоставляется словесному как чему-то лёгкому, неуловимому и несерьёзному. Такое понимание обмана характерно для повседневного сознания, в отличие от научного подхода лингвистов, которые разрабатывают теорию речевых актов.

Обман не может быть просто "сделан"; он может быть только "совершён" или же человек может "пойти на обман". Эти глаголы подчеркивают значимость этого действия с точки зрения внутреннего морального контроля, который осуществляет человеческая совесть. Кроме того, обман, связанный с манипуляцией материальными ценностями, подлежит уголовному наказанию, что подчёркивает его серьёзность и социальную неприемлемость. Ложь же в своем максимально широком значении - свойство брэнного мира, выражается в видимости или в словах и не преследуется по государственным законам, а только по человеческим.

Представление о лжи во французском языке

Теперь обратимся к французскому понятию. *Mensonge* (n.m) - антоним *verite*. У Чезаре Рипа [11] находим следующий аллегорический образ этого понятия:

"Молодая уродливая женщина, искусно разодетая, одежды на ней переливчатого цвета,

она вся размалевана, так как стремится скрыть себя за ложной видимостью. Она хромонога, так как одна из ее ног - деревянная. В левой руке она несет вязанку горящего хвороста. Она так разодета, потому что утверждает то, чего нет, создает пустую видимость. Переливчатость символизирует непостоянство лжи. Горящий хворост - быстрота ее жизни: быстро зажигается и быстро гаснет. У нее короткие обе ноги".

"Хромота" - признак, характеризующий несовершенное рассуждения или знания как во французском, так и в русском языке. Хромота сразу видна, хромота свидетельствует о ненадежности опоры, хромота сопряжена с уродством, отсутствием целостности и является одной из портретных характеристик дьявола. Колченоги и другие нечести, а также несовершенство, дефектность, которого мы также часто ассоциируем с хромотой. Мы часто говорим: «твои знания хромают» или «Он хромотает по математике». Мотив хромоты в мифологии связан с образом кузнеца-Гефеста, а также с сатаной, которого часто воображали гостящим у живущих на отшибе кузнецов [5]. Этот перенос сдержит в себе, возможно, каузальный намек: ложь - от дьявола, как и плохое знание, недостатки.

Слово *mensonge* было заимствовано из народной латыни (* *mentionica*), в которую в свою очередь пришло из поздней латыни (*mentio* - обман). Это слово, зафиксированное в VI веке, кажется продолжением классически латинского *mentio* — *mention*, развившегося через смысл "лживое упоминание" - *mention mensongere*.

До XVII века это слово было женского рода, что объясняет тот факт, что у Цезаре Рипа *mensonge* - женщина. С XIII века слово обозначает утверждение, противное правде, произведенное с целью обмана, чуть позже у него появляется и более общий смысл – акт лжи. В современном языке остались еще какие-то следы средневековой классификации лжи, в которой выделялись *mensonge par omission*, *mensonge effectif*, делающаяся при помощи утверждения, *mensonge joyeux* (ложь в шутку, теологический смысл), *mensonge officieux* (неофициальная ложь) и *le pieux mensonge* (ложь во спасение), *mensonges pernicious* (вредоносная ложь). Эти выражения продолжают активно существовать в языке и поныне. По расширению значения слово это обозначало все иллюзорное, обманчивое (с XII века), продолжая принятое в античности смешение между ложью и воображением [11]. Именно поэтому *mensonge* употреблялось для обозначения фантасмы в искусстве.

Отметим также, что смешение обмана и вымысла, первого, связанного с намерением обмануть, второго, не связанного с намерением корыстно обмануть, но возможно и даже просто развлечь, в силу своих античных истоков нашло свое отражение в о многих европейских языках.

В современном французском языке выделяются четыре значения у слова *mensonge*:

1. Утверждение, по воле, его автора противоречащее правде, произнесенное с целью обмана.
2. Акт лжи, совершение подделки, подлога, обмана.
3. Иллюзорность искусства.
4. То, что обманчиво, иллюзия.

Слово *mensonge* небогато сочетаемостью. По-французски говорят:

Tissu de mensonge;

Bourrer le cerveau de qn de mensonges;

Prendre qn en mensonges;

Vivre dans le mensonge;

Esprit de mensonge;

Pere du mensonge;

Mensonge gros, grossier;

Mensonge nait, grandit, grossit.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что *mensonge* имеет во французском языке ряд ассоциаций, которые не слишком разработаны и укреплены количественно, однако в том виде, в котором они существуют, они закреплены достаточно надежно. Ассоциирование лжи с тканью есть и в русском языке, а если учесть, что образ ткани – один из древнейших, то, очевидно, имеются аналогии и в других языках [\[6, с. 98\]](#). Мы говорим *Это шито белыми нитками*, подразумевая, что обман слишком хорошо виден.

Ассоциация обмана с пищей также представляется более или менее универсальной, и не только обмана, но всего понятийного гнезда (вымысел, иллюзии): ср. *соловья баснями не накормишь; он меня кормит завтраками; у меня твоя ложь вот где* (жест, обозначающий «сыт по горло») и так далее.

Сочетаемость французского слова позволяет в нем увидеть и антоним русской истины, то есть высшего когнитивного начала. На него указывают словосочетания *жить во лжи, дух лжи, отец лжи* – все это контексты, представляющие ложь отнюдь в качестве человеческого речевого акта, а в качестве проявления высшего зла.

В этой логике понятно одушевление *mensonge*: у нее есть отец – дьявол, она может рождаться, расти, толстеть. И в продолжение описанного аллегорического образа она может также и подхрамывать.

Следует отметить, что в данном случае мы имеем дело с ситуацией, в которой данные, представленные в словарях, и данные, полученные из анализа сочетаемости, вступают в противоречие друг с другом. Сочетаемость позволяет выявить, что *mensonge* во французском языке, в своем высшем и абстрактном значении, аналогична русскому понятию "ложь" как абсолюту. Мы полагаем, что эта двойственность французского языка является следствием сосуществования христианского мифологического мировоззрения и рационалистического подхода: первое сохраняется в образной системе языка, тогда как второе отражается в словарных дефинициях.

Слово *ложь* имеет два значения, одно из которых не выделяется словарями. Ложь – это антоним истины и злонамеренный обман при помощи высказываний. Первое значение выводится из сочетаемости. Основные коннотации лжи – водная стихия, жидкость, грязь. Ложь в русском языковом сознании мыслится неодушевленно, то есть является чьей-то принадлежностью, чьим-то инструментом. В русском смысловом поле, описывающем идею лжи и обмана, присутствует образ кривизны-левизны, первоначально ассоциированный со злом (см. предыдущую главу), но представлен он не прямо (как во французском языке), а лишь в некоторых выражениях и производных словах (*кривотолки, кривой аргумент, кривое зеркало, искажающее правду* (отсюда королевство кривых зеркал как царство лжи), *левое дело, левое предложение*, то есть

то, что противоречит общепринятым нормам и должно быть скрыто.

Обман - характеристика злонамеренного поведения одного человека по отношению к другому, имеющему своей целью путем введения в заблуждении извлечь выгоду. Это понятие также мыслится неодушевленно. Сочетаемость его связана с оценкой факта обмана с точки зрения действующей морали.

Русская языковая картина в этой области отчетливо демонстрирует разделение понятийного поля на верх и низ, высшее и земное. Представление о небесной жизни, где орудует не пантеон богов, а добро и зло, показывает связанность русского сознания в этой области с христианской, а не с языческой трактовкой мира. Однако, как мы видели, языческие контексты – как славянские, так и общеевропейские присутствуют в образной структуре этого понятия. Разделение области знания на высшее и низшее, на истину и правду, идея слепоты человека перед высшим знанием, -- все это трактовки библейских образов, отражение ее посылов.

Представление о лжи в китайском языке

Теперь рассмотрим китайские представления о лжи. Основополагающей лексемой для понятия «ложь» в китайском языке является слово 假 jiǎ [\[12\]](#).

Иероглиф 假 jiǎ является иероглифом фонетической категории, состоит из двух компонентов: семантической части 亻 rén, указывающей на связь компонента с человеком, и фонетической части 叚 jiǎ, имеющей также значение «подделка» или «неизначальный». Исходное значение лексемы было «лживый» или «фальшивый» [\[17, с. 709\]](#).

Однако сложно сказать, что понятие 假 jiǎ представляет собой четкую картину в китайской народной культуре, потому что в китайской мифологии отсутствует персонаж, представляющий ложь. Если вернуться в язык, то слово часто используется в сочетании с лексемой 真 zhēn, которая является ее антонимом [\[16\]](#) — этот иероглиф представляет собой общую лексему для понятий «истина» и «правда».

Очевидно, что лексема 假 jiǎ не дает нам полное представление о понятии, так как из него сложно выявить закономерность. Можно лишь сказать, что в современном китайском языке лексема используется только при назывании очевидной неправды, например, 假髮 jiǎfà («парик» буквальный перевод: ненастоящие волосы), 假音 jiǎyīn («фальцет» буквальный перевод: ненастоящий голос), 假面 jiǎmiàn («маска» буквальный перевод: ненастоящее лицо) и т. д. [\[12\]](#) Из-за этого нам необходимо обратиться к синонимическому ряду, выявив ключевые синонимы, которые делают представление об этом понятии полноценным.

Говоря о философии, важно отметить даоса Чжуан-цзы. В главе «Беззаботное скитание» трактата «Чжуан-цзы» было четко показано, что «сон» и «реальность» очень сложно понять. «Правда» и «ложь» также являются относительными. Также как и «жизнь» и «смерть», «радость» и «печаль», «истина» и «ложь» - все эти понятия относительны, что является характерным для даосского мировоззрения.

В конфуцианском трактате «Лунь Юй» была написана следующая фраза: «言必信, 行必果» «Обещания должны быть выполнены, а поступки – результативны». Здесь в двух аспектах описывается, какими качествами должен обладать добродетельный человек: 1. Через речь (говорить правду); 2. Через действия (совершать обещанные поступки).

Можно наблюдать, что в конфуцианстве критериями, отличающими истину от лжи, являются добродетель и честность.

В китайском языке мы можем вывести семантический ряд со следующими лексемами: 谎 huǎng и 骗 piàn, каждая из которых показывает на особенность способа совершения лжи. Каждую лексику необходимо анализировать отдельно.

谎 huǎng является иероглифом фонетической категории, изначальное значение иероглифа – «речь, не соответствующая действительности» [13, с. 332-333]. Иероглиф состоит из ключа 讠, показывающий связь иероглифа с речью, и частью 荒 huāng, которая выполняет не только фонетическую, но и семантическую функцию. Иероглиф 荒 huāng изначально имел значение поля, на котором растут сорняки из-за неухаживаемости [17, с. 48], а как часть лексемы 荒 huāng показывает, что эта речь является пустой и бесконтрольной.

Для выявления особенностей восприятия понятия у китайцев важно отметить глаголы, с которыми эта лексема сочетается. По-китайски чаще всего используются сочетания 说谎 shuōhuǎng и 撒谎 sāhuǎng для обозначения действия лгания. Из них 说 shuō, имеющее значение «говорить» [13], показывает на способ передачи неправды – через речь. У глагола 撒 sā главное значение – «распространять», вследствие чего в свою очередь он может использоваться с точки зрения семантики со следующими языковыми единицами для обозначения каких-либо речевых действий манипулятивного характера: 撒娇 sājiāo ластиться, 撒泼 sāpō безобразничать, 撒野 sāyě буянить, 撒气 sāqì вымещать (гнев), 撒刁 sādiāo выкручиваться и т. д. Можно сделать предположение, что использование глагола 撒 sā в 撒谎 sāhuǎng показывает тот же манипулятивный характер, как в вышеперечисленных словосочетаниях.

Далее мы перейдем к анализу существительных 谎言, 谎话. 谎言 и 谎话 по данным из различных словарных источников имеют практически одинаковую семантику: они обозначают «ложные утверждения». Их главное отличие является стилистическим: как показывает языковой корпус, 谎言 больше используется в книжном языке, а 谎话 – в разговорном, что будет наглядно показано в разборе сочетаемости и выявлении существенных коннотаций. Лексема 谎言 может сочетаться со следующими глаголами [15]:

制造谎言	zhìzào huǎngyán	создавать ложь
战胜谎言	zhànshèng huǎngyán	побеждать ложь
被谎言包围	bèi huǎngyán bāowéi	быть окруженным ложью
对付谎言	duìfù huǎngyán	одолеть ложь
轻信谎言	qīngxìn huǎngyán	легко поверить лжи
编造谎言	biānzào huǎngyán	сплести ложь
驳斥谎言	bóchì huǎngyán	опровергнуть ложь
散布谎言	sànbù huǎngyán	распространять ложь
编织谎言	biānzhī huǎngyán	плести ложь
相信谎言	xiāngxìn huǎngyán	поверить лжи
传播谎言	chuánbò huǎngyán	насаждать ложь
捏造谎言	niēzào huǎngyán	вылепливать ложь
戳穿谎言	chuōchuān huǎngyán	проткнуть ложь
听信谎言	tīngxìn huǎngyán	верить на слова лжи
批驳谎言	pībō huǎngyán	опровергнуть ложь

发动谎言	fā dòng huǎng yán	развязать ложь
发起谎言	fā qǐ huǎng yán	начать ложь
用谎言遮掩	yòng huǎng yán zhē yǎn	быть прикрытым ложью
粉碎谎言	fěn suì huǎng yán	разгромить ложь
捏造谎言	niē zào huǎng yán	сфабриковать ложь
辩斥谎言	biàn chì huǎng yán	осуждать ложь
揭露谎言	jiē lù huǎng yán	вскрывать ложь
撕碎谎言	sī suì huǎng yán	разорвать ложь

Благодаря перечислению этих сочетаний мы можем выделить следующую предметную ассоциацию данного понятия в китайском языке:

1. **Вражеское войско.** Ложь в китайском языке имеет образ человека, и даже большой группы людей, которой противостоят. Ложь может окружить человека, с ней приходится воевать, одолевая её, однако в этом бою человек побеждает, так как ложь можно победить, разбить вдребезги, но не наблюдаются таких словосочетаний, как «проиграть ей». Недаром в китайском языке лексема употребляется во фразеологизме 谎言不攻自破 «ложь сдалась без боя», то есть человек сам раскрыл свою ложь [14]. Очевидно, что этот фразеологизм также показывает на связь с восприятием врага.

Кроме того, стоит обратить внимание на счетное слово 场, которое используется с лексемой. Оно также может сочетаться для обозначения 一场战役 «одна битва» 一场战斗 «одно сражение» 一场战争 «одна война» и т. д. Этот факт также показывает на восприятие акта лжи как соперничества, где одна сторона пробует выявить ложь, а другая пробует её скрыть, и так происходит бой. Таким образом, можно сделать вывод, что ложь имеет предметную ассоциацию с сильной вражеской армией, которую, однако, можно победить.

2. **Оконная бумага.** Ложь в китайском языке также можно рассматривать как предмет, так как его можно создавать, а именно плести. Интересно, что китайцы не говорят в этом случае *сшить* или *соткать*, что показывает на особенность этого предмета – то, что изделие из этого материала можно проткнуть, а значит, этот материал не является достаточно прочным. Неслучайно в китайском языке существует фразеологизм 捅破窗户纸, который буквально обозначает «проткнуть оконную бумагу» [13], а его переносное значение – «сделать тайное явным, говорить напрямую». В таком случае оконная бумага играет роль занавеса, где люди умеренно умалчивают о чем-то, и, чтобы добиться правды, надо проткнуть эту оконную бумагу [14].

3. **Паутина.** Ложь распространяется, ею можно что-то покрыть, она плетется, ее можно разорвать. Всеми этими характеристиками может обладать паутина, причем если её долгое время держать без присмотра, то она станет в разы больше изначальной и покрывает то, что было сначала.

Лексема 谎话 имеет следующие сочетания:

说谎话 shuō huǎng huà «говорить ложь»;

编造谎话 biān zào huǎng huà «фабриковать ложь»;

制造谎话 zhì zào huǎng huà «изготавливать ложь»;

讲谎话 jiǎng huǎng huà «рассказывать ложь»;

听谎话 tīng huǎnghuà «слушать ложь».

Мы видим, что у лексемы 谎话 невозможно выявить вещественную коннотацию, так как в ее сочетаемости проявляется только прямое действие: ее высказывают, создают и слушают. Это связано с особенностями литературного и разговорного языков. Литературный язык более богатый, чем разговорный, так как они отличаются по функции: литературный язык более направлен на выражение, а разговорный язык – на пракτικότητα. Недаром академик Л. В. Щерба говорил: «сравнительное достоинство отдельных литературных языков <...> определяется прежде всего богатством наличных средств выражения как для общих, так и для частных понятий» [\[10\]](#).

В китайском языке существует синоним к лексеме 谎 – это лексема 骗, семантическая функция которой схожа с русским словом *обман*. Далее мы перейдем к анализу лексемы 谎 и её сочетаемости.

У иероглифа 骗 очень сложная этимология. Если судить по современному иероглифу, то происходит явная нестыковка в значении, так как иероглиф является иероглифом фонетической категории, состоящий из ключа 马, показывающего связь исходного значения с конем, и фонетическую графему 扁. По данным трактата «Цзуань Вэнь», написанного мыслителем династии Сун в эпоху Южных династий Хэ Чэнтяном в 5 веке, значению лексемы давалось такое определение: 骗, 谓跃上马也。[\[18\]](#) - «прыжок на коня» (перевод наш. – Н. А.). Таким образом, мы видим, что значение обмана к лексеме пришло позже, а изначально она обозначала совсем другое действие. С помощью языкового корпуса мы можем определить диахронию изменений семантики лексемы в литературном языке. После изучения более 200 примеров был сделан вывод, что значение обмана, которое хорошо известно в современном китайском языке, лексема получила не ранее периода династии Южная Сун, то есть уже в 12 веке. Соответственно, изучение лексемы 骗 не может показать нам точное восприятия древними китайцами данного понятия и нужно найти иероглиф, у которого 骗 перенял значение.

Тут стоит обратить внимание на другой иероглиф, имеющий ту же фонетическую графему, но отличающаяся по ключу, – это иероглиф 编, имеющий максимальную вероятность быть исходным для понятия обмана в китайском языке. Иероглиф состоит из ключа 讠, показывающего на связь с устной речью, и фонетической графемой 扁; исходным значением иероглифа было «лукавить», а позже он приобрел значение обмана [\[17, с. 188\]](#). Таким образом видно, что и понятие обмана тоже связано с устной речью человека, однако, по сравнению с понятием 谎, оно больше подчеркивает красивые слова, которые в итоге не выполняются и все равно воспринимаются как неправда. Лексема 编 все еще существует в современном китайском языке, однако частотность ее использования очень низкая, а референт «обман» передается лексемой 骗, которая заимствовала значение, и оно за ней укрепились.

Покажем, почему эти изменения являются абсолютно логичными и возможными для объяснения. В современном китайском языке, когда мы говорим про ложь: 他说谎了 «он солгал», то тут будет подразумеваться неправда только в словах; однако, когда мы говорим 他被骗了 «его обманули», то тут подразумевается неправда в действиях, включая ложь, но не ограничиваясь её. Также важно отметить, что при использовании лексемы 谎 мы подразумеваем только, что кто-то сказал ложь; но когда используется лексема 骗, то практически во всех случаях мы говорим, что человек пострадал из-за обмана. Если бы и для обмана использовался ключ 讠, то с его помощью показывать на действие было бы неуместно, а ключ 马 как раз показывает на действие. Можно сделать предположение,

что это и стало причиной его использования.

Однако, даже так игнорировать связь между обманом и речью все равно невозможно, поэтому в современном китайском языке лексема чаще всего используется с двумя глаголами: 欺 и 诈. Если посмотреть на их происхождение, то оба они имеют этимологию, связанную со словом, ведь ключ 欠 показывает на выпуск воздуха изо рта и говорением, а ключ 讠 напрямую показывает на связь с речью. Если оценить данные языкового корпуса, то понятно, что с самого начала глаголы обозначали действия, связанные с языковым обманом. Но в современности появилась огромное количество разновидностей обмана, например, финансовое, личное мошенничество, ложная реклама, подделка продуктов и т. д., из-за чего 骗 постепенно стал в себе иметь не только значение обмана в речи, но и обмана в действиях.

Как мы видим, в современном китайском не используется один иероглиф, надо анализировать именно сочетаемость слов. Но сам иероглиф надо исследовать отдельно.

Заключение

Подведем итоги. Будучи по сути остатками старых мифов, старых мировоззренческих оппозиций, и русские и французские понятия, описывающие эту бинарную оппозицию правда/ложь, сохранили многое от древней символики. Образы светила, солнца, плохой воды, грязи, ткани, нити, - все это универсальные метафоры, соединяющие индоевропейское образно-когнитивное поле в единый глобальный мировоззренческий фрагмент.

Например, образ плетения интриг как паутины охватывает все поле так сказать речевого и событийного коварства: рассуждение, фраза, текст – плетутся, состоят из нитей, в которых можно запутаться (пути) или запутать. Хитросплетение – это логика, образы, которые трудно распутать, а запутаться легко. В этом метафорическом образе мы усматриваем ассоциирование речевого с женским (*плести /заплести волос; волос длинный, а ум короткий*) и через это часто с ложным, видимым, кажущимся (инвариативно женская красота – соблазн, идущий от дьявола, искушение). Ассоциация речевого с женским кажется особенно мотивированной в свете последних открытий, свидетельствующих о большей развитости речевых зон мозга у женщин, что связано с ее функцией воспитывать детей, да и с просто обыденным представлением о болтливости женщин, о пустословии, которым они часто грешат и часто небескорыстно.

Метафора войны двух начал: света и тьмы, правды и лжи и так далее – также представлена в сочетаемости этих понятий в двух языках и также архаична. Война абстрактных, высших сил предшествует сотворению мира и разделению всего сущего на два противоположных пола, все сущее – часто в мифологических системах воспринимается как результат глобальных противостояний. Из сказанного здесь мы можем сделать вывод, что и русские и французские понятия восходят к общим мифологическим прототипическим представлениям, связанным с исходным дуалистическим противопоставлением, частью которого является противопоставление в том числе и мужского и женского. Очевидно, что эти древнейшие мифы продолжают свою жизнь в современном сознании, отбросив в толще времени все то, что плохо согласовывалось с их логикой, в частности ассоциирование истины с наличными деньгами.

В китайском языке, если рассматривать правду и ложь как сопоставимые понятия, то мы должны анализировать 假 (неправда, ложь) и 真 (правда). Однако, 假 не так часто используется в языке, из-за чего возникают трудности при его анализе. Оно, помимо

того, что является философским понятием, используется для обозначения чего-то, что не соответствует действительности. Из-за чего возникают трудности с подбором семы в современном китайском языке. Кроме него в китайском языке существуют понятия 谎 huǎng и 骗 piàn, подходящие для анализа. В сопоставлении с русским языком они будут соответствовать русским понятиям "ложь" и "обман".

Мы видим, опираясь на образ, что ложь не является чем-то, что требует усилий для уничтожения, а скорее само подвержено распаду со временем. Также присутствует идея, что ложь легко "проткнуть", что схоже с французским образом ткани. Человек как может создавать ложь, так и может ее вскрывать.

О влиянии можно четко сказать, что оно идет от классического конфуцианского представления о моральном критерии, где ложь проявляется в речи и поступках.

Базовые признаки	Русский менталитет	Французский менталитет	Китайский менталитет
Источник	Лежать	Лгать	Не соответствует действительности
Актуальные взаимосвязи	Клеветать	Фантазировать, спать	Поле, заросшее сорняками
Образ	Болото	Ткань	Слабый враг, оконная бумага, паутина
Членение ситуации	· ложь · обман	· mensonge · songe	· 谎 (речь) · 骗 (ложь в действиях)
Человек	Жертва (и в случае, если лжет и если является объектом лжи)	Пассивен	Активен (создавать ложь; разорвать ложь)
Влияние	Индоевропейская мифологическая система	Античность (историческое разделение типов лжи в зависимости от целей)	Конфуцианство

Библиография

1. Большой Китайско-Русский Словарь. URL: <https://bkrs.info/>
2. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург: ПОЛРАДИС, 1993. Т. 12, с. 749.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Москва: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. 700 с.
4. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001, Т.1. С. 143-144.
5. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва : Сов. энцикл., 1991. 736 с.
6. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х томах / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1987–1988. Т. 1. С. 98.
7. Словарь русского языка. [АН СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. А. П. Евгеньева]: В 4 т.- Москва: Рус. яз., 1981–1984.
8. Степанова И.М. Доклад «Коли не ложь – так правда» Материалы научной конференции Филология в системе современного образования 22-23 июня 2004 года, Выпуск 7, М.: УРАО, 2004. С. 275-282.

9. Шейман М.М. Вера в дьявола в истории религий. М., 1977. С. 354.
10. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 113-129.
11. Ripa, C. Iconologia overo Descrittione di diverse-imagini cavate dall' antichita, et di propria inventione, trovate, et dichiarate da Cesare Ripa Perugino... Di nuovo rivista et... ampliata di 400.... imagini... Roma: appresso Lepido Faeij, 1603. DAF – Dictionnaire de l'ancien français. Paris, 1968.
12. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 978页.
13. 汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典(第二版缩印本). 成都: 四川辞书出版社, 2018年. 2692页.
14. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015年. 1185页.
15. 北京大学语言研究中心汉语(现代/古代)语料库. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/
16. 贺国伟. 反义词词典. 上海: 上海辞书出版社, 2018年. 446页.
17. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
18. 千篇国学. 汉语字典: 骗. URL: <https://mzidian.qianp.com/zi/骗>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Представление о лжи в русском, французском и китайском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики структуры концепта «ложь» в языковой картине мира носителей трех языков. Настоящее исследование ставит своей целью восполнить этот пробел и предложить комплексный анализ понятия «ложь» в трех языковых картинах мира. Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской школы когнитологов являются ценными, так как данный концепт претерпевал некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами. Кроме того, актуальным является сопоставительный характер исследования. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако вводная часть не содержит отсылок к работам предшественников по данной тематике. Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на китайском языках. Считаем, что работы на французском языке по исследуемой проблематике, несомненно, обогатили бы работу. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Однако в тексте статьи присутствуют неточности, опечатки и орфографические погрешности. Так,

при наборе слов французским шрифтом упущены надстрочные знаки, являющиеся обязательными по правилам орфографии. Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Представление о лжи в русском, французском и китайском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Понятие "зло" в русском, французском и китайском языках // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71517 EDN: CRAZIN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71517

Понятие "зло" в русском, французском и китайском языках

Голованивская Мария Константиновна

доктор филологических наук

профессор; кафедра региональных исследований; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Факультет иностранных языков и регионоведения

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ Golovanivskaya@gmail.com

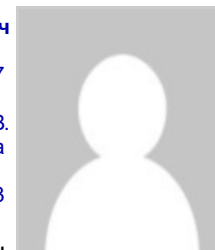
Ефименко Николай Александрович

ORCID: 0000-0002-4003-5887

студент, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71517

EDN:

CRAZIN

Дата направления статьи в редакцию:

18-08-2024

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является понятие «зло» в языковых картинах мира трех различных культур – русской, французской и китайской. В рамках контрастивного анализа авторы изучают и сопоставляют различные аспекты этого понятия, при этом используя четко определенный алгоритм. Исследование охватывает этимологию слова в каждом из языков, мифологические корни, а также его сочетаемость с другими лексическими единицами. Особое внимание уделяется

выделению вещественной коннотации, как предложено В. А. Успенским, и сравнению словарных дефиниций. Основная цель работы заключается в выявлении уникальных и общих черт представления концепта «зло» в семантических полях данных культур, что позволяет лучше понять мировоззренческую специфику русского, французского и китайского народов. Научными методами исследования являются такие методы, как: сравнительно-исторический метод, метод обобщения, метод семантического анализа. Данная тема является слабоизученной и актуальной, ведь ранее не наблюдалось лингвокультурологических исследований охвата Запад-Россия-Восток, анализирующих это понятие в русском, французском и китайском языках и культурах, что составляет научную новизну работы. Выводы исследования подчеркивают разнообразие восприятия и представления понятия "зло" в разных культурах. В русском языке зло является антонимом добра, овеществляется как растение и одушевляется в виде враждебного начала, против которого человек активно борется. Во французском языке "mal" изначально имело религиозный смысл, связанный с дьяволом, но в современном языке акцент сместился на значения "боль" и "болезнь". При этом, борьба со злом больше проявляется в философско-религиозных контекстах, нежели в обыденной жизни. В китайской культуре корни понятия "恶" связаны с древними представлениями о духах предков и противопоставляются добру через ассоциации с грязью, болезнями и сорняками. Кроме того, влияние христианства в период поздней династии Цин отразилось на восприятии греха в современном китайском языке.

Ключевые слова:

языковая картина мира, контрастивное исследование, этика, лингвокультурология, семантический анализ, национальный менталитет, вещественная коннотация, русский язык, китайский язык, французский язык

Введение

Понятие «зло» занимает центральное место в мировоззренческих системах разных культур и народов. Оно отражает глубинные представления о морали, этике и социальной структуре, формируя важные аспекты культурной идентичности. В современной лингвистике исследование концептов и категорий, связанных с моралью, становится все более актуальным, особенно в контексте межкультурного и межязыкового анализа. Так, из недавних исследований стоит отметить работы Яо Ч., который исследует понятие "вежливость" в русском и китайском языках [\[8\]](#), Ли М., сопоставляющего понятия "образ" и "имидж" в тех же лингвокультурах [\[3\]](#), Лю Чаоцзе, который приводит общее определение понятия "судьба" для двух языков [\[4\]](#). Попутно отметим, что сопоставляются не только абстрактные понятия; к примеру, Ма Сяньфэй сравнивает понятие "град" в русском и китайском языках [\[6\]](#).

Однако, несмотря на значительный интерес к теме, понятие «зло» до сих пор не получило достаточно внимания в контрастивных исследованиях, охватывающих столь различные языковые и культурные традиции, как русская, французская и китайская. Настоящее исследование ставит своей целью восполнить этот пробел и предложить комплексный анализ понятия «зло» в трех языковых картинах мира. Мы рассматриваем этимологические и мифологические корни этого понятия, анализируем его лексическую сочетаемость и выявляем вещественные коннотации, опираясь на методологию В. А. Успенского.

Современные философские энциклопедические словари так трактуют добро и зло: " ... это нормативно-оценочные категории морального сознания в предельно обобщенной форме, обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно положительное, благо, а с другой – нравственно отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей" . В интерпретации добра и зла в истории этики начиная с древности сталкивались различные точки зрения.

Материалисты связывали их с человеческими потребностями и интересами, с законами природы или фактически с желаниями и устремлениями людей (натурализм), с наслаждением или страданием (гедонизм), с реальным социальным значением тех или иных действий. Идеалисты выводили понятия добра и зла из божественного веления и разума, из неких потусторонних идей и сущностей, в результате чего конфликту между добром и злом придавался метафизически-онтологический смысл борьбы извечных начал в мире [\[1, с. 174\]](#),[\[2\]](#). Отметим, что наше сознание и язык сочетают в себе и первую, и вторую точки зрения, не вызывая внутреннего конфликта и необходимости рационализировать исторически сложившиеся непримиримые различные подходы [\[7\]](#).

Понятие "зло" в русском языке связано с древнерусским прилагательным "зълъ", означавшим "дурной", "плохой", "низкий". Существительное "зълъ" имело значение "беда", "грех", "вражда", а слово "зълъба" — "порок" или "вражда". Эти термины восходят к общеславянскому корню, который, в свою очередь, связан с индоевропейским корнем, обозначающим "изгибаться", "кривиться", "изворачиваться". Таким образом, зло этимологически противопоставляется понятиям "правда", "прямота", "правильность", а также ассоциируется с чем-то левым, изогнутым, незаконным (например, "кривой договор", "левый заработок").

Изначально прилагательное "зълъ" было более употребимо, чем соответствующее существительное, и использовалось для характеристики человека. "Злой" означало "недоброжелательный", "проникнутый враждой и ненавистью", "желающий мучить". Это слово описывало поведение врага. Окончательная абстракция понятия "зло" произошла, по нашему мнению, одновременно с абстракцией понятия "добро" в условиях распространения и укоренения атеистического мировоззрения, когда возникла необходимость формулировать основы морали вне религиозной системы координат.

Понятия "добро" и "зло" в высокой степени симметричны: добро — это то, что является благом для человека, то, что приобретено честным трудом, а зло — то, что приносит вред, например, война, утраты, разорение. В ценностной иерархии добро представляет собой высшую нравственную добродетель, а зло — крайний порок. Добро связано с Богом, а зло — с дьяволом.

Значительная часть характеристик добра с противоположным знаком может быть отнесена к злу, что указывает на их общие корни в древних мифах о близнецах. В славянской мифологии происхождение этих понятий объясняется следующим образом: серая утка, олицетворявшая славянского бога Рода, по его наставлению отправилась на поиски земли и, найдя её, снесла два яйца с силами Яви и Нави (явления и наведения), то есть с силами добра и зла. Из этих яиц вылупились птицы, которые понесли добро и зло по всему миру, где они начали распространяться и воспроизводиться.

Персонификацией зла в славянской мифологии являлась богиня Мара (Маруха), олицетворяющая вражду и смерть (ср. "мор", "мрак"). У северных славян Мара представлялась грубым духом, который днём невидим, а ночью совершает злые деяния,

скрываясь в пещерах, болотах или рытвинах под берегом реки. Персонификация зла в образе беса также относится к древнеславянским представлениям (выражения "бес попутал" или "чёрт" как причина ошибочного действия или неудачи). В древнеславянских верованиях бесы и силы зла ассоциировались с тьмой, холодом и зимой, считавшейся временем их господства. К мифологическим персонажам этого рода относятся и злыдни — вредоносные домовые духи, символы несчастья и беды. Злыдни отличались от пассивной "доли", касавшейся благосостояния человека, тем, что приносили несчастье. В некоторых местностях их представляли в виде невидимых стариков-нищих, которые приносили беду в места своего пребывания.

В современном русском языке слово *зло* имеет следующую сочетаемость:

причинить, сделать, принести, посеять зло;

зло укореняется, дает всходы, корень зла, извести зло с корнем;

зло наименьшее, наибольшее, выбрать из двух зол наименьшее зло, великое зло;

держать зло на кого-либо; срывать зло на ком-то, носить в себе зло;

безусловное, неизбежное, мировое зло;

зло побеждает, одерживает верх, силы зла, цветы зла

отойти от зла, познать зло

торжество зла, империя зла, оплот зла.

Из приведенной сочетаемости мы отчетливо видим такую его метафорическую конкретизацию:

1. Зло как растение, сорняк (об этом см. выше).
2. Зло как дискретная среда, представляющая человеку конкуренцию зла.
3. Ограниченная территория (отойти от зла).
4. Войско (силы, империя).

В языке не обнаруживаются прямые свидетельства связи зла с ночным светилом — лунной, однако в современной практике имеются многочисленные подтверждения такого ассоциирования. Славянские мифы, как было отмечено ранее, связывали зло с ночью и темнотой. Отрицательное, настороженное отношение человека к темноте и к ночному светилу сохраняется и в настоящее время: лунатизм, верования в оборотней, ночные страхи, повышение уровня преступности в ночное время — все это свидетельствует о том, что темное время суток воспринимается как время действия темных сил. Холод, который сопровождает страх, также указывает на то, что страх связан с ощущением присутствия зла, врага или опасности, которые особенно усиливаются ночью.

Подсознательная связь зла с холодом проявляется в таких образах, как Снежная королева, или в выражении «вместо сердца — кусок льда» (где важна также ассоциация с тем фактом, что холод снижает чувствительность вплоть до её полной потери; таким образом зло использует это, чтобы направить человека на неправильный путь). Отсюда, возможно, происходит выражение «холодный прием», означающее бесчувственное или недоброжелательное отношение; «темные дела», то есть злые или нечестные поступки. Схожая метафорика прослеживается в слове «кривотолки» — разговоры, которые не

только передают неправду, но и преследуют злую цель.

Человек часто является источником зла, однако в дальнейшем зло отделяется от человека и начинает существовать автономно. Мы можем сказать: «своим бесконечным добром он доказал...» или «его добро, исходившее от него, было сильнее...», но не можем построить аналогичные фразы со словом "зло". Слово "зло" не имеет в русском языке множественного числа в именительном падеже, но оно используется в родительном падеже в множественном числе, когда говорится, например, о выборе из двух, трех или пяти "зол" — наименьшего, наибольшего или среднего. Таким образом, зло может быть не только множественным, но и различаться по качеству и размеру, тогда как добро воспринимается как единое и не дифференцируется по характеристикам. Именно этим объясняется бедная сочетаемость слова "добро" с прилагательными и обильная сочетаемость слова "зло".

Выражение "держать зло на кого-то" означает "таить его в себе, испытывать к кому-то злобу", а "срывать зло на ком-то" — "выплеснуть на невиновного человека внутреннее негативное напряжение". Глагол "срывать" здесь связан с идеей, заключенной в глаголе "срываться", то есть неправомерно давать волю своим негативным эмоциям, которые обычно "держатся на привязи", как дикий зверь или злая собака. Следовательно, зло представляет собой своего рода "озверение", регресс в дикий мир и дегуманизацию.

Понятие "зло" во французском языке

Французское понятие "зла", выражаемое словом *le mal*, представляется более понятийно и образно разработанным, чем его антоним. *Le mal* образовано от латинского прилагательного *malus* [9, с. 881] - "плохой, зловещий, злой". Это древний религиозный термин, прочитываемый во многих индоевропейских формах.

Существительное *le mal* образовано путем субстантивации соответствующего прилагательного. *Mal* с первых же старофранцузских текстов обозначало моральное понятие, противоположное *bien* (в третьем значении). Оно употреблялось в христианских текстах, усиливало производным от него именем дьявола (*Le Malin*) и связывалось с идеей греха.

В XVII веке *faire le mal* означало «грешить». В светских контекстах слово *mal* встречалось в уже цитировавшемся выражении *donner le mal pour le bien*. В XI-XII веках появляются другие известные сегодня значения этого слова - «болезнь» и «боль», не входящие в гнездо значений русского слова «зло» [9, с. 882].

В современном языке слово *le mal* имеет следующие значения:

1. То, что причиняет боль, огорчение, несчастье, то, что плохо, вредно, тяжело для кого-то.
2. Страдание, физическое недомогание.
3. Болезнь.
4. Моральная боль.
5. То, что противоположно моральному закону, добродетели, добру
6. Абсолютное значение: все, что противоположно, противостоит добру.

Анализ значения слова *le mal* показывает, что во французском языке одним и тем же

словом обозначается боль душевная и физическая. Таким образом, душевная боль мыслится достаточно конкретно, что будет проинтерпретировано нами в дальнейшем при рассмотрении лексики, описывающей эмоции. Видно также, что прагматический аспект значения, присутствовавший в слове *le bien*, отсутствует, что, возможно, объясняется универсальностью и древностью этого понятия, выходящего очевидным образом за границы античности и ее идеологии. Именно через понятие *le mal* выражаются недовыраженные аспекты понятия *le bien*: именно в статье *le mal* в *Le Petit Robert* мы находим контексты (*L'arbre de la science du Bien et du Mal, Par-dela le Bien et le Mal, le monde partage entre le Mal et le Bien etc.*), которые были бы столь же уместны и в статье на *le bien*, но отсутствуют там в силу, видимо, недостаточной разработанности последнего понятия. Отметим также, что абсолютное значение слова *le mal* *Le Robert* дает последним, что свидетельствует о том, что это слово все же мало употребительно. Вторичная конкретизация понятия *le mal* через некую образную систему отчетливо видно из сочетаемости этого слова:

attaquer le mal a la racine, extirper le mal, couper le mal, tarir la source du mal, couper le mal a sa source, le mal a des ailes, le mal porte le venin en queue, le mal vient a cheval et s'en retourne a pied. Denoncer, enrayer, reparer un mal. Etre enclien au mal. Le mal reigné, triomphe; le mal nécessaire.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что *le mal* оформляется образно как:

1. растение со стеблем, которое можно выдернуть и срезать
2. как ручей, источник с устьем
3. хтоническое существо, сочетающее в себе связанные с землей архетипические черты: хвост, крылья, яд. Образ летающей рептилии, дракона с жалом, налитым ядом, очевидным образом связывает его с глубокой древностью [\[10\]](#).

Мы видим, что зло во французском языке одушевляется, способно царить и побеждать и имеет глубокий источник, питающим его земными соками. В описанном образе наблюдается много переключек с образом дьявола, имя которого, как мы уже писали, имеет тот же корень.

Коннотация, связанная с образом растения, очевидным образом легла в основу метафоры *les fleur du mal*, созданной Бодлером и укоренившейся в языке. Эта коннотация идет в русле известного латинского выражения "*Mala herba cito crescit*".

Отметим, что представления о добре и зле для французского сознания относятся исключительно к сфере философского и религиозного поиска и не характеризуют бытовое сознание, предпочитающее оперировать в этом случае более конкретными понятиями.

Понятие "зло" в китайском языке

В китайском языке главной семой для понятия "зло" является 惡 è. Это 惡 è является иероглифом фонетической категории, который состоит из семантического компонента "心 xīn", показывающего на связь с внутренними чувствами, и фонетического элемента 亞 yà. Таким образом, изначальное значение семы было "грех", "злодеяние" [\[12, с. 944\]](#). Для того чтобы лучше понять этимологию семы, сначала необходимо чуть более углубиться в элемент 亞 yà. Кроме фонетической функции, можно сделать предположение, что он также передавал семантику, поскольку, по мнению многих исследователей, таких как

Ван Фэй [\[15\]](#) и Лю Чжао [\[14\]](#), иероглиф 亞 yà обозначал храм предков или алтарь в гробнице, что является абсолютно не случайным. Другие исследователи считают, что 亞 yà – это и значит «гробница». Вне зависимости от мнения, видна связь с потусторонним миром.

В древнем Китае существовало представление о 鬼 guǐ, то есть "бестелесной сущности". Любое существо попадает в это состояние после смерти в реальном мире. И некоторые из этих существ становятся "злыми духами". Люди путем поклонения и жертвоприношений договариваются с ними для получения общей выгоды. И они становятся 邪神 xiéshén «Богом-демоном» или 鬼神 guǐshén «Богом-дьяволом». Тут важно отметить пять широко почитаемых Богов-демонов (五通神), которые, по легенде, являлись братьями. Такое верование появилось во времена династии Тан и в основном распространялось в регионе Цзяннань. Но и по сей день эти Боги-демоны имеют культурное значение. В народе они известны и как боги зла (邪神), и как боги богатства (财神), что указывает на связь этих представлений [\[11, с. 96-99\]](#).

Культ злого духа проходит через всю диахронию китайской культуры. Можно сделать предположение, что иероглиф 亞 yà имеет связь с данным мифологическим представлением. Соответственно, в китайской культуре связь между дьяволом и злом представляется очевидной. Но также существует менее очевидная связь между уродством и злом. Ранее в нашей статье о понятии мужской красоты давалось определение иероглифу 醜 chǒu (упрощенный иероглиф пишется как 丑 chǒu), имеющему значение "дьявол". Там было сказано, что дьяволом является тот, чья внешность вызывает отвращение. Поэтому в современном китайском языке можно наблюдать следующее слово, обозначающее уродство: 丑恶 chǒu'è "отвратительный", которое, не являясь фразеологизмом, практически устоялось в языке и чаще всего используется следующим образом: 丑恶嘴脸 chǒu'è zuǐliǎn «отвратительная рожа», обозначающее людей, сотворивших непростительные деяния.

Как было написано в статье о понятии "добро", даосы не мыслят категориями добра и зла, а говорят о соответствии природному циклу. То, что идет вопреки природному циклу, идет против "дао" и нарушает гармонию, значит, является злом.

По сравнению с даосами конфуцианцы гораздо подробнее рассматривали добро и зло, так как им они требовались для создания государственной идеологии. Как было сказано в главе о добре, первоначально добро измеряло справедливость: то, что является справедливым, – добро. Соответственно, несправедливость – зло. Позднее, после учения о природной склонности к добру Мэн-Цзы и природной склонности к злу Сюнь-цзы, проблема первичности добра и зла в человеке стала более обсуждаемой в конфуцианстве. Победителем из дебатов вышло учение о природной склонности к добру. Но представление о первичности зла внутри человека воплотилось в теории легизма. Именно это и стало одной из главных причин жестких законов и правил в обществе, принятых для ограничения зла и предупреждения преступлений. Легисты выдвинули вперед закон и заявили о его универсальности и строгости соблюдения, так как считали это единственным средством подавления зла внутри человека, чтобы в обществе могла соблюдаться стабильность [\[13, с. 82-85\]](#).

Для буддизма зло является корнем страданий, который происходит от незнания и нежелания человека. Общеизвестно, что в буддизме существует понятие "трех ядов": алчность, гнев и тупость, которые являются главными причинами совершения злодеяний.

Переходя к современному китайскому языку, можно выделить еще несколько

характерных черт, которые люди ассоциируют со злом. Например, "ненависть" или "сильная нелюбовь к чему-то". Существует три абсолютных синонима, показывающих максимальную степень отвращения к **恶 è**: **憎恶 zēngwù**; **厌恶 yànwù**; **嫌恶 xiánpwù**. Все три слова используются как глаголы, после которых идет существительное, показывающее предмет ненависти, который зависит от контекста, то есть используется для показа сильных внутренних чувств человека.

В современном китайском языке, по данным частотного словаря, был выделен следующий синонимический ряд: **邪恶 xié'è**, **罪恶 zuì'è**. Оба этих синонимов мы разберем отдельно.

Лексема **邪恶 xié'è** состоит из морфем **邪 xié** и **恶 è** и является самой распространенной в современном китайском языке для обозначения понятия «зло». Сема "**邪 xié**" имеет значение «неправильный», например: ранее упомянутый "**邪神 xiéshén**" «Бог-демон» в смысле "неправильный бог", или "**邪教 xiéjiào**" (секта) в смысле "неправильная вера", или "**邪说 xiéshuō**" (порочная точка зрения) в смысле "неправильная речь" и т. д. Мы видим, что тут "зло" показано как то, что максимально отклоняется от ортодоксальности. То представление, что что-то является неправильным (отошедшим от своего пути), существует и в даосском понимании.

Далее перейдем к сочетаемости слов и выявлению вещественной коннотации:

扶助邪恶	fúzhù xié'è	выступать за зло
邪恶在街市中	xié'è zài jiēshì	зло обитает на улицах
憎恶邪恶	zēngwù xié'è	гнушаться злом
追求邪恶	zhuīqiú xié'è	добиваться зла
成就邪恶	chéngjiù xié'è	взрастить зло
听邪恶之语	tīng xié'è zhī yǔ	слушать речь зла
邪恶暴露	xié'è bàolù	зло раскрывает себя
图谋邪恶	túmóu xié'è	замышлять зло
深藏邪恶	shēn cáng xié'è	глубоко скрывать зло
反对邪恶	fǎnduì xié'è	противостоять злу
粉碎邪恶	fěnsuì xié'è	сокрушить зло
品尝邪恶	pǐncháng xié'è	попробовать зло на вкус
传播邪恶	chuánbò xié'è	распространять зло
斩除邪恶	zhǎn chú xié'è	выкосить зло
战胜邪恶	zhànshèng xié'è	победить зло
惩罚邪恶	chéngfá xié'è	наказывать зло
放弃邪恶	fàngqì xié'è	отказаться от зла
相信邪恶	xiāngxìn xié'è	верить в зло
同邪恶争夺	tóng xié'è zhēngduó	вместе бороться со злом
打击邪恶	dǎjī xié'è	нанести удар по злу
邪恶被翦除	xié'è bèi jiǎn chú	искоренить зло
受邪恶侵犯	shòu xié'è qīnfàn	зло вторгается
玩弄邪恶	wànnòng xié'è	жонглировать злом
制裁邪恶	zhìcái xié'è	ограничить зло
向邪恶屈服	xiàng xié'è qūfú	покориться злу
遇到邪恶	yù dào xié'è jiù tóuxiáng	встретиться со злом
顺从邪恶	shùncóng xié'è	подчиняться злу
驱除邪恶	qūchú xié'è	прогнать зло
不畏邪恶	bù wèi xié'è	не бояться зла
阻止邪恶	zǐzhǐ xié'è	остановить зло

暴力抵抗邪恶	bàolì dǐkàng xié'è	физически сопротивляться злу
除掉邪恶	chú diào xié'è	исключить зло
除却邪恶	chúquè xié'è	отбросить зло
仇恨邪恶	chóuhèn xié'è	ненавидеть зло
抗拒邪恶	kàngjù xié'è	возражать злу
摆脱邪恶	bǎituō xié'è	освободиться от зла
警惕邪恶	jǐngtì xié'è	остерегаться зла
不畏邪恶	bù wèi xié'è	не страшиться зла
掩不住邪恶	yǎn bù zhù xié'è	не могу скрыть зло
不怕邪恶	bùpà xié'è	не бояться зла
放弃邪恶	fàngqì xié'è	отказаться от зла
挫败邪恶	cuòbài xié'è	предотвратить зло
宣传邪恶	xuānchuán xié'è	пропагандировать зло
消灭邪恶	xiāomiè xié'è	стереть зло с лица земли
粉碎邪恶	fěnsuì xié'è	стереть зло в порошок
抵抗邪恶	dǐkàng xié'è	сопротивляться злу
支持邪恶	zhīchí xié'è	поддерживать зло
消除邪恶	xiāochú xié'è	ликвидировать зло
荡涤邪恶	dàngdí xié'è	очищать зло
涤除邪恶	díchú xié'è	смывать зло
蔑视邪恶	mièshì xié'è	пренебрегать злом
被邪恶霸占	bèi xié'è bàzhàn	узурпированный злом
反抗邪恶	fǎnkàng xié'è	противиться злу
驱邪恶	qū xié'è	изгонять зло
追逐邪恶	zhuīzhú xié'è	преследовать зло
进击邪恶	jìnjī xié'è	атаковать зло
向邪恶投降	xiàng xié'è tóuxiáng	сдаться злу

Из данной сочетаемости была выявлена следующая вещественная коннотация:

1. **Враг.** Из всех случаев сочетаемости больше всего наблюдалось 战胜邪恶 «победить зло», то есть зло является чем-то, что является нашим противником, причем сильным. Поэтому его можно атаковать, сопротивляться ему. Его нельзя бояться, с ним надо бороться и предотвращать его. Его ненавидят, его могут прогнать или уничтожить. Тут мы видим четкий образ врага, которого надо побороть и стереть с лица земли. Также стоит упомянуть, что при анализе материала языкового корпуса, связанного с новостными источниками до 1980-х годов, "злом" часто являлись абстрактные империализм, капитализм, ревизионизм и все то, что шло против коммунизма. Но в новостях после 2000-х годов образ врага становится все более материальным. Например, врагами нарекаются Америка, Индия и другие страны, которые нанесли ущерб интересам Китая как представителя "добра". Раньше использовались лозунги, сейчас же в пропаганде появляется больше конкретных врагов.

2. **Тиран.** Люди поклоняются ему, боятся его, слушают его речь. Из-за его силы его нужно постоянно ограничивать, сопротивляться ему. Чувствуется, что зло является сильным живым существом, так как оно может узурпировать территорию или предметы, люди сдаются и подчиняются ему. Также некоторые люди пытаются как-то с ним бороться, не для того чтобы победить, но чтобы меньше страдать. Ему противостоят и в итоге могут освободиться от него. Тут возникают два образа, которые часто встречаются в крестьянских восстаниях: народ долго слушается своего правителя до того момента, когда не получается терпеть; тогда народ бунтует, но не для того, чтобы свергнуть

правителя, а для того, чтобы вернуть то, что изначально имели. Если вернуть это не получается, то правителя свергают.

3. **Болеть.** Это то, что может распространяться, то, что все ненавидят. Оно находится на улице. Его невозможно скрыть и от него невозможно скрыться, если ты уже заражен.

4. **Грязь.** Это хотят отбросить, от него очищаются, это то, что пытаются смыть. Этим пренебрегают.

5. **Сорняк.** Данный образ показан только с помощью разных форм слова "искоренить". Данный образ будет подробнее показан в анализе следующей лексемы.

6. **Яд.** Если посмотреть на вещественную коннотацию двух лексем, то можно обнаружить еще одну, гораздо менее явную коннотацию. Это предмет с запахом, предмет, который можно попробовать на вкус. Важно отметить, что зло сочетается с глаголом 品尝 pǐncháng, который используется для обозначения пробования деликатеса. Например, "品尝美酒 pǐncháng měijiǔ" «дегустировать вино», "品尝仙桃 pǐncháng xiāntáo" «пробовать на вкус Персик долголетия». Но мы также можем сказать "品尝毒酒" «пробовать ядовитое вино» или даже "品尝毒药" «пробовать яд».

Лексема 罪恶 zuì'è состоит из морфем 罪 zuì и 恶 è. Иероглиф 罪 zuì является идеографическим иероглифом и с самого начала с древности имеет неизменное значение «преступление», если быть точнее, – «человек, совершивший нечто неправильное». В современном китайском языке данная лексема имеет два значения:

1. **Злодеяние;**

2. **Преступление.**

Далее перейдем к сочетаемости слов и выявлению вещественной коннотации:

酿成罪恶	niàng zuì'è	chengv конечном итоге привести к злу
承认罪恶	chéngrèn zuì'è	признавать зло
滋生罪恶	zīshēng zuì'è	плодить зло
追讨罪恶	zhuī tǎo zuì'è	взыскивать зло
追逐罪恶	zhuīzhú zuì'è	гнаться за злом
驱逐罪恶	qūzhú zuì'è	изгонять зло
除净罪恶	chú jìng zuì'è	полностью очиститься от зла
洗除罪恶	xǐ chú zuì'è	смыть зло
忏悔罪恶	chàn huǐ zuì'è	покаяться во зле
与罪恶相争	yǔ zuì'è xiāng zhēng	бороться со злом
脱离罪恶	tuōlí zuì'è	отрешиться от зла
赎罪恶	shú zuì'è	выкупить зло
检讨罪恶	jiǎntǎo zuì'è	критиковать зло
宣布罪恶	xuānbù zuì'è	объявить зло
斩除罪恶	zhǎn chú zuì'è	выкосить зло
抖出罪恶	dǒu chū zuì'è	вытряхивать зло
减轻罪恶	jiǎnqīng zuì'è	облегчить вес зла
调查罪恶	diàochá zuì'è	обследовать зло
走向罪恶	zǒuxiàng zuì'è	войти в зло
控告罪恶	kòngsù zuì'è	обвинять зло
暴露罪恶	hànlù zuì'è	наскрывать зло

逃避罪恶	táobì zuì'è	избежать зла
认清罪恶	rèn qīng zuì'è	четко представить зло
加深罪恶	jiāshēn zuì'è	углубляться в зло
拔除罪恶	báchú zuì'è	выдрать зло
揭发罪恶	jiēfā zuì'è	разоблачить зло
痛诉罪恶	tòng sù zuì'è	с болью рассказывать о зле
控告罪恶	kònggào zuì'è	обжаловать зло

При анализе было обнаружено, что массово слово "罪恶 zuì'è" стало использоваться начиная с конца династии Мин вплоть до начала династии Цин в трудах, посвященных христианству и его распространению в Китае. Как известно, это самое начало миссионерского движения европейцев на территории Китая. Им было необходимо подобрать слово, которое бы имело значение греха для христианского человека. Можно сделать предположение, что именно это слово было подобрано как самое подходящее. Несмотря на то, что оно уже встречалось в древнекитайских источниках, после массового использования как обозначения греха христиан его значение в сознании китайского народа было изменено.

Таким образом, вещественная коннотация этого слова представляет не только древнекитайскую ментальность, но и более новую, которая появилась под влиянием христианства в Китае. Это и стало причиной, почему сочетаемость показывает вещественную коннотацию, которая схожа с христианским мифологическим сознанием.

После анализа была выявлена следующая вещественная коннотация:

1. **Деньги.** Это драгоценный предмет. Так как его взыскивают, гонятся за ним, выкупают. Его вес может уменьшаться. Особенно сочетание 赎罪恶 shú zuì'è с глаголом "выкупить" гораздо лучше показывает связь с чем-то драгоценным: "赎 shú" показывает на важность предмета и напрямую показывает его связь с деньгами, так как процесс выкупа может происходить только с помощью "赎金 shújīn" «деньги для выкупа», что еще раз показывает на ценность зла.

2. **Грязь.** От него очищаются, его смывают, вытряхивают. Как и в прошлом случае, вещественная коннотация «грязь» также проявляется через очищение от зла.

3. **Сорняк.** Его можно выкосить, выдрать с корнем, но оно все равно способно быстро расплодиться.

4. **Судебное помещение.** При анализе очень часто встречается выражение 罪恶之中 zuì'è zhī zhōng. Также выражение "войти в зло" показывает на то, что зло может быть пространством, а именно помещением. С помощью выделенной сочетаемости можно проследить весь судебный процесс. Показаны как сторона обвинения, так и сторона защиты. Его объявляют, затем обвиняют, разоблачают, его критикуют. Затем его обжалуют, либо наступает покаяние. Присяжные обследуют дело зла и делают вывод.

Также важно отметить представление зла как живого духа, который находится возле нас и подстрекает людей к плохим поступкам. Это подтверждают следующие выражения:

- "空气满是罪恶" - «зло витает в воздухе»;
- "罪恶充斥在。。。里" - «(какое-то пространство) наполнено злом»..

После проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы. По происхождению сема "恶" связана с процессом ритуала погребения и внутренними чувствами человека,

на что сильнее повлияло народное представление о "злых духах", нежели влияние философских течений. Конечно, важно отметить влияние политической системы правления с помощью легизма в обществе с конфуцианским мышлением, где зло выражалось как исходный компонент, составляющий человека, который важно подавить при воспитании для стабильности общества. Если говорить о связях с другими понятиями, важно выделить смерть – связь с потусторонним миром – и уродство – представление о злом человеке как уродливом человеке, то есть демоне.

Если говорить о современном китайском языке, то надо выделить две лексемы: 邪恶 xié'è и 罪恶 zuì'è. Первая, 邪恶 xié'è, показывает связь со злом как с чем-то еретическим, неправильным, не соответствующим моральным представлениям китайского менталитета. Оно имеет множество вещественных коннотаций, но самыми ярко выраженными из них являются «враг» или «тиран», и это согласуется с тем, что мы обнаружили в вещественных коннотациях для понятия «добро». Кроме того, есть менее выраженные вещественные коннотации, такие как болезнь, грязь, сорняк, яд. Все они показывают на то, что являлось злом для обычного народа. Это еще раз показывает важность представления о зле в народе.

Вторая лексема, 罪恶 zuì'è, изначально обозначало зло преступления, но после начала миссионерского движения в Китае оно часто стало использоваться для представления христианского "греха" в своем использовании, что также проявляется и в вещественной коннотации, где четко показаны такие явления, как «откупиться от греха». Конечно, связь зла с деньгами присутствует и в китайской культуре. Но также важно отметить, что в современном китайском языке эта лексема воплощает в себе как китайское представление, так и христианское. Помимо того, в вещественной коннотации проявляется и процесс суда над грешниками, что тоже является результатом христианского мифологического сознания. А также присутствует представление о грязи и сорняке, что является, как и в первом случае, народным представлением о зле. В конце хочется отметить, что семантический комплекс 邪恶 xié'è может играть как пассивную, так и активную роль по отношению к человеку, что связано с возможностью влияния злого духа на дела людей. А семантический комплекс 罪恶 zuì'è может играть только пассивную роль по отношению к человеку, где человек старается от нее избавиться.

Итак, подведем итоги. Понятие "зло" в русском языке выступает антонимом понятия "добро", а также носит обиходный характер. Оно также подвержено овеществлению и одушевлению: представляется в виде растения или персонифицируется как воинствующее начало, по отношению к которому человек проявляет активность и враждебность.

Термин "mal" во французском языке имеет древние религиозные корни, обозначая моральное понятие, соотносимое с представлениями о дьяволе. Однако в современном языке его более поздние значения, такие как "боль" или "болезнь", вышли на первый план, и первое употребление в моральном контексте становится все менее частотным. Образный ряд, ассоциируемый с этим понятием, связан с идеей "низа" или "подземного начала": источника, растения, хтонического существа. Человек призван бороться со злом, но такие контексты носят скорее философско-религиозный характер и не являются частью обиходного языка. Понятия добра и зла утратили статус базовых этических ориентиров для носителей современного сознания франкоговорящих этносов.

Корни китайского понятия "恶" (è) связаны с древними представлениями людей о мире, где зло соотносится с духами предков. Представления о богах богатства и зла также

берут начало в глубокой древности и сохраняют свое проявление в современности. В представлениях о добре и зле можно наблюдать четкое противопоставление: так, народное восстание противопоставляется тирану-правителю, а защита суверенитета — нападению врага. Ассоциации зла с грязью, болезнями и ядами указывают на его восприятие в повседневной жизни народа. Зло проявлялось и в сельскохозяйственной практике, например, через ассоциацию с сорняками. Поскольку Китай на протяжении всех исторических периодов был аграрным обществом, злом считалось всё, что препятствовало хорошему урожаю.

Кроме того, стоит учитывать влияние христианских представлений на китайский язык в период поздней династии Цин. Христианские концепции греха оказали влияние на китайскую культуру и нашли отражение в современном китайском языке, что добавило новые оттенки к пониманию зла в китайской традиции.

Базовые признаки	Русская ментальность	Французская ментальность	Китайская ментальность
Источник	Кривой, враг, Мара	Плохой, дьявол	Гробница
Актуальные взаимосвязи	То, что хочет причинить вред	То, что мучает	Уродство, ересь, богатство
Образ	Сорняк, холод, мрак	Сорняк, дракон	Враг, тиран, болезнь, грязь, сорняк, яд
Членение	1 термин: зло	1 термин: зло	2 термина: 邪恶, 罪恶
Человек	Активен	Активен	Активен (смыть зло, признавать зло), пассивен (узурпированный злом)
Влияние	Христианство	Христианство	Китайское народное представление, христианство

Библиография

1. Иванов В.В. Близнечные мифы, В: Мифы народов мира: Энциклопедия, М.: 1980. Т. 1. С. 174-176.
2. Кузнецов Б.Г. Эволюция картины мира. М., 1961.
3. Ли Минда. Понятия «Образ» и «Имидж» в русском и китайском языках // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6.
4. Лю Чаоцзе. Общее определение понятия "судьба" в современной китайской и русской лингвокультурах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6-4.
5. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
6. Ма Сянфэй. Понятие "град" в восприятии носителей китайского и русского языков // Вестник КГУ. 2018. № 1.
7. Уемов А.И. Истина и пути ее познания. М., 1985.
8. Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2019.
9. Robert P. Le Petit Robert 1 : Dict. alph. et analogique de la langue fr. / Par Paul Robert ; Réd. dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove.-Nouv. éd. rev., corr. et mise à jour.-Paris : Le Robert, 1992. XXXI, 2171 с.
10. Smith G.E. The evolution of the dragon // Manchester, 1919.
11. 李宛荫. 财神与邪神: 近代江南五通神的双重身份. 湖北社会科学, 2014 2期: 96-99页.

12. 李学勤. 字源. 天津. 天津古籍出版社. 2012. 944页.
13. 刘绪晶. 孟子性善论域内人性论争的再思考——兼论人性善恶与儒家德治及法家法治的关联. 衡水学院学报, 2024, 26期: 79-85页.
14. 刘钊. 亚. 辞书研究, 2023, 2期: 120-124页
15. 王斐. “亚”字初义再讨论 ——以区分“亚”字与“亚”形为前提. 华中学术, 2020, 12期: 191-200页

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

«Понятие «зло», что вполне оправдано, «занимает центральное место в мировоззренческих системах разных культур и народов». «Оно отражает глубинные представления о морали, этике и социальной структуре, формируя важные аспекты культурной идентичности». Стоит признать, что рассмотрение данного понятия в рамках концептологии оправдано, да и режим компаратива разных языковых систем также интересен и актуален. Базовые установки прописаны, ориентир намечен, собственно и сама точка зрения исследователя объективна и точна: например, «настоящее исследование ставит своей целью восполнить этот пробел и предложить комплексный анализ понятия «зло» в трех языковых картинах мира. Мы рассматриваем этимологические и мифологические корни этого понятия, анализируем его лексическую сочетаемость и выявляем вещественные коннотации, опираясь на методологию В. А. Успенского», или «русское слово зло связано с древнерусским прилагательным зълъ, означавшим "дурной, плохой, низкий", зълъ - беда, зло, грех, зълъба - "порок", "грех", "вражда". Этот славянский корень связан с индоевропейским корнем со значением "изгибаться, кривиться, изворачиваться». Таким образом, зло этимологически антонимично также и правде, прямоте, правильности, правоте, ассоциируясь, через кривизну с левизной, левым, незаконным (см. кривой договор, левый заработок и пр.)» и т.д. Материал имеет практический характер, хотя не исключаются и теоретические отсылки. Примеры носят ситуативно-расширительный характер: «в современном русском языке слово зло имеет следующую сочетаемость: причинить, сделать, принести, посеять зло; зло укореняется, дает всходы, корень зла, извести зло с корнем; зло наименьшее, наибольшее, выбрать из двух зол наименьшее зло, великое зло; держать зло на кого-либо; срывать зло на ком-то, носить в себе зло; безусловное, неизбежное, мировое зло...» и т.д. Стиль работы соответствует научному типу, термины / понятия используются в режиме унификации, разночтения не выявлены: «анализ значения слова *le mal* показывает, что во французском языке одним и тем же словом обозначается боль душевная и физическая. Таким образом, душевная боль мыслится достаточно конкретно, что будет проинтерпретировано нами в дальнейшем при рассмотрении лексики, описывающей эмоции. Видно также, что прагматический аспект значения, присутствовавший в слове *le bien*, отсутствует, что, возможно, объясняется универсальностью и древностью этого понятия, выходящего очевидным образом за границы античности и ее идеологии...» и т.д. Текст дробиться на т.н. смысловые блоки, что вполне оправдано, ибо сопоставляются разные языковые системы, да и информационную разверстку мыслей воспринимать таким образом легче. Авторский аналитический комментарий целостен, фактические неточности нивелируются, логика доказательств верифицирована: например, «мы видим, что зло во французском языке одушевляется, способно царить и побеждать и имеет глубокий источник, питающим его земными соками. В описанном образе наблюдается много перекличек с образом дьявола, имя которого, как мы уже писали, имеет тот же корень. Коннотация, связанная

с образом растения, очевидным образом легла в основу метафоры *les fleur du mal*, созданной Бодлером и укоренившейся в языке. Эта коннотация идет в русле известного латинского выражения "*Mala herba cito crescit*"» и т.д. Считаю, что удобны в ряде случаев (например, с китайским языком) т.н. информационно-исторические проекции: «Культовый злой дух проходит через всю диахронию китайской культуры. Можно сделать предположение, что иероглиф 亞 yà имеет связь с данным мифологическим представлением. Соответственно, в китайской культуре связь между дьяволом и злом представляется очевидной. Но также существует менее очевидная связь между уродством и злом. Ранее в нашей статье о понятии мужской красоты давалось определение иероглифу 醜 chǒu (упрощенный иероглиф пишется как 丑 chǒu), имеющему значение "дьявол"» и т.д. Они дают возможность повесомо оценить функционал концепта «ЗЛО», выявить ряд особенностей территориального (этнического) плана. На мой взгляд, в работе смещен крен оценки понятия «ЗЛО» в формат китайского языка, можно было бы выровнять части, соразмерно распределить анализ и выводы (!). Итоги по тексту, на мой взгляд, несколько формальны, их желательно расширить, «усложнить»; также работу необходимо вычитать, устранить неточности: например, «итак, подведем итоги. Зло -- антоним добра, также понятие обиходное. Оно также овеществляется и одушевляется: овеществляется в виде растения, одушевляется в виде воинствующего начала, по отношению к которому человек активен и враждебен...» и т.д. В целом же материал удачно сформирован, он имеет должную научную значимость, вектор сопоставительного порядка выдержан. После правки и вычитки данную статью «Понятие "зло" в русском, французском и китайском языках» можно рекомендовать к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Понятие "зло" в русском, французском и китайском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики структуры концепта «зло» в языковой картине мира носителей трех языков. Настоящее исследование ставит своей целью восполнить этот пробел и предложить комплексный анализ понятия «зло» в трех языковых картинах мира. Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской школы когнитологов являются ценными, так как данный концепт претерпевал некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами.

Кроме того, актуальным является сопоставительный характер исследования.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Исследование выполнено в русле

современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако вводная часть не содержит отсылки к работам предшественников по данной тематике. Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на китайском языках. Считаем, что работы на французском языке по исследуемой проблематике, несомненно, обогатили бы работу. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Однако в тексте статьи присутствуют неточности, опечатки и орфографические погрешности. Так, при наборе слов французским шрифтом упущены надстрочные знаки, являющиеся обязательными по правилам орфографии.

Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Понятие "зло" в русском, французском и китайском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ряшенкова А.А. Создание речевого портрета современного китайского педагога в Интернет-СМИ //

Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71735 EDN: CRNVHM URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71735

Создание речевого портрета современного китайского педагога в Интернет-СМИ

Ряшенкова Александра Александровна

преподаватель; кафедра иностранных языков; Уральский государственный экономический университет
аспирант; кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного;
Уральский государственный педагогический университет

620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Народной Воли, 45, каб. 519

✉ ryashenckova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71735

EDN:

CRNVHM

Дата направления статьи в редакцию:

18-09-2024

Аннотация: Целью исследования является выявление особенностей речи современных китайских учителей. Объектом исследования стал устный материал блогов. Особое внимание уделяется визуальному и аудиальному оформлению видеоматериала: наличие музыки, оформление помещения, стиль одежды блогера, манера речи. Стремление показать собственную рыночную привлекательность на фоне конкурентов, желание стать популярным и иметь собственную аудиторию в Интернете мотивирует блогеров показать авторитет разнообразными способами. Материалом исследования послужили два рекламных ролика курсов английского языка на платформе bilibili. Коронавирусная инфекция подтолкнула китайское правительство и частных педагогов к освоению онлайн платформ для преподавания, среди которых можно назвать видеохостинг bilibili. Пользователи данной платформы имеют возможность не только просматривать видео, но и приобретать видеокурсы на различные темы. В работе используется описательный метод (наблюдение, интерпретация, обобщение). В ходе исследования были использованы программы-анализаторы речи Text-Analyzer и Cathoven, с помощью

которых был определен примерный уровень устного текста шкале CEFR. В результате анализа были выделены основные черты речевого портрета учителя-блогера, а также подчеркнута важность образа в Интернете для привлечения аудитории. Основным вкладом автора является комплексное исследование образа современного педагога в китайской лингвокультуре. Вместе с экономическим бумом и развитием социальных сетей в Китае произошла переоценка традиционных ценностей. Проникновение западной массовой культуры оказало сильное влияние на население, в особенности на молодое поколение, которое в большей степени пользуется сетью Интернет и потребляет развлекательный и образовательный контент. Данное влияние не обошло стороной и современных китайских педагогов. Изучение образа китайского педагога в современных реалиях поможет актуализировать информацию о культуре Китая, ее синтезом с современной массовой культурой и традиционными конфуцианскими ценностями.

Ключевые слова:

лингвоперсонология, речевой портрет, портретирование, речевое портретирование, социальные сети, СМИ, китайский язык, Китай, блог, учитель

«Лингвистическая персонология» как научное направление имеет долгую историю. Термин впервые был введен Нерознаком В. П., который он определил как «область лингвистики, предметом изучения которой является личность в общении» [цит. по 6, с. 7].

Центральными понятиями лингвоперсонологии являются термины «языковая личность», «речевой портрет».

Термин «языковая личность» связан с научной деятельностью лингвиста Ю. Н. Караулова. Термин был им определен, как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов)» [4, с. 245]. Он разделил языковую личность на три уровня: «вербально-семантический», «лингво-когнитивный» и «прагматический» или «мотивационный» [4, с. 238]. Понятие «языковой личности» изучали ученые Караулов Ю. Н., Карасик В. И., Мадалиева Е. В., Кочеткова Т. В. и другие.

Термин «речевой портрет» вошел в науку вместе с монографией Панова М. В., который проанализировал фонетические особенности речи таких исторических личностей, как Петр I, царевич Алексей Петрович, М. В. Ломоносова и других. Панов М. В. также провел черту между коллективным речевым портретом и индивидуальным. [7, с. 418-447]. Речевыми портретами занимались Алышева Ю. С., Асташова О. И., Леорда С. В., Никифорова М. В. и другие.

В настоящее время существует множество классификаций описания речевых портретов. Это могут быть портреты от первого лица и от третьего лица; портреты, написанные по воспоминаниям современников, и портреты по текстам СМИ; портреты детализированные и портреты-очерки [6, с. 84].

Помимо указанных терминов в исследованиях данного научного направления используются термины «речевой имидж», «идиостиль», «идиолект» [6, с. 9]. Многообразие используемых терминов в исследованиях по лингвистической персонологии указывает на отсутствие единого терминологического аппарата, тем самым подчеркивая актуальность

настоящего исследования.

Образование имеет большое значение в культуре Китая. В пример приведем государственные экзамены, которые должны были сдавать перед поступлением на государственную службу. Сам факт сдачи экзамена имел огромный социальный вес: те, кто не смог пройти экзаменационное испытание, возвращались домой и становились уважаемыми членами общества. Подготовка к экзамену позволяла человеку подняться вверх по социальному лифту в независимости от результата сдачи экзамена. Стоит отметить, что к сдаче экзамена допускались только мужчины [\[8, с. 30\]](#).

Самообучение и самообразование насчитывает долгую историю в Китае. В связи со вспышкой коронавирусной инфекции в 2019 г., школьники и студенты были переведены на онлайн обучение. Вместе с этим возросла популярность онлайн сервисов, предоставляющих доступ к онлайн курсам [\[10, с. 96\]](#). Одним из таких сервисов является платформа bilibili, имеющий большую популярность среди китайского населения, так как на данной платформе есть возможность получить доступ к фильмам, сериалам и видео, выкладываемых обычными пользователями. Кроме бесплатных видео, пользователи также имеют возможность приобрести видеокурсы, разбитые на определенное количество уроков. Перед началом курса пользователям предоставляется возможность посмотреть рекламный ролик, который кратко описывает достоинства приобретаемого продукта.

Нами были проанализированы два видеоролика, выложенные блогерами на платформе bilibili.com с целью продать обучающие видеоуроки.

В исследовании были использованы две онлайн программы-анализаторы текстов на китайском. Первая программа Text Analyzer была использована для количественного анализа используемой лексики. Вторая программа — Chinese Text Analyzer/中文文本分析 — была использована нами, чтобы определить примерный уровень текста по системе экзамена HSK. Новый экзамен HSK имеет шесть уровней, дублирующих уровни по системе CEFR. Однако в последние годы китайское Ханьбань провели реформу международного экзамена HSK, расширив его до девяти уровней. Официально был выпущен документ со списком лексических единиц, требуемых для освоения каждого уровня HSK. На данный момент новая система еще не была введена в широкое использование, однако программа Cathoven указывает лексику из недавно добавленных уровней.

Первый видеоролик — «英语零基础直达六级(从头开始学英语)», — записан блогером под псевдонимом Freya [\[16\]](#).

Согласно информации, предоставленных в профиле, Freya получила высший балл по английскому языку на экзаменах в среднюю школу и в вуз. Кроме этого, она имеет степень магистра в устном переводе Уханьского университета, была переводчиком всемирной выставки по экологии, участвовала в Национальном конкурсе дебатов на Кубок Общества иностранных исследований и была ведущим утренних уроков в приложениях 夸克 и 可可英语.

Блогер Freya не называет своего китайского имени, предпочитая псевдоним на западный манер. Такой выбор нельзя назвать случайным. Расширение границ позволили китайцам больше общаться с жителями других стран, изучение иностранных языков открыло возможности для межкультурной коммуникации. Китай — быстроразвивающаяся страна, население которой является активными пользователями сети Интернет. По данным

экспертов, в 2022 количество активных пользователей сети Интернет насчитывало более одного миллиарда людей [3, с. 54]. Современная китайская молодежь подвержена влиянию западной массовой культуры через сеть Интернет. Гедонистическое начало массовой культуры оказало влияние на китайские культурные ценности [1, с. 36; 3, с. 57]. В отличие от традиционно китайского понимания массовой культуры как культуры разных слоев населения, современная китайская массовая культура приобрела западные черты: «товарный характер, нацеленность на развлечение, ее упрощенность и "секулярность"» [11, с. 10].

Имя в Китае подбирают из неограниченного числа иероглифов, сам процесс имеет огромное значение. Подбор имени исходит от значений иероглифов и не ограничен списком уже существующих имен [5, с. 12]. В то же время в Китае распространена практика выбора вторичного имени. На территориях, где билингвизм распространен в большей степени, выбор падает на иностранное имя [5, с. 12], [14, с. 508]. Причины выбора имени зависят от контекста. Специалисты отмечают, что это может быть связано с попыткой принять культуру изучаемого языка. Так, многие студенты, изучающие иностранный язык, выбирают иностранное имя как символ культуры. Кроме этого, многие китайские предприниматели, ведущие бизнес с иностранными партнерами, называют себя именем, родным для иностранца-партнера, вместо родного китайского [5, с. 16]. Выбор вторичного имени — залог успешной коммуникации с иностранными партнерами.

Исследователи отмечают, что некоторые китайцы выбирают либо редкое имя, либо слово, не являющееся именем, но кажущимся китайскому человеку благозвучным, таким образом нарушая межкультурную коммуникацию [14, с. 509].

Примерный уровень текста видео — HSK 6. Наиболее часто используемые лексические единицы — 英语, 我们, 阶段, 学习, 单词, 基础, 故事 («английский язык», «мы», «этап», «учить», «слово», «основа», «история» — перевод наш). Большая часть слов связана с темой видео — английский язык.

Видео снимается в специальном помещении с однотонным фоном. При монтаже задний фон был изменен на тематический школьный: лист бумаги в клетку и стилизованные канцелярские принадлежности, которые могут понадобиться во время учебы в школе (карандаш, линейка, ручка, блокнот, скрепка). Выбор фона можно объяснить тематикой видео — образовательный курс.

Речь блогера Freya имеет высокий темп и характеризуется использованием «мы»-высказываний. Приведем несколько примеров:

接下来, 我们会进入中级阶段的学习 (*«Затем **мы** перейдем на средний уровень обучения»*)

我们会接触到英语短故事 (*«**Мы** познакомимся с короткими текстами на английском языке»*)

同时, 我们的语法武装也会进行升级, 让我们为更长更难句子做好准备 (*«В то же время **наш** грамматический арсенал будет совершенствоваться, чтобы подготовить **нас** к более длинным и сложным предложениям»*)

Таким образом, блогер приближает себя к аудитории, показывает, что она вместе со слушателями курса будет проходить тот же путь обучения английскому языку. Коллективность является одной из ключевых характеристик китайской культуры. Сплоченность в группе, следование ее правилам является залогом успешного функционирования в обществе [9, с. 155].

Кроме этого, блогер использует в речи целые предложения и отдельные слова на английском языке:

Hello everyone! I'm your English teacher Freya! (*«Всем здравствуйте! Я – Ваш учитель по английскому языку Фрейя!»*)

可能一半以上的人都会本能地sayno (*«Вероятно, больше половины из них инстинктивно скажут "нет"»*)

Это можно объяснить желанием показать компетентность и знание английского языка, однако данные выше две фразы появляются только в начале видеоролика.

Второй рекламный ролик посвящен курсу чтения — 英语的平行世界高级阅读课, ведущим которого является Morty老师 [15]. Согласно информации курса, Morty имеет десятилетний стаж преподавания английского языка. Образование Morty не известно, однако потенциальным слушателям сообщается о популярности его предыдущих курсов и мастер-классов. Данный факт должен показать авторитетность фигуры учителя.

Считаем важным отметить выбор имени блогера. Имя Morty, как и выбранный блогером аватар канала, — персонаж популярного мультипликационного сериала «Рик и Морти», транслируемый на американском телеканале Cartoon Network [13]. Мы предполагаем, что популярность данного сериала и его влияние на современную массовую культуру повлияла на выбор имени Morty китайским блогером.

Примерный языковой уровень текста — HSK 6. Наиболее часто используемые лексические единицы — 阅读, 级阅, 我们, 高级, 大家, 单词, 读课 (*«чтение», «уровень чтения», «мы», «продвинутый», «мы все», «слова», «уроки чтения»*). Наиболее часто используемые слова в видео связаны с чтением, которое является темой курса

Видео снято в интерьере, напоминающее небрежно обставленное жилое помещение, напоминающее личный кабинет. Комната выглядит современной, на заднем фоне зрители могут видеть стеллажи с огромным количеством книг. Выбор дизайна помещения можно объяснить желанием приблизиться к аудитории, показать собственную актуальность и состоятельность.

Манера подачи материала расслабленная, но в то же время скорость монолога высокая, на фоне присутствует ненавязчивое музыкальное сопровождение, использование специальных эффектов минимальное. Автор ролика старается приблизить стиль видео к «лайфстайл-блогу», которые особенно популярны на платформе YouTube.

Не только обстановка помещения, но и речь Morty призвана показать «западность»: блогер начинает и заканчивает видео со слов 哈喽 (hālóu) и 拜拜 (báibái), образованные от английских «Hello» и «Bye-bye». В то же время в речи Morty представлены такие традиционные для китайцев морально-этические нормы конфуцианства, как старательность и трудолюбие [12, с. 68]:

着重培养大家的精神战力。培养大家的能力与耐心从而跨过理解更高难度文章的这个坎 (*«Обратите внимание на развитии **духовной силы каждого**. Преодолевая трудности в понимании более сложных текстов, вы **разовьете ваши навыки и терпение**»*)

Важность китайских традиций и культуры подчеркивается не только на личном, но и на государственном уровне [2, с. 201].

На основе анализа мы можем сделать следующие выводы:

- Блогеры выбирают иностранные псевдонимы, таким образом создается впечатление более близкого контакта с англоязычной культурой. Однако и традиционные китайские ценности также представлены в рамках видео.
- Образование блогеров не педагогическое. Зачастую, блогеры имеют опыт в организации мероприятий, связанных с английским языком. Информация об образовании и опыте преподавания исходит от авторов онлайн-курсов, подтверждающие документы не предоставляются.
- Блогеры стараются сблизиться с аудиторией с помощью обстановки помещения и речи.

Таким образом, китайский учитель-блогер является современной личностью, стремящейся заинтересовать свою аудиторию изучать английский язык. Ключевыми чертами речевого портрета являются выбор иностранного псевдонима, использование англицизмов или английских слов в речи, а также высокий темп речи. Манера речи, интерьер съемочного помещения, используемые специальные эффекты при монтаже играют большую роль в имидже современного учителя-блогера.

Библиография

1. Аль-Хуссаини Р. Х. Гедонистические начала современной личности / Р. Х. Аль-Хуссаини // Теория и практика общественного развития. – 2012. № 2. С. 34-37.
2. Завьялова Н. А. Лингвокультурная память Пакистана и Китая как компонент государственной политики в сфере образования / Н. А. Завьялова, А. А. Ряшенкова, Л. Чжаохуэй // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 12-1(72). С. 198-204.
3. Интернет-культура современного Китая: путь к обновленному обществу / Н. А. Завьялова, Ю. Цюйань, Ц. Ян [и др.] // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 10(56). С. 53-59.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Ли Чэньчэнь. Функционирование имени собственного в аспекте билингвизма (на материале русского и китайского языков): дис. ... д. филол. н. Иркутск, 2012. 160 с.
6. Лингвополитическая персонология: методология и коммуникативные портреты политических лидеров / Н. Б. Руженцева, Е. Н. Иванова, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2021. 192 с.
7. Панов М. В. История русского литературного произношения VIII–XIX вв. / М. В. Панов. Москва: Наука, 1990. 453 с.
8. Попов Л. В. История формирования модели высшей школы Китая (первая половина XX в.) / Л. В. Попов // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2016. № 3. С. 29-44.
9. Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. М.: Каро, 2017. 336 с.
10. Цзян Г. Самообразование и самообразовательная деятельность в Китае: история и современность / Г. Цзян // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2020. № 2. С. 88-101.
11. Цуканова В. Е. Феномен массовой культуры в китайской научной литературе / В. Е. Цуканова, Е. А. Цуканов // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 3(31). С. 5-12.
12. Шэнь Ч. Очерк китайской культуры. М.: Шанс, 2020. 319 с.
13. Adult Swim <https://www.adultswim.com/> (дата обращения: 15.09.2024).
14. Li D. C. S. Borrowed identity: Signaling involvement with a Western name / D. C. S. Li //

Journal of Pragmatics. 1997. Vol. 28 Iss. 9. P. 489-513.

15. 英语的平行世界高级阅读课[https://www.bilibili.com/cheese/play/ss1065?](https://www.bilibili.com/cheese/play/ss1065?csource=Detail_relevantclass)

csource=Detail_relevantclass (дата обращения: 15.09.2024).

16. 英语零基础直达六级(从头开始学英语)[https://www.bilibili.com/cheese/play/ss811?](https://www.bilibili.com/cheese/play/ss811?bsource=link_copy)

bsource=link_copy (дата обращения: 15.09.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает речевой портрет, который представляет собой одну из актуальных тем современных лингвистических изысканий. Интерес к речевому портрету современного китайского педагога в Интернет-СМИ обусловлен значением образования и самообразования в культуре Китая и современной тенденцией к онлайн обучению: «В связи со вспышкой коронавирусной инфекции в 2019 г., школьники и студенты были переведены на онлайн обучение. Вместе с этим возросла популярность онлайн сервисов, предоставляющих доступ к онлайн курсам».

Теоретическую базу исследования составили работы В.П. Нерознака, Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика, Е.В. Мадалиевой, М.В. Панова, Ю.С. Алышевой, О.И. Астаховой и др. авторов фундаментальных трудов по лингвистической персонологии, языковой личности, речевому портрету. Обзор теоретических источников и научных направлений позволил автору(ам) сделать вывод о том, что «многообразие используемых терминов в исследованиях по лингвистической персонологии указывает на отсутствие единого терминологического аппарата» и тем самым еще раз подчеркнуть актуальность своей работы.

В ходе исследования были проанализированы видеоролики, выложенные учителями-блогерами на платформе bilibili.com, где можно получить бесплатный доступ к фильмам, сериалам и видео, а также приобрести видеокурсы, перед началом которых «пользователям предоставляется возможность посмотреть рекламный ролик, который кратко описывает достоинства приобретаемого продукта». Здесь вполне уместно используются инновационные онлайн программы-анализаторы текстов на китайском: Text Analyzer — для количественного анализа используемой лексики и Chinese Text Analyzer — для определения примерного уровня текста по системе стандартизированного квалификационного экзамена по китайскому языку Hanyu Shuiping Kaoshi.

На основе проведенного анализа сделаны выводы о том, что «ключевыми чертами речевого портрета являются выбор иностранного псевдонима, использование англицизмов или английских слов в речи, а также высокий темп речи. Манера речи, интерьер съемочного помещения, используемые специальные эффекты при монтаже играют большую роль в имидже современного китайского учителя-блогера».

Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания: «Лингвистическая персонология как научное направление имеет долгую историю», «Термин 'речевой портрет' вошел в науку вместе с монографией Панова М.В.», «Это можно объяснить желанием показать компетентность и знание английского языка».

Работа самостоятельная, оригинальная, представляет авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях речевого портрета современного педагога в других лингвокультурах. Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых научные труды как на русском (12 источников), так и на иностранных (английском и китайском) языках.

Теоретическая значимость исследования связана с анализом и систематизацией терминологической базы лингвистической персонологии как «научного направления лингвистики, предметом изучения которой является личность в общении», определением ключевых черт речевого портрета современного китайского педагога в Интернет-СМИ. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в курсах по лингвоперсонологии, когнитивной лингвистики, теории и практики когнитивно-дискурсивного анализа, по теории языковой личности и теории дискурса.

Статья будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Глазкова М.М., Иконникова Я.В. Особенности художественного времени в романах М. А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71684 EDN: CWQLQM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71684

Особенности художественного времени в романах М. А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам»

Глазкова Марина Михайловна

ORCID: 0000-0003-0518-9896

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Русский язык и общеобразовательные дисциплины", Тамбовский государственный технический университет

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 106

✉ rusfilol37@mail.ru

Иконникова Яна Владимировна

ORCID: 0000-0001-9170-8546

кандидат филологических наук

старший преподаватель; кафедра "Русский язык и общеобразовательные дисциплины"; Тамбовский государственный технический университет

392012, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 106

✉ janakareva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71684

EDN:

CWQLQM

Дата направления статьи в редакцию:

11-09-2024

Аннотация: Предметом исследования в статье являются особенности художественного

времени в романах М.А. Кузмина. Объектом исследования являются романы М. А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам». Цель исследования заключается в обнаружении специфических черт времени как параметра хронотопа в художественном пространстве романов М.А. Кузмина. Авторы статьи обозначают спектр задач: определить смысл термина хронотоп, его функции, роль категории «художественное время» в бинарной структуре хронотопа; проанализировать романы М.А. Кузмина с точки зрения следования литературным традициям и новаторства в аспекте субъективности/объективности восприятия времени героями, временных способов представления событий и их соотносённости, включения видов времени в канву романов. Методологический инструментарий составили культурно-исторический метод, использованный в рамках хронотопического подхода, позволивший осуществить диахронный анализ романов М.А. Кузмина; структурно-описательный и описательно-функциональный методы, направленные на исследование произведений с точки зрения структуры и функций объекта. Новизна исследования заключается в использовании хронотопического подхода в анализе произведений Кузмина с условием вычленения категории времени, той концептуальной категории, которая декодирует авторскую модель мира, осуществляет взаимосвязь произведения и объективного мира. Такой принцип темпоральности в исследовании романов М.А. Кузмина обнажил сюжетное время, субъективное восприятие времени персонажами, авторское время, выявляющее концепцию писателя, а также аспектуальные и субъективно-модальные свойства, формирующие идиостиль писателя. Результаты исследования могут быть использованы на дисциплинах гуманитарного цикла в школах, учебных заведениях средне-специального образования, в вузах. В итоге авторы статьи пришли к следующим выводам. М.А. Кузмин следует литературным традициям в отношении понимания смысла художественного хронотопа и его функций, выделения времени как ведущего начала в структуре хронотопа, в воплощении разных форм времени. Новаторство писателя представлено включением быстрой смены событий, эффектом недоговорённости (умолчания), введением инверсий в хронологию, использованием нескольких форм времени, субъективностью повествования, созданием нового образа героя.

Ключевые слова:

хронотоп, время, жанр, способы повествования, инверсии, концепция человека, авантурное время, бытовое время, историческое время, субъективность

Категория «художественное время» как структурная составляющая хронотопа находится в фокусе внимания исследователей на протяжении нескольких десятков лет. Введённый М.М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1937-38 г.), этот термин означал «взаимосвязь временных и пространственных отношений» [\[1, с. 341\]](#), представляя собой бинарную структуру. Характеризующийся дискретностью, многомерностью пространства, неравномерностью и обратимостью течения времени, субъективностью, художественный хронотоп полифункционален: как и художественный образ, он структурирует и организует художественное пространство произведения, обеспечивает его единство, онтологизирует художественные и культурные смыслы, выявляет авторскую концепцию, напрямую зависящую от его модели мира, его мировоззрения, определяет жанр произведения и образ человека в литературе. Пронизывая друг друга, время и пространство сливаются в сюжете, а ведущим началом является время. Параметры хронотопа характеризуются конкретностью, поскольку,

завися от материального мира, приметы времени и пространства образуют осмысленное и конкретное целое. В литературно-художественном хронотопе время, сгущаясь, уплотняясь, становится материальным, пространство вовлекается в движение времени: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [\[1, с. 287\]](#). Хронотопический подход как способ постижения смысла человеческого бытия обуславливает возможность представить одновременно разновременные пласты, что позволяет оценить прошлое сквозь призму настоящего, чтобы определить будущее, стерев случайные черты, обозначить реальные вехи времени.

Каждая эпоха рождает конкретные формы художественного отражения действительности – каждой эпохе соответствует свой хронотоп.

Обозначив время и пространство как «определяющие параметры существования мира и основополагающие формы человеческого опыта» [\[2, с. 43\]](#), А. Я. Гуревич в книге «Средневековые категории культуры» сосредоточил внимание на изменениях в их восприятии в процессе развития человечества. Учёный писал, что «пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами ... воспринимаются и применяются неодинаково» [\[2, с. 43-44\]](#). На динамику характера переживания времени в истории человечества обратил внимание и Д. С. Лихачёв. Учёный писал о том, что «Развитие представлений о времени – одно из самых важных достижений новой литературы» [\[3, с. 212\]](#), отразившей переживание изменчивости мира во времени, «многообразия форм движения и одновременно его единства во всем мире», а также, что, возможно, ещё более важно, стремление «весь мир воспринимать через время и во времени» [\[3, с. 213\]](#). Между тем Г. Г. Шмаков, изучая записные книжки писателя, обратил внимание на мнение Михаила Кузмина о том, что история «входит в наш культурный обиход только в облики изящной беллетристики» [\[4\]](#), создавая свои произведения, Кузмин учитывал перемены в восприятии и оценке истории. Это определило особенности художественного времени в изученных нами его прозаических произведениях. Герои романов Кузмина – люди Нового времени. Они осознанно относятся к процессу движения собственной жизни и в своих воспоминаниях стараются фиксировать временные вехи происходившего.

Роман «Приключения Эме Лебефа» открывается рассуждением героя о странности поведения m-me Томбель, которая оказалась в саду в среду в два часа после обеда, тогда как по обыкновению в этот день недели она не выходила из дома до вечера. Итак, герой фиксирует нарушение временного ритма течения её жизни. Он сообщает, что впервые вблизи увидел Луизу де Томбель через три недели после её приезда в город. Это, отмечает он, происходит в первых числах сентября. Жизнь с Луизой в отеле в Париже, по его подсчетам, длилась несколько месяцев. В конце первого он неожиданно для себя получил из рук дворецкого жалование от графа, вскоре сделался «почти настоящим слугою, ссорясь и играя в карты с соседними лакеями ...» [\[5, с. 335\]](#) и, наконец, после того, как «не спал три ночи подряд» и решил проверить верность своей возлюбленной, похитив ключ от её спальни и устроив ей сцену ревности, покинул отель графа. Около месяца будет длиться его игра в одного из кузенов синьорины Паски («Так, – вспоминает Эме, – мы прожили с месяц, деля по-братски доходы...» [\[5, с. 345\]](#)). Однако чаще всего границы этапов своей жизни Эме обозначает с помощью не определенной даты, а наречия «однажды».

Сэр Джон Фирфакс еще более точен в обозначении хронологии событий. Возможно, это связано с ориентацией М. А. Кузмина на жанр путешествия: в относящихся к нему произведениях, как правило, указываются даты начала и завершения странствий. Так, «Хождение за три моря Афанасия Никитина», включенное в летопись под 1475 годом [6, с. 349], открывается обозначением даты записи, в «год 6983» (1475). И далее автор записки, предваряющей текст «хождения», сообщает, что получил записи в том же году, а в Индии тверской купец Афанасий пробыл четыре года [6, с. 349]. Подсчитывает срок своего путешествия и герой Н. М. Карамзина. «Письма русского путешественника» открываются записью даты расставания героя с друзьями (18 мая 1789» [7, с. 5]) и завершаются замечаниями, что они представляют собой «зеркало» его души в течение восемнадцати месяцев [7, с. 388]. Хотя вначале он подчеркнул, что не склонен неукоснительно следовать точности. Ведь путешественник – не учёный «в Шпанском парике». «А кто в описании путешествий ищет одних статистических и географических сведений, – добавляет он, – тому, вместо сих Писем, советую читать Бишингову Географию» [7, с. 393]. Для Жюль Верна, напротив, точность датировки путешествия героев – важный художественный принцип. Писатель следовал ему не только в «Вокруг света за восемьдесят дней», где срок пребывания Филеаса Фогга был определен с пунктуальностью до минут и являлся условием пари, но и каждом из его романов о путешествиях. Находившийся на необитаемом острове Робинзон Крузо вёл дневник, в котором указывал точную дату случившегося с ним. Первого октября он, обнаружив, что корабль, на котором он плыл, сняло с мели и приливом прибило ближе к берегу, впервые решил отправиться на него. В последующие дни (он отмечает, что это было с первого по двадцать четвертое октября) записывает, что был занят перевозкой с корабля всего необходимого. Двадцать пятого октября из-за проливного дождя все, что осталось от корабля, было разрушено, а Робинзону пришлось укрывать и защищать всё спасенное им добро. Прощаясь с островом, герой Дефо указывает точную дату своего отплытия (19 декабря 1686 года) и сообщает, что пробыл на нем двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней [8, с. 276].

Джон Фирфакс, герой М. А. Кузмина, как и другие путешественники, не только называет точную дату своего отъезда из дома (3 марта 1689 года) и своего возвращения (13 сентября 1691 года), но и высчитывает длительность своих странствий, отметив, что в отсутствии он «пробыл два года, три месяца и десять дней» [5, с. 424]. Осознанность восприятия времени Джоном Фирфаксом проявляется и в том, что он склонен соотносить собственное прошлое с настоящим. Четвертая глава описания его путешествия завершается сравнением героем того, о чем он мечтал, находясь дома в Портсмуте, с его положением в тот период времени, когда он был рабом Сеида. А, находясь на корабле, увозящем его после пережитого в саду Стефании, когда он долго пролежал в горячке, Джон Фирфакс даже пытается осмыслить особенности своего восприятия времени. «И странно, – признается он, – что жизнь в Портсмуте я гораздо лучше помнил, чем Смирну и особенно Константинополь, от пребывания в котором у меня оставались лишь смутные и тревожащие воспоминания» [5, с. 416]. Но и в его записях точная датировка (например, тот факт, что на невольничьем рынке он и Жак пробыли три дня, после чего их купил турок) чаще заменяется тем же «однажды», что и в воспоминаниях Эме Лебефа. Определим роль этого обозначения временной вехи в произведениях.

На субъективность восприятия времени в произведении литературы обращает внимание большинство исследователей. Так, в частности, подчеркнув различие между «естественным», фактическим временем и художественным временем, Д. С. Лихачёв

писал о том, что художественное время – это объект изображения, и оно всегда дается в чьем-то субъективном восприятии: «Оно может "тянуться" и может "бежать". Мгновение может остановиться, а длительный период "промелькнуть". Художественное произведение делает это субъективное восприятие времени одной из форм изображения действительности» [3, с. 215]. Размышляя о сути такой ключевой для нарратологии категории, как «событие», учёный из Германии Маттиас Фрайзе подчёркивает, что «категориальным корнем» для её описания является «время». Он замечает: «...по своим основным качествам время не существует без точки зрения на него, и основным вопросом по отношению к времени тогда должен быть следующий: как, то есть чем воспринимаются точки на временной оси». [9, с. 41]. В связи с тем, что в анализируемых нами произведениях М. А. Кузмина изложение событий дается через призму оценки их самими участниками, время представлено в их субъективном видении. При этом статистически-описательные и динамически-повествовательные фрагменты в передаче различных этапов жизни героев чередуются. Знаком перехода от статики к динамике является, как было отмечено нами, наречие «однажды». На наш взгляд, его значимость в изученных произведениях М. А. Кузмина такая же, как и «вдруг» в романах Ф. М. Достоевского. Определяя его семантику и функции у Достоевского, В. А. Подорога пишет, что «вдруг-время» – это «время, принадлежащее резкому изменению». В качестве главных модусов его проявления он назвал «мгновенное, внезапное и случайное» [10, с. 589]. Так и в произведениях М. А. Кузмина «однажды» является той точкой во времени, когда завершается повествование о том, что стало для героя привычным и однообразным, и совершается переход к неожиданному и в значительной степени случайному.

Пребывание Эме Лебефа в качестве слуги-любовника в отеле, снятом графом для Луизы де Томбель, описано как промежуток времени, длившийся неопределенное время. Глаголы в форме прошедшего времени несовершенного вида, встречающиеся в этом описании, указывают на многократную повторяемость действий, совершавшихся в течение нескольких месяцев. «Разъезжались, – вспоминает Эме о немногочисленных посетителях госпожи де Томбель, – рано. Сама она выезжала только за покупками днём и изредка раза три-четыре в месяц в оперу. Чаше других бывал у нас старый граф де Шефревиль, единственный, который бывал один в разное время и которого допускали в спальню госпожи» [5, с. 336].

Описание этой повторяющейся череды занятий прерывается сообщением о событии, случившемся «однажды»: Эме послали с письмами к графу и герцогу де Сосье. Нескольким минутам, проведенным Эме «на деревянном ларе в большой темноватой передней» герцога, уделено больше внимания, чем нескольким месяцам его обитания в отеле. Он подробно описывает незнакомца, с которым повстречался там: его внешность и его слова [5, с. 336]. А дальше в подробностях воссоздает события последнего дня в отеле, когда он сначала делал вид, что ищет ключ, который был спрятан в его кармане, потом устроил скандал из-за неверности ему Луизы де Томбель и, наконец, покинул навсегда свою неверную возлюбленную. Следующая глава целиком посвящена описанию событий ночи на мосту, где Эме повстречал Франсуа и его приятелей, и комнаты Колеты, куда они его привели. Таким образом, «однажды», следующее после описания неподвижного из-за отсутствия событий длительного отрезка времени, становится знаком перехода к новому этапу судьбы героя, а также к значимым для него встречам. В данном случае – его знакомству с сыном герцога Франсуа.

Седьмая глава второй части «Приключений Эме Лебефа» открывается предложением, в

котором длительный отрезок времени описан как один день, поскольку в нем сообщается о поведении Франсуа, ставшем регулярным после женитьбы князя: он «был скучен, перестал пить, стал еще благочестивее, чем прежде, часто лежал на кровати...» [5, с. 340]. Все резко меняет включение в описание очередного «однажды», после чего следует подробное воссоздание обстоятельств разговора Франсуа и Эме, из которого герой узнал, о чем думал все это время его приятель и на что он решился. И далее статически-описательные фрагменты в истории приключений героя произведения сменяются динамически-повествовательными, а границей между ними является включение в воспоминания очередного «однажды», которое в произведении встречается семь раз. Его нет в заключительной части романа, насыщенной динамикой, сменяющимися друг друга событиями, которые являются значимыми для героя. Чаще всего все важные для героя события происходят в вечернее или ночное время.

Первая глава представляет Эме Лебефа, выступающего под именем мастера Амброзиуса, в дворцовом саду. В ней подробно описан один вечер в его жизни. Из главы становится ясно, какое место занимает Эме в жизни принцессы, как ему удастся давать верные советы герцогу (он подслушивает разговор служанок). Из того, что Эме пользуется подслушиванием, следует, что для него управление временем (а его разговор с принцессой посвящен эликсиру молодости) – это игра, дающая ему возможность сохранять значительное положение при дворе герцога. Вторая глава непосредственно продолжает содержание предыдущей: Эме, узнав из разговора прислуги со скотного двора, что первым в роду правителей всегда был мальчик, сообщает герцогу Эрнесту Иоганну о том, что у него родится сын. Беседа происходит вечером, поскольку из окна видно бледное вечернее небо. Третья глава представляет сцену беседы Эме с герцогиней Елизаветой Беатрисой, суть которой заключается в требовании мнимого Амброзиуса занять в политической игре сторону герцогини, а не принцессы. От герцогини Эме выходит, когда часы бьют одиннадцать часов ночи. Четвертая глава содержит описание свидания Эме с принцессой, внезапно прерывающегося сообщением о рождении у герцога наследника – событию, укрепляющем веру в силу Эме-Амброзиуса как астролога. Поэтому указание на свет реальных звезд на небе во время свидания с принцессой приобретает метафорическое значение: звезды символизируют успех героя при дворе. Влюбленный в Эме брат герцога восклицает, обращаясь к Эме: «Мейстер, мейстер, вот ваше предсказание исполнилось, ваша звезда восходит, ваш путь светел и лучезарен...» [5, с. 355]. Однако позже обнаруживается, что положение героя при дворе герцога не так уж прочно и зависит от множества случайностей, в том числе от соперничества принца Филиппа и принцессы, влюбленных в него, и политических интриг, в стороне от которых герой не может оставаться. Правда, герой, скучающий в Германии «по привольной жизни в Италии» [5, с. 357], не особенно серьезно тревожится по этому поводу. В седьмой главе появляется новое лицо – «весёлая камерфрау Берта фон Либкозенфельд с огромными «коровьими голубыми глазами», увлечение которой, скорее всего (роман обрывается обращенными к Эме словами Берты «Поверьте, что я...» [5, с. 359]), определит новый виток судьбы героя. Наполненность четвертой части «Приключения Эме Лебефа» резко сменяющимися событиями позволяет сделать вывод о преобладании в этой части произведения динамически-повествовательного плана.

Это, в свою очередь, дает основания обнаружить различия между теми жанрами, на которые ориентировался М. А. Кузмин, и его собственными произведениями. В комментариях к «Приключениям Эме Лебефа» А. В. Лавров и Р. Д. Тименчик приводят оценку произведения Валерием Брюсовым, опубликованную в седьмом номере «Весов»

за 1907 год. Давая оценку идиостилю «Приключений Эме Лебефа» Кузмина, В. Я. Брюсов называет произведение «отрывками старофранцузского романа середины XVIII в.», говоря об отсутствии в последних «быстрых переходов от одного события к другому», отмечая отклонение Кузмина от погружения в утомительные подробные описания и введение им приёма умолчания, тем самым предоставив волю воображению читателя. Брюсов акцентирует внимание на субъективности повествования М.А. Кузмина: «... конечно, тем, что автор усвоил самую манеру говорить и мыслить рассказчика XVIII в., он гораздо интимнее вводит своего читателя в изображаемый век, чем мог бы достичь этого разными внешними описаниями». Брюсов подчёркивает преимущество идиостиля Кузмина: «Читая "Приключения Эме Лебефа", мы словно умело выбираем глазами из несколько растянутой повести Лесажа или аббата Прево отдельные и притом наиболее существенные страницы» [\[5, с. 552 - 553\]](#). Замечания Валерия Брюсова важны, поскольку выражают восприятие стилизации «старофранцузского романа» художником той же эпохи, к которой принадлежал и автор романа. В. Я. Брюсов называет признаки следования М. А. Кузминым стилю воссоздаваемой эпохи и стилю повествования (от лица участника событий) и одновременно обозначает приметы новизны манеры автора «Приключений Эме Лебефа», которые, подчеркнем, касаются особенностей художественного времени в произведении. Если авторы XVIII века «имели обыкновение вести свое повествование последовательно, почти день за днем», то Кузмин – быстро переходит от одного события к другому; если в романах XVIII века все «расставлено по своим местам», то М. А. Кузмин позволяет себе недоговаривать что-то, активизируя тем самым воображение читателя и его способность улавливать подтекст.

В «Путешествии сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» также сосуществуют статически-описательный и динамически-повествовательный планы передачи событий. И так же, как в «Приключениях Эме Лебефа», знаком перехода между ними является наречие «однажды». Так, в частности, повествуя о своем пребывании в Дамаске (а сама по себе жизнь в городе, где Жак и Джон, «водворившись» в «полутемной узкой лавке», «заторговали на первых порах не особенно успешно», не содержала каких бы то ни было выдающихся событий), Джон Фирфакс рассказывает о приключениях, связанных с влюбившейся в него госпожой Нозой. Вначале сообщается об отрезке времени неопределенной длительности, в течение которого к ним в лавку «редко кто заглядывал» [\[5, с. 417\]](#). Подобное существование продолжалось до того момента, как их «стала очень часто посещать какая-то полная женщина, скромного вида, все торговавшая самые дорогие ковры» [\[5, с. 417\]](#). Поначалу её появление в их лавке не изменило статичности образа жизни Джона Фирфакса и его приятеля Жака. Поворотным пунктом стало появление вместе с этой женщиной дамы, закутанной в покрывало. Та приобрела товар, который Эме должен был отнести к ней в дом. В отличие от предшествующего длительного и бессобытийного отрезка времени, этот вечер описывается в произведении подробно. Сначала Джона подвергли испытанию в скромности и молчаливости в женской купальне, затем – в покоях хозяйки. Далее в изложении событий вновь следует период, в течение которого ничего не меняется. Все это время герой делал вид, будто не понимает, чего от него ожидает госпожа Ноза, притворялся целомудренным и глуповатым. Наконец, они с Жаком составили план действий, который, как признается Джон, должен был «невинно» развлечь их [\[5, с. 418\]](#). Вечер сеанса магии, разыгранного приятелями, описан подробно, как и ночь после свадьбы и последовавшее за разоблачением утро.

Итак, герои считают нужным подробно остановиться на каких-то собственных действиях или же поступках других людей, которые вносят перемены в порядок ставших для них

привычными и однообразными занятий. Статика описаний сменяется динамичным повествованием. Как правило, сигналом перехода к динамике является «однажды», которое в «Приключениях Эме Лебефа» встречается семь раз, а в «Путешествии сэра Джона Фирфакса...» – одиннадцать.

В изложении событий главными героями доминирует линейная последовательность. Но автор использует и случаи её нарушения. В «Приключениях Эме Лебефа» инверсия проявляется дважды. Так, герой сначала рассказывает о приезде Луизы де Томбель, о своих занятиях, о том, что мадмуазель Бланш – его «вероятная невеста». И только в конце второй главы первой части сообщает о том, что он – приёмный сын в семье. Последняя девятая глава второй части романа заканчивается сообщением героя о том, что он и Франсуа в поисках счастья покинули Париж и направились в Италию, но о приезде молодых людей в полном безденежном положении читатель узнаёт лишь из первой главы третьей части романа, несмотря на то что обнаружение Франсуа похищения не той шкатулки произошло еще в Париже. Оба случая инверсии в романе «Приключения Эме Лебефа» связаны с желанием автора сократить повествование, сосредоточив внимание на ключевых точках в судьбе героя.

В «Путешествии сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» функция инверсии иная. Мы имеем в виду нарушение последовательности в изложении событий, начавшихся в Родеце и завершившихся в Марселе. Сначала герой сам рассказывает об увлечении m-lle Жакелиной, ради которой убил ни в чем не повинного г-на де Базанкура, после чего был вынужден нарушить свой план путешествия и отправиться в Геную без денег, отданных им мнимым родителям возлюбленной. А затем Жак рассказывает Джону историю, «крайне» того удивившую. Оказывается, Джон стал жертвой мошенников, которые вовсе не были родственниками и воспользовались его наивностью и влюбленностью, чтобы избавиться от г-на Базанкура, а деньги «преспокойно прикарманили». И само по себе скорейшее отплытие из Марселя, на котором настаивал Жак, было связано не с опасностью преследования дуэлянта, а с «собственными шулерскими проделками» Жака, «за которые ему грозила неминуемая тюрьма» [5, с. 403]. В данном случае инверсия усиливает занимательность событий, заостряет неожиданность финала. Так же, как и перспекция в конце шестой главы. Её цель – усилить интерес к последующим событиям, подчеркнуть важность того, о чем собирается поведать герой, который записывает: «...в это время случилось одно событие, приковавшее меня крепко к Стамбулу и толкнувшее меня впоследствии к дальнейшим скитаньям» [5, с. 411]. И следующую часть своей истории полностью посвящает рассказу о таинственной и трагической истории увлечения «прекрасной гречанкой» Стефанией. За исключением указанных случаев нарушения последовательности изложения событий, повествование в том и другом произведении разворачивается линейным образом.

Вводя в круг литературоведческих понятий категорию «хронотоп», М. М. Бахтин решал вопрос о том, в какой степени пути трансформирования реального времени и реального пространства определяются жанровой моделью произведения. Он выделил такие типы романа: «роман странствований, роман испытания героя, роман биографический (автобиографический), роман воспитания» [11, с. 199]. Однако при этом счёл необходимым подчеркнуть, что «ни одна конкретная историческая разновидность не выдерживает принципа в чистом виде» [11, с. 199]. Поскольку в произведениях М. А. Кузмина герои все время передвигаются в пространстве, их жизнь разворачивается как «чередование различных контрастных положений: удачи – неудачи, счастья – несчастья,

победы – поражения и т. п.» [\[11, с. 200\]](#), а мир в них предстает как «пространственная смежность различий и контрастов», их следует отнести к романам «странствований». Именно эта разновидность романа, по словам М. М. Бахтина, зародившись в античной литературе (Петроний, Апулей), позже была реализована в европейском плутовском романе («Ласарильо с берегов Тормеса»), авантюрно-плутовском романе Дефо, приключенческом романе Смоллетта и так далее. И в то же время мы не можем говорить об абсолютном соответствии «Приключений Эме Лебефа» и «Путешествия сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» одной из названных М. М. Бахтиным жанровых моделей.

Характеризуя «роман странствований», М. М. Бахтин писал, что его герой – это «движущаяся в пространстве точка, лишенная существенных характеристик и не находящаяся сама по себе в центре художественного внимания романиста». И пояснял: «Его движение в пространстве – странствования и отчасти приключения-авантюры (преимущественно испытательного типа) позволяют художнику развернуть и показать пространственное и социально-статическое многообразие мира (страны, города, культуры, национальности, различные социальные группы и специфические условия их жизни)» [\[11, с. 199\]](#). Однако в романах М. А. Кузмина, на наш взгляд, именно герой представляет собой центр повествования. Не страны, города, социальное многообразие занимают его внимание, а те события-приключения, которые требуют от него проявления каких-то его собственных качеств – решительности, предприимчивости, артистичности, верности, способности любить и так далее. Поэтому в значительной мере «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» включают в себя признаки «романа испытания». Его специфика в том, что «арена борьбы и испытания героя; события, приключения – пробный камень для героя. Герой дан всегда как готовый и неизменный. Все качества его даны с самого начала и на протяжении романа лишь проверяются и испытываются» [\[11, с. 201\]](#). Для этой разновидности романа «характерно соединение авантюристичности с проблемностью и психологией». Хотя, как уточнил М. М. Бахтин, «и здесь испытание совершается с точки зрения готового и догматически принятого идеала» [\[11, с. 202\]](#). Это последнее замечание даёт основания судить об особенностях произведений М. А. Кузмина. Эме Лебеф и Джон Фирфакс не имеют подобного «готового» идеала. Поэтому они, в отличие от тех произведений, о которых писал М. М. Бахтин, вынуждены были самостоятельно искать его. Им нечего было «догматически» усваивать, поскольку в историях о них отсутствует идея предрешенности событий. Герои «Приключений Эме Лебефа» и «Путешествия сэра Джона Фирфакса...» вынуждены были сами формировать представление о жизненных ценностях.

И в романе «странствований», и в романе «испытаний» ведущую роль играет авантюрное время. Главной его особенностью является то, что «это время исключительных, необычных событий, и события эти определяются случаем и также характеризуются случайной одновременностью и случайной разновременностью» [\[1, с. 372\]](#). В них также могут присутствовать элементы сказочного времени. Поскольку эти романы, хотя они и строятся в хронологической последовательности и ведутся от лица героя, изображают «только исключительные, совершенно необычные моменты человеческой жизни, очень кратковременные по сравнению с долгим жизненным целым» [\[1, с. 372\]](#), в них М. М. Бахтин не видел смысла говорить о признаках биографического времени. В дальнейшем эта особенность в наибольшей степени проявится в плутовском романе, поскольку в нем сделан акцент на главных вехах приспособления героя к среде и превращения его в мошенника.

Сообщив о том, что он родился на мельнице, Ласарильо из Тормеса сразу переходит к повествованию о том, что случилось, когда ему было восемь лет. Жиль Блас после краткой истории своих родителей и дяди- каноника переходит к рассказу о том, как приютивший его «с самого младенчества» дядюшка развивал его умственные способности. Первым событием, о котором сообщают оба, оказывается то, что они покидают дом, где росли. Правда, цели их при этом различны: Ласарильо пытался выжить, а Жиль Блас, которого дядя надеялся «вывести... в люди» [\[12, с. 20\]](#), был охвачен «желанием постранствовать» и семнадцатилетним юношей отправился на учебу в Саламанский университет. Но оба так или иначе вынуждены были приспосабливаться к законам большого мира, в который они вступают. «Композиция романа, – пишет И. А. Шалудько, характеризуя хронотоп произведений, героем которых является пикаро, – подчинена идее последовательного и неотвратимого формирования литературного типажа плута <...>; а временное пространство произведения организовано по законам биологического времени жизни индивида» [\[13, с. 104\]](#). В результате время детства героя, когда он развивается, тоже развернуто. Когда же развитие прекращается, сужается и повествовательное время.

Это не относится к произведениям русской литературы, которые возникли на почве усвоения традиций европейского плутовского романа. Фрол Скобеев и Мартона из «Пригожей поварихи, или Похождений развратной женщины» М. Д. Чулкова вводятся в произведение уже взрослыми. Фрол Скобеев служит в суде ябедой, а девятнадцатилетняя Мартона в тот момент, с которого она начинает свое жизнеописание, уже является вдовой сержанта. Возможно, это связано с тем, что история нравственного формирования героя «Повести о Фроле Скобееве», посвященной описанию лишь одной его авантюры, направленной на завоевание прочного социального и материального положения путем женитьбы на дочери родовитого боярина, мало занимала её автора, как и читателя. Отнюдь не происхождение и воспитание оставшейся без поддержки после гибели на войне мужа Мартоны стали главной причиной её авантюры.

В произведениях М. А. Кузмина, о которых идет речь, детству героев также почти не уделяется внимания. Читатель узнает, что Эме воспитали чужие люди, а Джона Фирфакса после смерти родителей – его родной дядя. Повествование начинается в тот момент, когда они уже являются взрослыми людьми и способны сделать сознательный выбор своего будущего. Эме в восемнадцать лет избирает любовь, а Джон в девятнадцать – свободу странствий. То, что герои вводятся в произведение уже сформировавшимися, вызвано, на наш взгляд, тем, что их поступки и характеры не обусловлены не только особенностью их воспитания, но и влиянием на них среды. Напротив, Эме представляет образ жизни людей, приютивших его, однако ограниченный и бессодержательный («весь день ... сидеть в тёмной лавке, ничего не видеть, никуда не ездить...» [\[5, с. 333\]](#)), но вполне благополучным. И Джон, хотя и мечтал о том, чтобы увидеть Новый Свет, Австралию, Италию, делает оговорку о заботливой опеке дяди. Герои Кузмина – герои нового времени: детерминантом их конфликта с миром служит неудовлетворённость героев обыденностью, что является совершенно нетипичным для этого романа. Они с легкостью меняют свое спокойное, но скучное существование на то, что содержит, возможно, трудности и лишения, но одновременно представляет больше возможностей для приключений, непредвиденных встреч. А самое главное для героев – открытие и утверждение собственных способностей и формирование понимания большого мира.

Это не исключает присутствия в романах М. А. Кузмина и бытового времени. Так, о хронотопе дома, в котором был воспитан Эме Лебеф, можно говорить, как идиллическом.

Одним из основных его признаков является, по словам М. М. Бахтина, «строгая ограниченность ...только основными немногочисленными реальностями жизни». «Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты – вот эти основные реальности идиллической жизни», – пояснял он [\[1, с. 473\]](#). И хотя он писал, что «идиллия не знает быта» [\[1, с. 473\]](#), это означает, что сами по себе обитатели идиллии не осознают, что быт представляет собой содержание их жизни. Но, с внешней по отношению к идиллическому миру точки зрения, время в идиллии ограничено бытом. Бытовым является восприятие времени и обитателями Портсмута, исчисляющими его обыденными событиями. Вот что узнал Джон Фирфакс о Портсмуте в те два года, пока он отсутствовал дома: «Умер год тому назад мистер Фай, оставив меня наследником, была очень холодная зима, приезжали комедианты из Лондона, разбился недалеко французский корабль, Кэти Пэдж вскоре после свадьбы исчезла неизвестно куда...» [\[5, с. 424\]](#). Итак, время заполнено исключительно явлениями быта. Сравним с запиской, открывающей средневековое «Хождение за три моря Афанасия Никитина»: «Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне – за год до Казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил» [\[6, с. 349\]](#). Для средневекового автора значимым и заслуживающим внимания читателя является только то, что относится к истории, а потому и в этом памятнике временные вехи обозначаются в их тесной связи с историческими событиями. Для обитателей идиллического пространства, напротив, вехами течения времени являются случаи из их частной жизни, те, которые характерны для бытовой стороны жизни.

Наиболее сложным является вопрос о наличии исторического времени как в тех жанрах, на которые ориентировался М. А. Кузмин, создавая свои произведения, так и непосредственно в самих этих произведениях. Характеризуя художественное время в «романе испытания», М. М. Бахтин писал о соединении признаков авантюрного и сказочного времени, а также о «безразличии» этого романа к историческому времени [\[11, с. 204\]](#). «Между героем и миром, – заметил учёный, – нет подлинного взаимодействия: мир не способен изменить героя, он его только испытывает, и герой не воздействует на мир, не меняет его лица; выдерживая испытания, устраняя своих врагов и т. п., герой оставляет в мире все на своих местах, он не меняет социального лица мира, не перестраивает его, да и не претендует на это» [\[11, с. 205\]](#). Последнее вполне может быть применено к «Приключениям Эме Лебефа», в заключительной части которых герой встречается с бледным юношей, который развивает перед ним «утопические мечты о равенстве, свободе, братстве, грядущих будто бы великих событиях, мировом потрясении, новом потопе...» [\[5, с. 358\]](#) и к словам которого Эме остается безразличным. Историческое время и в самом деле не затрагивает его интересов. Однако это не означает отсутствия его в произведении. «Время, – пишет О. А. Яковлева, – проявляется не только в обычаях и вкусах персонажей. Есть и более непосредственные пути временной привязки событий. Например, в качестве эпизодического персонажа может выступать историческое лицо или может содержаться указание на историческое событие» [\[14, с. 119-120\]](#). Подобно роману М. Д. Чулкова, в котором началом превращения героини в «развратную женщину» становится гибель её мужа в сражении под Полтавой. Итак, авторы представляют происходящее с их героями, в отличие от них самих, в историческом контексте. Определим его функции.

Как правило, в классическом плутовском романе повествование открывается своеобразным «прологом»: герой признается в желании поведать о своем жизненном

пути. «Рассудил я за благо, – начинает Ласарильо с Тормеса описание своих «невзгод и злоключений», – чтобы столь необычные и, пожалуй, неслыханные и невиданные происшествия стали известны многим и не были сокрыты в гробнице забвения...» [\[15, с. 206\]](#). Жиль Блас, обращаясь к читателю из своего «настоящего», излагает ему притчу о двух приятелях, один из которых, прочитав надпись на камне, указывавшую на то, что под ним «заключена душа» некоего Педро Гарсиаса, расхохотался и пустился дальше в путь, а второй решил покопаться в земле под камнем и в результате нашел там кошель с деньгами. И читателю рекомендуется прочесть записи героя «со вниманием» [\[12, с. 17\]](#). Таким образом, в самом начале плутовских романов содержится установка на субъективность повествования, а тем самым и той картины мира, которая развернется перед глазами читателей. Кроме того, ясно, что о событиях будет сообщаться через призму их видения будущего героя-рассказчика, а тем самым актуализируется значимость временных отношений в произведении, делается акцент на характере видения героем в своем настоящем того, что с ним происходило раньше, каким он был тогда. Я. Ф. Аскин писал о смысле подобного сосуществования двух временных пластов в произведении следующее: «Становится возможным видеть вещи в их развитии, выявить тенденции этого развития» [\[16, с. 72\]](#). Подобным прологом дается установка на воспитательный характер жизнеописания героя, который собирается признаться в истоках своих поступков и предостеречь читателя от совершенных им ошибок.

В прологе же называются имена мыслителей, ставших частью истории. Ласарильо ссылается на Плиния и Тулия (замечания Плиния относительно того, что «нет книги, как бы плоха она ни была, в которой не нашлось чего-либо хорошего» и Тулия о «писательстве» как нелегком занятии, достойном вознаграждения [\[15, с. 206\]](#)). Жиль Блас – на Горация, говорившего о соединении полезного с приятным [\[12, с. 17\]](#). Безусловно, включение этих имен не преследует цели представить похождения героев как часть истории. Их «истории» остаются повествованием о приключениях частного характера. Здесь проявилась литературная традиция подкреплять значимость собственного сочинения (оправдать свое писательство) ссылкой на авторитеты, а также стремление авторов обосновать правомерность в художественном произведении не только полезного, но и занимательного.

В определенной степени усвоением М. А. Кузминым этой литературной традиции является упоминание Джоном Фирфаксом сочинений Вергилия и Сенеки в первой главе его воспоминаний. Однако смысл включения их имён, как представляется, у Кузмина не ограничивается литературным этикетом или же формулировкой представлений о задачах художественного произведения, как в тех европейских романах, о которых шла речь выше. Когда Джон Фирфакс покидает дом, где он вырос, он бросает взгляд на стол, «где лежал раскрытый Сенека» [\[5, с. 398\]](#). Когда он возвращается, его «встречает» та же книга. Ему кажется, что все в доме по-прежнему, но только «раскрытая страница Сенеки» кажется ему перевернутой, «неся другое, более утешительное изречение» [\[5, с. 424\]](#). Итак, среди изречений Сенеки он ищет советы, как поступить в дальнейшем, а это значит, что он осознает, что приобщен к той же жизни, о которой писал мыслитель.

Луций Анний Сенека прожил долгую жизнь с 4 года до нашей эры до 65 года нашей эры. Менялось его положение по отношению к власти – он бывал в ссылке, но был и приближен ко двору, когда исполнял обязанности воспитателя Нерона. Изменялась тематика и тональность его сочинений. Однако всегда в центре его внимания были нравственные нормы и проблемы содержания жизни человека. Главную цель человеческого существования он видел в созерцании величия мира. Судя по его

обращенному к Паулину трактату «О скоротечности жизни», он считал, что только жизнь мудреца, который «не заключён в пределах того же земного срока, что прочие смертные», и «все века служат ему, как богу», длится долго. «Проходит какое-то время, – пишет Сенека, – он сохраняет его в своем воспоминании; какое-то время настает: он его использует; какое-то должно настать: он заранее предвосхищает его. И вот это соединение всех времён в одно и делает его жизнь долгой» [\[17, с. 59-60\]](#). «Так вырвись же наконец из людского водоворота, дражайший Паулин, – призывает он в XVIII части своего послания, – возвратись в тихую гавань: тебя и так носило по волнам дольше, чем это подобало бы твоему возрасту. Вспомни, сколько раз тебя застигала в море непогода; сколько домашних гроз пришлось тебе выдержать, сколько общественных бурь ты сам вызвал на себя. Поверь мне, в многочисленных трудах, заботах и тревогах ты вполне доказал уже свою добродетель; пора испытать, чего она стоит на досуге...» [\[17, с. 62\]](#). По мысли Сенеки, созерцание вечности – это не менее важная деятельность, чем участие в делах общества. И весь его трактат строится на оппозиции: «прожить в мире – пробывать на земле».

Думается, что путь, который прошел Джон Фирфакс, находится в соответствии с советами, которые он почерпнул из сочинений Сенеки. Тем самым в «Путешествии сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» частная жизнь отдельного человека оценивается в её неперменной связи с общечеловеческой; единичное включается во всеобщее существование, оценивается как его составляющая и в пространстве, и во времени. Несмотря на то, что пространство событий жизни героя ограничено лишь бытовой сферой, автору оно представляется как часть истории человечества. И то нежелание Эме Лебефа поддержать готовящийся политический переворот, о котором шла речь выше, можно связать не только с ограниченностью его интересов пространством быта.

Человек эпохи политических потрясений (назовем здесь хотя бы первую русскую революцию), М. А. Кузмин, как и его герой, мог сомневаться в возможности освободить мир от тирании с помощью насилия и, как и его герой, возразить будущему революционеру, что предрассудки, приличия и чувства самого человека являются не менее опасными тиранами, чем правители. Таким образом, историческое время присутствует в произведениях М. А. Кузмина, хотя жизнь его героев не связана непосредственно с политическими, социальными, идейными движениями и переворотами.

Отмеченное нами включение событий жизни героев романов М. А. Кузмина в общечеловеческий план, как и обусловленность происходящего с ними не борьбой за существование, а поисками содержания жизни, позволяет судить о наличии в произведениях того, что можно обозначить как определяющее развитие хронотопа человека, становящегося одной из форм художественного освоения новых граней действительности. Хронотоп мира при этом оказывается тем фоном, на котором формируется и от которого отталкивается нарождающееся новое знание автора о мире и человеке. Подобная трансформация является одним из свойств переходных эпох.

Категория «переходность» имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемым нами романам Кузмина, созданным в эпоху Серебряного века, что выразилось, в частности, в воплощенной в них концепции человека. Герои М. Кузмина даже в самые опасные моменты в своих странствиях не представляют себя игрушками в руках судьбы. Напротив, они берут инициативу в свои руки. Их передвижения в пространстве обретают смысл. Если мир и сохраняет признаки статичности (меняются только страны, в которых оказываются герои, но не образ жизни их обитателей, которые везде одинаковы и

подчиняются одним и тем же устремлениям), то образы героев М. А. Кузмина, черпающих «идеалы и силы» не «в собственной внутренней субъективности, пришедшей» в «серьезное столкновение с объективными силами бытия» [\[18\]](#), но в коллективных ценностях, приобретают черты динамичности.

Опираясь на положения учёных относительно художественного времени и художественного пространства, которые в ряде случаев рассматриваются в их взаимообусловленности и определяются как хронотоп, ведущий атрибут художественной системы произведения (Л. М. Цилевич), жанрообразующий фактор (М. М. Бахтин), а также на положения ученых, разрабатывающих теорию времени и пространства в литературе, было изучено место этих категорий в художественном мире «Приключений Эме Лебефа» и «Путешествия сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» М. А. Кузмина, определив художественное время ведущим параметром в реализации функций хронотопа.

Жанровой природой романов М. А. Кузмина обусловлено преобладание в них авантюрного времени. В то же время в них очевидны также признаки бытового (преимущественно идиллического) времени, что даёт возможность полнее раскрыть образ среды. Эме Лебеф и сэр Джон Фирфакс не проявляют интереса к истории. Однако сам автор включает историческое время в подтекст своих произведений (что дает возможность соотнести судьбу Эме Лебефа накануне событий революции во Франции с судьбами современников М. А. Кузмина, ставших свидетелями политических событий). В результате жизнь его героев предстает как часть общечеловеческой. Принципиально новым для произведений М. А. Кузмина, по сравнению с теми европейскими романами конца XVII – XVIII вв., на жанровые модели которых он ориентировался, является представление бытия героев как реализации ими их собственного выбора. У них нет заранее установленных ориентиров, как нет сознания изначальной заданности строя общественной жизни. Они сами должны выработать для себя жизненные ценностные ориентиры.

Художественное время в романах Кузмина преимущественно имеет линейный характер. При этом отрезки времени, представленные статически- описательно, сменяются отрезками времени, характеризующимися динамикой. Как правило, граница между ними обозначается традиционным для авантюрного времени словом «вдруг».

Также писатель вводит в романы инверсию: путём нарушения хронологической последовательности событий писатель использует художественное время в качестве образного средства, с помощью которого автор фокусирует внимание читателя на важных фабульных узлах романа.

Анализ хронотопа в художественном мире романов Кузмина позволяет увидеть особенности творческого сознания яркого представителя эпохи Серебряного века, чьё творчество нашло отражение в мировом литературном процессе, по достоинству оценить мастерство в использовании хронотопического подхода как способа художественного отражения действительности.

Библиография

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.3. Теория романа (1930–1961 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2012. – 800 с.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
3. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1967. – 372 с.
4. Шмаков Г. Два Калиостро // Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа

Калиостро. – New York, 1982. – С. I–XVI. URL:

https://kuzmin.vpeterburge.ru/article/shmakov_kaliostro.htm (Дата обращения: 07.07.2024)

5. Кузмин М. Избранные произведения / Сост., подготовка текстов, вступит. статья, комментарии А. Лаврова, Р. Тименчика. – Л.: Худож. лит., 1990. – 576 с.
6. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. – СПб: Наука, 1999. – 581 с.
7. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. – 718 с.
8. Дефо Д. Робинзон Крузо: Роман / Пер. с англ. М. Шишмаревой – Новосибирск: Мангазея, 1997. – 464 с.
9. Фрайзе М. Событийность в художественной прозе: типология ее разновидностей и ее отношение к эстетической функции литературы // Событие и событийность: Сб. статей / Под ред. В. Марковича и В. Шмида. – М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 37-57.
10. Подорога В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы в двух томах. – М.: Культурная Революция; Логос, Logos-altera, 2006. – Т. I. – 685 с.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
12. Лесаж А. Р. Похождения Жиль Бласа из Сантльяны / Пер. с фр. Г. Ярхо; Вступ. ст. и примеч. А. Бондарева. – М.: Правда, 1990. – 768 с.
13. Шалудько И. А. Новаторство стилистики пикарески в романе «Жизнь Ласарильо с Тормеса» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 159. – С. 102-108.
14. Яковлева О. А. О жанровых особенностях плутовского романа (на материале романа М.Д. Чулкова «Пригожая повариха») // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2009. – № 2. – С. 119-122.
15. Плутувский роман / Пер. с исп.; Вступ. ст. Н. Томашевского; Примеч. Е. Лысенко и С. Пискуновой. – М.: Правда, 1989. – 672 с.
16. Аскин Я. Ф. Категория будущего и принцип ее воплощения в искусстве // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Отв. ред. Б. Ф. Егоров. – Л.: Наука, 1974. С. 67-73.
17. Сенека Л. А. Философские трактаты / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т. Ю. Бородай. – СПб.: Алетейя, 2001. – 400 с.
18. Косиков Г. К теории романа: роман средневековый и роман Нового времени // Проблемы жанра в литературе средневековья / Литература Средних веков, Ренессанса и Барокко, вып. 1. – М.: Наследие, 1994. – С. 45-87. URL: <http://www.philology.ru/literature3/kosikov-94.htm> (Дата обращения: 12.08.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Категория «художественное время» является основополагающей в структуре литературного текста. Слитность времени и пространства формирует сюжетно-событийный пласт, да и вообще задает вектор динамики художественной модели. Стоит признать, что указанная категория «находится в фокусе внимания исследователей на протяжении нескольких десятков лет», на сегодняшний момент актуальность рассмотрения не потеряна. Считаю, что рецензируемая статья грамотно составлена, основной категориальный аппарат используется весьма умело и профессионально;

привлекает объективность позиции, умение выстроить собственный взгляд на основе «классики». Например, «в литературно-художественном хронотопе время, сгущаясь, уплотняясь, становится материальным, пространство вовлекается в движение времени: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 287]. Хронотопический подход как способ постижения смысла человеческого бытия обуславливает возможность представить одновременно разновременные пласты, что позволяет оценить прошлое сквозь призму настоящего, чтобы определить будущее, стерев случайные черты, обозначить реальные вехи времени». Импонирует, безусловно, конструктивный диалог автора данного труда с исследованиями М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева и т.д. Методы анализа, на мой взгляд, выверены, искажений и фактических неточностей не выявлено. Стилль соотносится с собственно научным типом: например, «На субъективность восприятия времени в произведении литературы обращает внимание большинство исследователей. Так, в частности, подчеркнув различие между «естественным», фактическим временем и художественным временем, Д. С. Лихачёв писал о том, что художественное время – это объект изображения, и оно всегда дается в чем-то субъективном восприятии: «Оно может “тянуться” и может “бежать”. Мгновение может остановиться, а длительный период “промелькнуть”. Художественное произведение делает это субъективное восприятие времени одной из форм изображения действительности», или «в анализируемых нами произведениях М. А. Кузмина изложение событий дается через призму оценки их самими участниками, время представлено в их субъективном видении. При этом статистически-описательные и динамически-повествовательные фрагменты в передаче различных этапов жизни героев чередуются. Знаком перехода от статики к динамике является, как было отмечено нами, наречие «однажды». На наш взгляд, его значимость в изученных произведениях М. А. Кузмина такая же, как и «вдруг» в романах Ф. М. Достоевского. Определяя его семантику и функции у Достоевского, В. А. Подорога пишет, что «вдруг-время» – это «время, принадлежащее резкому изменению». В качестве главных модусов его проявления он назвал «мгновенное, внезапное и случайное» и т.д. Не исключается в работе и литературный контекст, он дополняет исследование, делает его полновесно открытым. Внесение «фактической критики» относительно текста М.А. Кузмина также уместно и правильно: «замечания Валерия Брюсова важны, поскольку выражают восприятие стилизации «старофранцузского романа» художником той же эпохи, к которой принадлежал и автор романа. В. Я. Брюсов называет признаки следования М. А. Кузминым стилю воссоздаваемой эпохи и стилю повествования (от лица участника событий) и одновременно обозначает приметы новизны манеры автора «Приключений Эме Лебефа», которые, подчеркнем, касаются особенностей художественного времени в произведении. Если авторы XVIII века «имели обыкновение вести свое повествование последовательно, почти день за днем», то Кузмин – быстро переходит от одного события к другому; если в романах XVIII века все «расставлено по своим местам», то М. А. Кузмин позволяет себе недоговаривать что-то, активизируя тем самым воображение читателя и его способность улавливать подтекст». Отмечу также, что по ходу работы интенсивно поддерживается автором и логика оценки, следовательно, и анализ получается филологически корректным. Теория удачно сливается с практикой, отсылки к фундаментальным трудам дают возможность вариантом проанализировать «время» в романе М. Кузмина: «их следует отнести к романам «странствований». Именно эта разновидность романа, по словам М. М. Бахтина, зародившись в античной литературе (Петроний, Апулей), позже была реализована в европейском плутовском романе («Ласарильо с берегов Тормеса»), авантюрно-плутовском романе Дефо, приключенческом романе Смоллетта и так далее. И в то же время мы не можем говорить об абсолютном соответствии «Приключений Эме Лебефа» и «Путешествия сэра Джона

Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» одной из названных М. М. Бахтиным жанровых моделей» и т.д. Ссылки и цитации даны в стандартном режиме, правка излишня. Удачны, на мой взгляд, т.н. импульсные «тезисы», они дают возможность поразмышлять вместе с исследователем, а может быть сформировать новую работу, новый научный «обертон»: например, «наиболее сложным является вопрос о наличии исторического времени как в тех жанрах, на которые ориентировался М. А. Кузмин, создавая свои произведения, так и непосредственно в самих этих произведениях...». В целом же цель данной работы достигнута, автор приходит к выводу, что «Художественное время в романах Кузмина преимущественно имеет линейный характер. При этом отрезки времени, представленные статически- описательно, сменяются отрезками времени, характеризующимися динамикой. Как правило, граница между ними обозначается традиционным для авантюрного времени словом «вдруг», «Анализ хронотопа в художественном мире романов Кузмина позволяет увидеть особенности творческого сознания яркого представителя эпохи Серебряного века, чьё творчество нашло отражение в мировом литературном процессе, по достоинству оценить мастерство в использовании хронологического подхода как способа художественного отражения действительности». Список источников объемён, общие требования издания учтены, материал имеет как практический, так и теоретический характер. Рекомендую статью «Особенности художественного времени в романах М.А. Кузмина «Приключения Эме Лебефа» и «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Оксенчук В.Н. Компаративистский анализ баллад В.А. Жуковского, Дж.Г. Байрона и В.М. Гюго // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71595 EDN: CESLNZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71595

Компаративистский анализ баллад В.А. Жуковского, Дж.Г. Байрона и В.М. Гюго

Оксенчук Вера Николаевна

ORCID: 0009-0006-5796-9420

аспирант; факультет Филологии и массмедиа; КГУ им. К. Э. Циолковского

143301, Россия, Московская область, г. Наро-Фоминск, ул. Шибанкова, 18, кв. 7

✉ vera-yakushkina@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71595

EDN:

CESLNZ

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2024

Аннотация: Объектом настоящего исследования являются баллады В.А. Жуковского, Дж. Байрона и В.М. Гюго. Цель работы: провести компаративистский анализ «Людмилы» В.А. Жуковского, «Абидосская невеста» Дж. Байрона и «Невесты литаврщика» В.М. Гюго. Материальную основу исследования составили работы следующих авторов: Р.С. Буурма, Б.М. Гаспаров, З.Н. Бакалова, А.С. Бакалова. В статье рассмотрена роль эпиграфов в балладах; проанализировано, как в балладах В.А. Жуковского, Дж. Байрона и В.М. Гюго отражены фантастические образы; отмечена разница между стихотворными размерами произведений; проанализировано, каким образом в балладах представлены историко-географические и временные маркеры. Баллады Байрона и Гюго также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам. Байрон поставил в центре своих баллад одиночество и мучения героя, а также отражал в них свое негативное отношение к обществу и власти. Гюго, напротив, проповедовал идеалы борьбы и свободы, героического преодоления сложностей. В статье рассматриваются аспекты изучения жанра баллады в отечественном и западноевропейском романтизме. Русская баллада во многом формируется под влиянием фольклорной баллады, как

национальной, так и западноевропейской, и представляет собой неоднородное жанровое образование. Баллады Байрона и Гюго также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам. Байрон поставил в центре своих баллад одиночество и мучения героя, а также отражал в них свое негативное отношение к обществу и власти. Гюго, напротив, проповедовал идеалы борьбы и свободы, героического преодоления сложностей и катастроф, что находило отклик в сердцах многих его современников. Сравнительное рассмотрение поэм «Абидосская невеста» Джорджа Гордона Байрона и «Людмила» Василия Андреевича Жуковского позволяет взглянуть на оба произведения сквозь призму романтической литературы, выявить их отличительные черты и общий контекст эпохи, в котором они были созданы. Главное различие между двумя поэмами заключается в культурных контекстах, в которых развиваются сюжеты. На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что баллады В.М. Гюго, Дж. Байрона и В.А. Жуковского демонстрируют наличие как схожих черт, так и различий.

Ключевые слова:

компаративистский анализ, баллады, эпиграф, фантастический образ, стихотворный размер, призрачный всадник, романтизм, Жуковский, Гюго, Байрон

Примерно в одно и то же историческое время, в начале XIX века, три выдающихся литератора разных культур – Василий Андреевич Жуковский в России, Джордж Гордон Байрон в Англии и Виктор Мари Гюго во Франции – создали свои знаменитые баллады. Баллада Байрона «Абидосская невеста» увидела свет в 1813 году, Жуковский завершил работу над балладой «Людмила» в 1820 году, в то время как Гюго опубликовал «Невесту литаврщика» пять лет спустя, в 1825 году. Все произведения, несмотря на схожесть жанра, отражают уникальные особенности своих социокультурных контекстов, что неминуемо повлияло на тематическую структуру и применение литературных приемов. Эти различия в российском, английском и французском литературном каноне делают сравнительный анализ баллад актуальным и позволяют глубже понять механизмы влияния культурных факторов на литературное творчество. Таким образом, настоящая работа посвящается компаративистскому анализу баллад «Абидосская невеста», «Людмила» и «Невеста литаврщика», которые, будучи написаны в сходный период, представляют собой разнообразие взглядов и художественных техник двух разных культурных традиций. Мы стремимся выявить и проанализировать ключевые различия и сходства в образах, мотивах, структуре и языковых средствах, используемых авторами, что позволит более полно осветить их вклад в развитие жанра баллады.

В контексте романтизма баллады Виктора Гюго окутываются туманным миром гротеска и трагизма, и являются одним из наиболее отчетливых выражений этого литературного направления. Проявляясь в поэтических формах, они представляют собой эпические рассказы о происходящих вокруг событиях, пронизанные глубокими чувствами и эмоциями. Они отличаются от баллады, написанной Жуковским, своеобразной стилизацией и присущей им экспрессивностью.

Прежде всего, представляется необходимым акцентировать внимание на наличии или отсутствии эпиграфов. Так, если мы обратимся к сборнику Виктора Гюго «Оды и баллады», то выяснится, что «История» и «Два острова сопровождаются эпиграфами. В первом случае используется цитата на латинском языке: «*Ferrea vox Vergilius*» (в переводе «Железный голос. Вергилий»), во втором случае авторство не представляется

возможным установить: «Скажи мне, откуда он явился, и я скажу, куда он идет». Схожая ситуация наблюдается в балладе «Невеста литаврщика», которую предваряет следующий эпиграф: «Прекрасна смерть, коль умереть любя», автором которой следует считать французского поэта Депорта.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать, с какой целью в литературных текстах используются эпиграфы. В середине восемнадцатого века Словарь Джонсона определял «эпиграф» просто в качестве «надписи», и лишь только в девятнадцатом веке это слово стало регулярно обозначать отрывок или цитату, напечатанную в начале литературного текста в качестве точки отсчета, руководства по интерпретации, примера, или контрпримера, призванного сориентировать читателя в тексте. Полагаем, что современный эпиграф каким-то образом комментирует произведение, с которого он начинается. Это открывает вопросы о том, какой смысл читатель должен извлечь из эпиграфа и применить к тексту. Само существование эпиграфа поднимает вопросы о традиции, авторитете автора и его намерениях. Можно даже сказать, что он помогает создать структурно литературную ситуацию. Смысл того, что эпиграф говорит о тексте, варьируется от относительно ясного до очень двусмысленного или почти непрозрачного.

В связи с этим особый интерес представляет следующий факт: В.А. Жуковский ни в одной из своих баллад не использует эпиграфы: они отсутствуют в «Людмиле», «Алине и Альсиме», «Ахилле», «Двенадцати спящих девах». Полагаем, что указанный факт позволяет сделать некоторые выводы о балладах двух авторов.

Так, Б.М. Гаспаров в своих работах, анализируя функции эпиграфов, вводит понятие «коммуникативное пространство», посредством которого он обозначает «среду, представляемую с помощью мысли», в рамках которой существует высказывание автора [3, с. 95-97]. Иными словами, согласно мнению исследователя, эпиграф служит созданию или интерпретации определенного сообщения, которое автор намеренно доводит до своего читателя.

Кроме того, Б.М. Гаспаров утверждает, что двумя основными функциями эпиграфа являются следующие: информативная и та, что определяет форму произведения. Первая может включать в себя какие-либо сведения о личности автора, а также сведения о содержании следующего за ней текста. Вторая, соответственно, формирует ожидания читателя, вызывая в нем определенные виды эмоций.

Следовательно, можно утверждать, что В.М. Гюго эпиграфами в своих балладах не пытается сообщить что-либо о своей личности читателю, так как он задает тон будущему произведению. Так, цитируя в начале «Невесты литаврщика» Депорта, автор вступает в диалог со своим читателем, как бы предупреждая его об основной теме произведения. В.А. Жуковский, напротив, отказывается вступать в какой-либо диалог со своим читателем. Однако нельзя рассматривать позицию В.А. Жуковского как нечто с обязательной необходимостью негативное. Так, отсутствие напоминаний о смерти в «Людмиле» создает определенную интригу, и до двадцать четвертого стиха судьба жениха Людмилы неизвестна: «Всё погибло: друга нет» [6, с. 240]. Лишь в этот момент читатель начинает понимать основную тему произведения.

Баллады Гюго и Жуковского можно сравнивать, исходя из их сходства в тематике и структуре. Оба автора избирают жанр баллады для выражения своих литературных идеалов и убеждений. Они обращаются к историческим или легендарным сюжетам, чтобы передать свои мысли и чувства через эмоциональное воздействие на читателя.

Однако, они различаются в подходе к представлению баллады. Если Жуковский в своих балладах старается сохранить традиционные формы балладного стиля, то Гюго ломает эти рамки, стремясь преодолеть старые конвенции и создать новое литературное направление. Его баллады отличаются экспрессивностью, динамичностью и гиперболичностью. Это проявляется в его образах, которые сильно зависят от силы идеи, чувственной разбросанности и многословности.

Произведения Жуковского, напротив, стилизованы под архаичные формы, в которых слились красота и горечь, магия и смерть. Его баллады наполнены страстью и таинственностью. Главными героями его баллад становятся трижды проклятые гордыни, погубленные злобой люди. Жуковский в своих балладах стремится проникнуть в глубину человеческой души, показать ее слабости и силу, ее внутренние противоположности и конфликты.

Баллады Гюго, напротив, стремятся преодолеть все эти жанровые ограничения и охватить все искусство и жизнь. В них Гюго создает реалистические образы, описывает реальные персонажи, которые оказываются в странных, необычных ситуациях. Он гордится тем, что в своих балладах он создает новые формы и оригинальные путешествия между мирами реального и воображаемого, между прошлым и настоящим, между жизнью и смертью.

Проводя сравнение баллады Гюго и Жуковского, можно отметить, что Гюго пишет свои баллады больше для того, чтобы шокировать и поразить, чем для эстетического удовольствия читателей. Он не боится использовать жестокие, шокирующие сюжеты, чтобы подчеркнуть несправедливость мира, человеческую жестокость и трагические моменты.

В то же время, Жуковский настроен более меланхолически и романтично. Через свои баллады он стремится выразить свои глубокие эмоции и переживания, вызванные ощущением одиночества и бессилия перед судьбой. Его баллады проникают в самые темные уголки души, где сливаются жизнь и смерть.

Однако, в то же время, необходимо говорить о том, что оба автора обращаются к похожим сюжетам. В балладе «Невеста литаврщика» В.М. Гюго рассказывает о девушке, которая ждет возвращения своего жениха с войны ^[6]. Ее переживания наполнены тревогой, она молится Святой Бригитте о том, чтобы та спасла ее любимого человека. Девушка слышит, что войско приближается, она слышит звуки литавры и обращается к своим родственницам, требуя их рассказать, видят ли они ее любимого среди приближающихся воинов. В конце баллады девушка видит проходящий мимо нее полк литаврщиков и осознает, что ее жених погиб на войне. Не сумев справиться с горем, девушка умирает: «Она застонала и мертвою наземь упала — литаврщики мимо прошли».

В «Людмиле» В.А. Жуковского имеет место схожий сюжет. Читатель видит Людмилу как юную девушку, столкнувшуюся с внезапной смертью своего жениха. Несмотря на то, что молодые люди уже планировали свою свадьбу, в их жизнь вторгается война. В результате девушка сталкивается с шокирующей реальностью и размышлениями о том, как ей жить дальше. В этом заключается одно из различий, характерное для баллад «Невеста литаврщика» и «Людмила». В первой смерти главной героини следует сразу за осознанием гибели мужа, в то время как у В.А. Жуковского смерть жениха лишь начало дальнейшей фантастической истории. Автор вводит в сюжет сказочные образы, среди которых необходимо отметить призрачного всадника, говорящего голосом жениха Людмилы: «Тихо брякнуло кольцо...Тихим шепотом сказали... (Все в ней жилки

задрожали) То знакомый голос был». Несмотря на то, что сам по себе образ восставшего из мертвых жениха вызывает в читателе чувство страха, полагаем, что В.А. Жуковский делал акцент не столько на женихе, сколько на способе его передвижения – на коне.

И хотя конь отсутствует в «Невесте литаврщика», анализ произведений различных авторов позволяет утверждать, что образ «дьявольского коня» часто присутствует в литературе. Как утверждают А.С. Бакалов и З.Н. Бакалова, Г.А. Бюргер, немецкий поэт, в своей балладе «Ленора» обращается именно к этому образу. Так, в «Леноре», сюжет которой также очень похож на «Невесту литаврщика» и «Людмилу», именно мертвый конь приносит главной героине мертвого возлюбленного и впоследствии становится сопутствующим условием ее гибели [\[21\]](#).

Примечательно, что, создавая художественное пространство произведения, В.А. Жуковский обращается к описанию природы. Так, появление призрачного всадника сопровождается следующим описанием природы: «солнце за горами», «мрачен дол», «мрачен лес», «с гор простерты длинны тени», «месяц тучами закрыт» и так далее. Однако если мы акцентируем внимание на временных маркерах произведения, то они фактически отсутствуют: не представляется возможным установить, события какой эпохи пытается описать автор. Единственные слова, позволяющие условно «привязать» произведение к определенной исторической эпохе: «рать славян», «панцирь».

В отличие от «Невесты литаврщика», в этой балладе нет специфически средневековых элементов, кроме ее формы и атмосферы суеверного ужаса, окутывающего описанные события. Однако она тоже участвует в возвращении к прошлому, к наивным, народным формам и национальным мифам Руси, даже если вневременность произведения не позволяет использовать какой-либо местный колорит.

Представляется необходимым отметить диалогичность баллады В.А. Жуковского, выражающуюся в диалоге Людмилы как с ее матерью, так и с призрачным всадником. Образ матери представляет собой выражение добра, светлого, божественного начала, пытающегося убедить дочь в том, что дальнейшая счастливая жизнь даже в отсутствие любимого возможна.

Призрачный всадник, напротив, является образом тьмы, дьявольского начала, убеждающего Людмилу в том, что жизнь без любимого невозможна. Полагаем, что с помощью баллады В.А. Жуковский стремился продемонстрировать свои религиозные взгляды. Так, автор симпатизирует матери главной героини, которая пытается убедить свою дочь в необходимости принятия реальности такой, какая она есть: непостоянной и подверженной изменениям. Однако Людмила, противопоставляя себя Божественному замыслу, требует смерти. Ее слабость, нежелание взглянуть на положение дел трезво становятся причиной ее будущей смерти. Стихотворный размер «Людмилы» – четырехстопный хорей.

В.М. Гюго уделяет гораздо больше внимания описанию армии и рыцарей. Местный колорит присутствует в гораздо большей степени, чем у В.А. Жуковского. Архаизмы в изобилии: «l'arrière-ban», «les barons» в средневековом смысле «chevaliers», «les preux», «les timbaliers», «pourpoint» и так далее. Что касается стихотворного размера, то в оригинале В.М. Гюго использует октослог, короткий стих средневековой баллады, создающий впечатление простоты. В пятистrophicных строфах смешиваются перекрестные и плоские рифмы. Иными словами, историко-географическая обстановка определена гораздо точнее, чем в «Людмиле».

В.М. Гюго также подчеркивает некоторые черты средневековых нравов, в частности,

важность религиозных обрядов: три строфы посвящены молитвам девушки о возвращении жениха. Это важный элемент для католического и В.М. Гюго того времени: Средневековые рассматривается как время веры и привязанности к католицизму.

И хотя сказочность и фантастика не присутствуют в балладе В.М. Гюго в таком виде как у В.А. Жуковского, зло, тем не менее, появляется через традиционную фигуру «колдуньи-цыганки», предсказывающей смерть литавриста, а также молодой девушки.

За этим следует описание парада армий. Задумка В.М. Гюго заключается в том, что он пытается максимально отложить концовку произведения, в которой рассказывается о жестокой смерти девушки, путем подробного описания различных армейских корпусов в течение четырех строф: пикинеры, бароны, священники, герольды, тамплиеры, лучники, затем литавры. В результате надежды молодой девушки сохраняются до самого последнего момента:

Таким образом, сверхъестественное у В.М. Гюго гораздо более сдержанно, чем у В.А. Жуковского. Смерть девушки можно объяснить естественным образом, даже если предсказание цыганки наводит на мысль о дьявольском вмешательстве. В.М. Гюго гораздо больше внимания уделяет описанию средневековой атмосферы, напоминающей картины трубадуров. Оригинальность баллады заключается еще и в том, что все происходит с точки зрения девушки, без вмешательства стороннего рассказчика, за исключением конца. В балладе нет диалогов, что встречается довольно редко. Девушка говорит на протяжении всего стихотворения, обращаясь либо к своим прошлым действиям, либо к зрелищу, которое предстает перед ее глазами. Смена точки зрения в конце произведения создает разрыв, который делает ее внезапное исчезновение более ощутимым.

Одним из ключевых сходств между «Абидосской невестой» Байрона и «Невестой литавриста» Гюго является их основная тема - любовь. Обе баллады рассказывают о невозможности или трагическом исполнении любви. В «Абидосской невесте» речь идет о трех братьях, которые пытаются завоевать сердце Абидосской невесты, но она отказывается от всех троих, их разборки приводят к ее смерти. В «Невесте литавриста» рассказывается история о молодой девушке Анне, которая влюблена в литавра, но ее отец выдает ее замуж за богатого жениха. Несмотря на свою несчастную судьбу, оба персонажа остаются верными своей любви, их трогательные истории вызывают сочувствие и эмоциональное отклик.

Еще одно сходство между балладами состоит в использовании поэтами стилевых приемов и образов. Оба текста содержат богатый язык, метафоры и символы, которые помогают передать запечатленные в них эмоции и идеи. В «Абидосской невесте» часто встречаются символы воды, света и тени, которые являются ключевыми элементами сюжета. Также здесь присутствует мотив песни, который играет важную роль в развитии сюжета. В «Невесте литавриста» символом любви становится литавра - музыкальный инструмент, который связывает героев и позволяет им сохранить свою связь даже после их разделения.

Однако, несмотря на эти общие черты, «Абидосская невеста» и «Невеста литавриста» также имеют свои особенности и отличия. В первой балладе присутствует элемент фантастики - герои волшебным образом преобразуются в разных животных. В «Невесте литавриста» больше акцентируется внутренний мир героини - мы видим ее чувства, переживания и внутренний конфликт между обязанностью и любовью.

Изначально баллады Гюго имели некоторое сходство с балладами Байрона, особенно в

их структуре и стиле. Оба поэта использовали форму баллады для изображения событий, поражающих своей трагической интенсивностью и глубокой человеческой психологией. Оба поэта также стремились передать свои эмоции и чувства через яркие образы и общественно значимые темы.

Однако, несмотря на эти общие черты, баллады Гюго имели существенные отличия от баллад Байрона. Во-первых, Гюго по-новому подошел к вопросу о герое. Если герои Байрона часто были одиночками, постоянно конфликтующими с обществом, то герои Гюго представляли собой типичных представителей общества, которые сталкивались с внешними обстоятельствами, вынуждая их совершать яркие и драматические поступки.

Кроме того, баллады Гюго отличались экспериментами с формой. Поэт использовал множество приемов, чтобы выразить свои идеи и эмоции. Он использовал необычные рифмы, изменил стандартную структуру баллады, внедрял разнообразные литературные источники, чтобы создать более сложные и глубокие образы.

Еще одним важным отличием баллад Гюго от баллад Байрона является использование философских тем. Гюго был знаком со множеством философских концепций своего времени и в своих балладах часто отражал вопросы существования, свободы и справедливости. Поэт отождествлялся с своими героями и использовал их истории, чтобы выразить свои собственные взгляды на мир.

Баллады Байрона и Гюго также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам. Байрон поставил в центре своих баллад одиночество и мучения героя, а также отражал в них свое негативное отношение к обществу и власти. Гюго, напротив, проповедовал идеалы борьбы и свободы, героического преодоления сложностей и катастроф, что находило отклик в сердцах многих его современников.

Сравнительное рассмотрение поэм «Абидосская невеста» Джорджа Гордона Байрона и «Людмила» Василия Андреевича Жуковского позволяет взглянуть на оба произведения сквозь призму романтической литературы, выявить их отличительные черты и общий контекст эпохи, в котором они были созданы. Главное различие между двумя поэмами заключается в культурных контекстах, в которых развиваются сюжеты. Байроновский Восток наполнен экзотикой и романтизмом, что соответствует интересу романтиков к далеким и неизведанным землям, к загадкам и приключениям. Восток в «Абидосской невесте» выступает не только как фон, но и как активный участник истории, создавая добавочный художественный эффект. «Людмила» Жуковского, напротив, черпает свои вдохновения из русского фольклора и национальной культуры. Жуковский пытается передать дух русской земли, её сказочную составляющую и моральные особенности. Поэма насыщена аллегориями и символами, подчёркивающими сверхъестественное воздействие судьбы на человеческие жизни.

Структурные особенности обеих поэм также различны. Байрон создаёт поэму с чёткой структурой и рифмой, уделяя особое внимание музыкальности стиха, что подчеркивает романтическое настроение произведения. Жуковский, следуя традициям балладного стихосложения, использует более разговорную манеру письма, что делает его поэму немного проще для восприятия и более близкой к устной форме народного творчества. Несмотря на эти различия, обе поэмы имеют много общего. В центре и Байроновской «Абидосской невесты», и Жуковской «Людмилы» находится трагическая любовь. Герои обеих поэм пронизаны страданием и неудовлетворённостью, что служит мощным фактором драмы и чувствительности произведений. Эти чувства отражают философию романтизма, уделяющую большое внимание индивидуальности и эмоциональным

переживаниям.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что баллады В.М. Гюго, Дж. Байрона и В.А. Жуковского демонстрируют наличие как схожих черт, так и различий:

- в отличие от баллад В.А. Жуковского, практически во всех балладах В.М. Гюго присутствуют эпиграфы, которые позволяют не только создать определенный эмоциональный фон произведения, как, например, в «Невесте литаврщика» (Прекрасна смерть, коль умереть любя), но и вступить в диалог с читателем, предварительно рассказав ему часть сюжета;
- в «Людмиле» присутствует фантастический образ «дьявольского коня» (призрачный всадник), который в итоге становится причиной гибели Людмилы. И хотя в «Невесте литаврщика» присутствует образ «колдуньи-цыганки», она не становится причиной смерти главной героини;
- у В.М. Гюго главная героиня умирает сразу после осознания того, что ее возлюбленный не вернулся с войны – так выглядит финал произведения. У В.А. Жуковского смерть возлюбленного является лишь завязкой к дальнейшим фантастическим событиям, итогом которых также становится смерть главной героини;
- В.А. Жуковский создает художественное пространство с помощью описания природы, в то время как В.М. Гюго использует с этой же целью описание амуниции воинов;
- баллады Гюго и Байрона различаются как в форме, так и в содержании. В то время как баллады Байрона являются отражением его индивидуальной борьбы с обществом и властью, баллады Гюго более всего связаны с общественными и философскими проблемами своего времени. Оба поэта внесли вклад в развитие романтизма и оставили неизгладимый след в мировой литературе, но каждый в своем собственном стиле и собственными идеалами;
- баллады Байрона и Гюго также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам. Байрон поставил в центре своих баллад одиночество и мучения героя, а также отражал в них свое негативное отношение к обществу и власти. Гюго, напротив, проповедовал идеалы борьбы и свободы, героического преодоления сложностей и катастроф, что находило отклик в сердцах многих его современников;
- в «Людмиле» практически отсутствуют временные маркеры, в то время как в «Невесте литаврщика» присутствует большое количество историко-географических маркеров.

Библиография

1. Алексеев М.П. Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1975. С. 284.
2. Байрон Дж. Г. Баллады и другие стихотворения. М.: Художественная литература, 2003. С. 350.
3. Байрон Дж. Г. Избранная лирика. Сборник/Составл. А. М. Зверева. М.: Радуга, 2004. С. 768.
4. Бакалова З.Н., Бакалов А.С. Образы Дьявольских коней в мировой литературе// Вестник Удмуртского университета // История и филология, № 30 (3), 2020. С. 483-491.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 352.
6. Давыдов Ю. Н. Баллады Жуковского и европейская романтическая поэзия. М.: Академия, 1997. С. 582.

7. Жуковский В.А. Стихотворения и баллады. М.: Детская литература, 2017. С. 268.
8. Гюго В. Собрание сочинений в 15 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 323-560.
9. Евграфов Н. В. Творчество Байрона. М.: Просвещение, 2005. С. 471.
10. Карцев В. А. Слово и образ в балладах Жуковского. М.: Художественная литература, 2004. С. 397.
11. Кружков Г.М. Из английской поэзии XIX века. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008. С. 688.
12. Лебедев С. В. Баллады Байрона. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 752.
13. Марков Н. П. Творческий мир Жуковского. М.: Логос, 2001. С. 295.
14. Толвет Ф. С. Гюго и романтизм. М.: Иностранная литература, 2003. С. 583.
15. Шустова М. Л. Жуковский-переводчик европейских баллад. М.: Весь мир, 1996. С. 426.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают баллады трех выдающихся литераторов разных культур – Василия Андреевича Жуковского (Россия), Джорджа Гордона Байрона (Англия) и Виктора Мари Гюго (Франция), актуальность изучения которых определяется, по словам автора(ов), тем, что «все произведения, несмотря на схожесть жанра, отражают уникальные особенности своих социокультурных контекстов, что неминуемо повлияло на тематическую структуру и применение литературных приемов. Эти различия в российском, английском и французском литературном каноне делают сравнительный анализ баллад актуальным и позволяют глубже понять механизмы влияния культурных факторов на литературное творчество». Актуальность, в свою очередь, обусловила основную цель исследования: «выявить и проанализировать ключевые различия и сходства в образах, мотивах, структуре и языковых средствах, используемых авторами, что позволит более полно осветить их вклад в развитие жанра баллады».

Методологическую базу исследования составили описательный и историко-культурологический методы, метод системного анализа и ключевой компаративистский анализ: «Сравнительное рассмотрение поэм позволяет взглянуть на произведения сквозь призму романтической литературы, выявить их отличительные черты и общий контекст эпохи, в котором они были созданы».

Теоретической основой исследования выступили труды российских ученых Б.М. Гаспарова, М.П. Алексеева, Ю. Н. Давыдова, Н. В. Евграфова, В. А. Карцева, С. В. Лебедева, Н. П. Маркова, Ф. С. Толвета, М. Л. Шустовой, посвященные проблемам эпохи романтизма, творчеству Байрона, Гюго и Жуковского. Отсутствуют научные работы на английском и французском языке, что достаточно странно при исследовании произведений Байрона и Гюго. Основными источниками эмпирического материала послужили баллада «Абидосская невеста» (1813 г.) Байрона, «Людмила» Жуковского (1820 г.) и «Невеста литаврщика» Гюго (1825 г.).

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) установить схожие черты и различия в их тематике и структуре, в подходе к представлению баллады, в использовании поэтами стилизованных приемов и образов, использование философских тем и пр.: «в отличие от баллад В.А. Жуковского, практически во всех балладах В.М. Гюго присутствуют эпитафии, которые позволяют не

только создать определенный эмоциональный фон произведения..., но и вступить в диалог с читателем, предварительно рассказав ему часть сюжета»; «В.А. Жуковский создает художественное пространство с помощью описания природы, в то время как В.М. Гюго использует с этой же целью описание амуниции воинов»; «баллады Гюго и Байрона различаются как в форме, так и в содержании, ... также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам », «в «Людмиле» практически отсутствуют временные маркеры, в то время как в «Невесте литаврщика» присутствует большое количество историко-географических маркеров». Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Библиография статьи насчитывает 15 русскоязычных работ. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные научные работы: Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996; Алексеев М.П. Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1975. Следует отметить, что автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в научном сообществе.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением жанра баллады. Рецензируемая работа имеет практическую значимость, которая заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвокультурологии, по сопоставительной стилистике русского, английского и французского языков, по теории и практике перевода.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая и понятная. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Рычкова Т.А. Тенденции в развитии новой лексики в русскоязычных текстах 1991-2016 гг. // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71769 EDN: BUKEOU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71769

Тенденции в развитии новой лексики в русскоязычных текстах 1991-2016 гг.

Рычкова Татьяна Александровна

ORCID: 0000-0002-0342-1308

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Филологии, межкультурных коммуникаций и журналистики; Мурманский арктический университет

183038, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, Северный пр-д, 3, кв. 16

✉ rychkovata@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71769

EDN:

BUKEOU

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу динамики лексической системы русского языка в период с 1991 по 2016 г. Для исследования отбирались лексические инновации постсоветского периода с помощью программ автоматической обработки языка. Исследование показало, что в новой лексике после 1991 года преобладают существительные и прилагательные, что указывает на тенденцию к увеличению их употребления. В то же время частота использования других частей речи остается стабильной или снижается. Было выявлено, что больше всего лексических инноваций использовалось при обсуждении тем, связанных с экономикой и финансами. Полученный результат указывает на то, что эта сфера была наиболее значима для россиян в рассматриваемый период. Наконец, исследование выявило, что среди лексических инноваций преобладают слова с пейоративной окраской, отражающие финансовые проблемы и социальные трудности. Для анализа лексических изменений использовался инновационный метод автоматического отбора лексических новообразований,

разработанный в рамках проекта «Автоматическое выявление лексических изменений». Применение данного метода представляет собой значительное усовершенствование по сравнению с традиционными подходами, основанными на ручном поиске. С помощью специально разработанной программы Python был проанализирован файл 1992-2016 гг., состоящий из 70 498 699 слов. Из этого файла были отобраны слова, употреблявшиеся более 1000 раз в постсоветское время и чья частотность употребления возросла на 1000% по сравнению с предыдущим периодом, что позволило выявить новые и наиболее значимые и популярные лексические единицы в жизни страны в рассматриваемый период. На основе данной объемной выборки и машинного подсчета были получены максимально объективные результаты, что позволило не только выявить новые и устаревающие слова, но и отследить общие тенденции использования лексики. Проект такого типа в России реализуется впервые.

Ключевые слова:

неологизм, новые слова, инновации, корпусная лингвистика, лексические изменения, автоматическая обработка текста, русский язык, лексические тенденции, частота словоупотребления, постсоветский

Выявление тенденций в системе языка и процессы пополнения языков новой лексикой находятся в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов (см. обзоры в работах [\[1, с.181-184; 2, с.464-470; 3; 4, с.99-107; 5, с.56-59; 6, с.239-242; 7; 8, с.115-117 и др.\]](#)), что свидетельствует об актуальности и значимости этих явлений в современной науке.

Как показал анализ научных работ по этой теме, для выявления лексических инноваций в зарубежной науке ученые все чаще обращаются к программам для автоматической обработки языка [\[9; 10; 11; 12; 13; 14; 15\]](#). Однако в русскоязычном пространстве авторы используют исключительно традиционные методы для отслеживания тенденций в языке: ручной поиск в разных источниках (например, в материалах российских газет [\[16, с.73-75\]](#), современной поэзии [\[17, с.17-23\]](#), электронных нормативно-правовых базах и базах новостных сайтов [\[18, с.43-57\]](#) и др.), обращение к лексикографическим источникам [\[19, с.137; 20, с.125\]](#) и реже – опросы [\[21, с.42-55\]](#). Следует отметить, что ручной поиск материала имеет значительные недостатки, такие как узость выборки и субъективность отбора, которые могут повлиять на объективность результатов.

В отличие от вышеуказанных методов сбора информации, в нашей работе применяется метод автоматического отбора лексических инноваций в языке. Этот метод был разработан в рамках проекта «Автоматическое выявление лексических изменений», реализуемого в Мурманском арктическом государственном университете. Для данного проекта была создана специальная программа на основе языка программирования Python для обработки больших текстовых файлов. С помощью этой программы были проанализированы текстовые файлы 1700–1916, 1918–1991 и 1992–2016 годы общим объемом 250 миллионов словоупотреблений, полученные от Национального корпуса русского языка. Все слова в исследуемых файлах подсчитывались, их частотность употребления сравнивалась в числах и процентах, что позволило увидеть изменения в частоте употребления слова и с помощью этого выявить новые и устаревающие слова, а также отследить общие тенденции использования лексики на основе масштабного репрезентативного материала. Проект такого типа в России реализуется впервые.

Для исследования, отраженного в данной статье, был проанализирован файл 1992-2016 гг., состоящий из 70 498 699 слов. Из этого файла были отобраны слова, чья частотность употребления возросла на 1000% и более по сравнению с предыдущим периодом 1918-1991 гг. Далее из полученного списка были исключены все слова, содержащие прописные буквы, с целью удаления имен собственных. Из оставшихся слов были отобраны те, которые употреблялись 1000 раз и более. Такой отбор позволил выявить новые и наиболее значимые и популярные лексические единицы в жизни страны в рассматриваемый период. В итоге было отобрано 134 единиц с наибольшим показателем возросшей популярности и наибольшей частотой использования в период 1992-2016 гг (см.приложение 1).

Некоторые из этих слов являются лексическими неологизмами, такие как «интернет», «сетевой» и «форум». Другие единицы существовали ранее в русском языке, но в послесоветский период стали использоваться намного чаще. Например, слово «россиянин» использовалось и в советское время, однако частота его употребления после 1991 года увеличилась на 2242%, что свидетельствует о возросшей значимости этого слова в послесоветской риторике.

Полученные лексические единицы были проанализированы с точки зрения их частеречной принадлежности. В результате было установлено, что среди лексики с возросшей популярностью преобладают существительные - 65% от общего числа. На втором месте находятся прилагательные, доля которых составляет 30%. Остальные части речи представлены в меньшем количестве: глаголы составляют 4%, а наречия — всего 1%. Таким образом, можно сделать вывод о существующей в русском языке тенденции к увеличению употребления существительных и прилагательных, в то время как частота использования других частей речи остается сравнительно стабильной или даже снижается.

Как показало исследование, в тех случаях, когда речь идет о неологизмах, частота использования может резко возрастать у целой группы однокоренных слов. Так, например, все неологизмы словообразовательного гнезда «инвестор – инвестиция - инвестиционный» продемонстрировали увеличение частоты употребления на 46536% и более. В отличие от них, слова, не являющиеся новыми и использовавшиеся и в советский период, такие как «Россия» или «президент», не показали резкого изменения частоты использования. Тем не менее, новые социально-исторические реалии и возросшая потребность в применении этих терминов и их производных способствовали развитию их словообразовательной цепочки и увеличению популярности однокоренных слов, таких как «россиянин», «российский» и «президентский», чья частотность возросла на 1247% и более. Таким образом выявилась следующая тенденция: если слова не новые, то у них с большей вероятностью возрастет популярность использования производного слова, чем производящего.

Полученный список из 134 слов был также проанализирован с точки зрения тематической отнесенности, в результате чего были сформированы несколько тематических групп.

Самая большая тематическая группа относится к экономике, бизнесу и финансам. Она составляет примерно треть от общего количества исследуемых лексем.

Внутри этой группы можно выделить термины, связанные с новыми видами деятельности, такие как «акционер», «инвестиция», «инвестиционный», «инвестор», «предприниматель», «предпринимательский», «предпринимательство», «аналитик»,

«работодатель», «дилер», «экспертный», «маркетинг», «логистический», «управленческий» и «менеджмент». Как видно из представленного списка, большинство из этих слов относится к людям или видам деятельности, связанным с инициативой в бизнес-процессах и общей ответственностью за успех предприятия (например, «предприниматель», «бизнес», «менеджер») или за отдельные его аспекты (например, «акционер», «дилер»). Эти термины характеризуют личность нового времени: предпринимателя, организатора, инициатора и одновременно человека, способного профессионально оценивать риски и прогнозировать будущее («аналитик», «экспертный»).

В эту же тематическую группу можно отнести слова, относящиеся к новым видам финансовой и деловой активности, такие как «розничный», «рыночный», «партнерство», «холдинг», «экспертный», «финансирование», «финансово», «импорт», «лицензия», «квота», «бизнес», «приватизация». Эти термины отражают новые процессы, происходившие в стране в 90-е годы, когда Россия совершила переход от командного типа экономики к рыночному.

Кроме того, к данной тематической группе относятся наименования денежных средств и ресурсов. В первую очередь, это сокращенные обозначения денежных единиц, такие как «млрд», «долл», «евро», «валютный». Появление и возросшая популярность этих лексем свидетельствуют о новых тенденциях в финансовом обороте того времени. Например, увеличение инфляции сделало употребление слова «миллиард» привычным, что привело к развитию словообразовательных цепочек и принятию краткой формы для речевой экономии. Наряду с этим, повсеместное использование иностранной валюты стало новым явлением по сравнению с советским периодом, что способствовало распространению сокращенной формы слов «долл» и росту употребления «евро», «валютный».

Развиваются словообразовательные цепочки и возрастает частотность употребления у слов, имеющих отношение к бюджетам, налогам, банкам, кредитам и другим видам взаимодействия в экономическом поле и бизнесе: «бюджетный», «выплаты», «налоговый/налогообложение/налогоплательщик», «тариф», «банковский», «банкротство», «кредитный/кредитование/кредитор», «конкурентный/конкурентность», «конкурсный», «корпоративный», «инфляция», «задолженность». Значительная доля этих слов характеризует тяжелую финансовую ситуацию 1990х и начала 2000-х с ее гигантской инфляцией, огромными, по сравнению с советским временем, налогами и, как результат, вынужденным общением с банками, кредиторами, проблемами с задолженностями.

Таким образом, можно сделать вывод, что тенденции развития лексики 1991-2006 указывают на то, что область экономики, бизнеса и финансов была самой значимой для россиян в плане преобразований, так как она составляет треть от общего количества выявленных слов. Во-вторых, слова рассмотренной тематической группы, с одной стороны, отражают острую проблему тех лет – финансовую несостоятельность, и одновременно – появление группы людей с лидерскими качествами, умеющими организовывать бизнес и управлять финансовыми процессами.

На втором месте по распространенности находится группа неологизмов, отражающих новые реалии в российской жизни. Сюда входят слова, связанные с новыми средствами коммуникации и интернетом: «компьютерный», «виртуальный», «интернет», «мобильный», «монитор», «сетевой», «сайт», «форум», «факс», «пользователь». К этой же группе можно отнести названия новых профессий или занятий: «разработчик», «спикер», «респондент», «дизайнер» и «дизайн». Кроме того, новыми и популярными понятиями

после 1991 года стали философское понятие «универсалия», новое место работы – «офис», новые научные термины – «геном» и, неожиданно, – «тергит» (спинная склеротизованная часть сегментарного кольца членистоногих). По какой-то причине последнее слово стало очень популярным в постсоветский период и использовалось 1360 раз.

Наблюдаемое значительное увеличение частотности употребления большинства слов (кроме «тергит») в данной группе является вполне ожидаемым явлением. Обозначаемые ими понятия и реалии действительно получили широкое распространение и заняли существенное место в жизни российского общества в рассматриваемый период. Более того, предполагалось, что эта группа будет лидировать по распространенности, однако, как упоминалось выше, темы изменений в финансах и бизнесе оказались намного более популярными, а значит, и значимыми для людей в тот период.

К третьей тематической группе относятся понятия, связанные с новой государственностью Российской Федерации: «федеральный», «региональный», «регион», «муниципальный», «президентский», «россиянин», «мэр», «мэрия», «российский». Увеличение употребления этих слов связано с тем, что в 1991 году Россия стала новым территориально-государственным образованием, что вызвало необходимость в распространении новых терминов для обозначения как целого государства, так и его составных частей.

Примечательно, что особенно сильно возросло употребление слов «регион» и «региональный» — более чем на 7000%. Это, вероятно, свидетельствует о возросшем противопоставлении центра и регионов в постсоветский период. Хотя формально в законодательстве столица и остальные субъекты Российской Федерации не рассматриваются как антагонисты, фактическая ситуация с начала 1990-х годов демонстрирует значительные различия в уровне жизни и возможностях между Москвой и остальной страной, что находило отражение в дискуссиях и текстах, создаваемых в этот период.

Следующая группа наиболее популярных новых слов связана с понятием болезни и излечения. Сюда относятся слова «вирус», «штамм», «гепатит», «инфицировать», «антитела», «сыворотка». Возросшая частота использования этих слов обусловлена появлением новых опасных болезней и огромного беспокойства общества по этому поводу, стремлением обсуждать и искать пути решения и способы лечения этих недугов. Кроме того, увеличение интереса к словам, связанным с болезнью и излечением, может быть обусловлено общим представлением о социуме как о нездоровой конструкции (см. работы [\[22; 23, с.28-32\]](#) о доминантной метафорической модели в СМИ «Россия – больной организм»).

Пятая тематическая группа отражает изменения в политической жизни страны и включает термины «референдум» и «предвыборный». Значительный рост популярности этих слов свидетельствует о важности новых возможностей, открывающихся для граждан в политической сфере, таких как проведение референдумов и выборов, требующих предвыборной подготовки.

Следующая группа слов отражает наиболее острые и обсуждаемые проблемы 1990-х и начала двухтысячных: криминал, войну в Чечне, бедность, увеличение разрыва между богатыми и бедными. В подгруппу «криминал» входят слова «правоохранительный», «правонарушение», «коррупция», «мент», «криминальный», «спецслужба», «коррупция». Эти слова обозначают наболевшие проблемы общества, в том числе остро стоявшую

проблему коррупции, изменившееся по сравнению с советским временем отношение к полиции, выраженное в сниженно-презрительном наименовании «мент» и в целом повышение уровня криминальных событий и правонарушений.

Значительная часть лексики посвящена другой актуальной теме 1990-х годов — войне в Чечне, начавшаяся в декабре 1994 года. Война стала ключевым событием, определившим не только политическую, но и культурную атмосферу страны. Слова «чеченский», «чеченец» и «боевик» стали широко употребляться в связи с вооружённым конфликтом, который привел к значительным человеческим и социальным потерям. Эти события привели к активизации дискуссий о терроризме и этнических конфликтах. Поэтому к этой же группе слов о войне можно отнести слов, связанные с терроризмом, войной в Ираке и общими этническими проблемами: «терроризм», «теракт», «этнический», «иракский» и «исламский». Слова «терроризм» и «теракт» стали ассоциироваться с действиями чеченских боевиков и другими террористическими актами, происходившими в России и за её пределами.

Следующая группа слов отражает полярные стороны благосостояния и неблагополучия в 1990-е годы. С одной стороны, в постсоветский период многие люди оказываются на грани выживания, а с другой стороны, появляются олигархи, у которых появляется возможность пользоваться ранее недоступными предметами роскоши. Проблема бедности и увеличения разрыва между бедными и богатыми отразилась, с одной стороны, в таких словах, как «бомж» и «выживание», а с другой — в терминах «олигарх», «бизнесмен», «джип», «иномарка», «элитный статус», «престижный» и «имидж». Термины «джип» и «иномарка» ассоциировались с роскошью и статусом, отражая стремление части общества к материальному благополучию и престижу. В это время началась активная реклама западных автомобилей, что способствовало внедрению таких слов в повседневный обиход. Понятия «элитный статус», «престижный» и «имидж» также стали важными в контексте новой социальной реальности, где материальные ценности начали играть значительную роль в общественных отношениях.

Следующая группа слов включает темы развлекательного характера. Так, по сравнению с советским периодом сильно возрастает употребление слов «сериал», «шоу» и «секс». Распространение первых двух слов объясняется тем, что период перестройки привел к изменению общественных ценностей и интересов и распространению элементов западной культуры. Западные сериалы и шоу стали доступны через кабельное телевидение и видеопрокат, что способствовало популяризации этих терминов. Увеличение употребления слова «секс» по сравнению с советским временем обусловлено несколькими причинами. Во-первых, период перестройки и последующий переход к рыночной экономике способствовали открытости общества и изменению социальных норм. Политика гласности, провозглашенная Михаилом Горбачёвым, привела к обсуждению ранее табуированных тем, включая сексуальность. Это создало условия для более свободного обсуждения вопросов, связанных с сексом, что отразилось в языке. Во-вторых, с конца 1980-х и в начале 1990-х годов в Россию начали поступать элементы западной культуры, включая фильмы, книги и журналы, которые активно обсуждали сексуальные отношения. Это способствовало внедрению термина «секс» в повседневную речь и увеличению интереса к теме сексуальности. В-третьих, в 1990-е годы началась активная коммерциализация медиа и развлекательной индустрии. Журналы и телевидение начали предлагать контент, связанный с сексуальностью, что сделало тему более доступной и привлекательной для широкой аудитории. Это также способствовало появлению новых форматов программ, посвящённых вопросам секса. Наконец, в условиях экономических реформ и социальной нестабильности многие люди

начали переосмысливать свои ценности и приоритеты. Сексуальность стала рассматриваться как одна из форм самовыражения и личной свободы, что также способствовало её популяризации.

Последняя группа слов отражает общие тенденции в стране и попытки решить накопившиеся проблемы. В эту категорию входят почти все немногочисленные глаголы из нашего списка: «интегрировать», «планироваться», «прогнозировать», «задействовать», а также отглагольные существительные и некоторые прилагательные, такие как «изменение», «реформирование», «модернизация», «инновационный», «оптимизация», «идентификация», «интеграция» и «долгосрочный». Мы также можем отнести сюда слова «страхование», «страховой» и «стабильность». Перечисленные лексемы отражают потребность общества в изменении и улучшении текущей ситуации, а также попытки спрогнозировать и разработать план действий для выхода из сложившейся ситуации. Однако следует отметить, что большинство слов в этой группе имеют расплывчатое и неопределенное содержание, что указывает на отсутствие ясного и четкого плана действий по преодолению кризиса. Более того, как показали прошедшие годы, термины «реформирование», «модернизация» и «оптимизация» часто обозначали действия, приводящие к ухудшению уровня жизни [\[24, с.58-65\]](#). Например, в СМИ называли оптимизацией сокращение количества больниц и школ, отчего указанное слово начало приобретать негативную окраску.

Таким образом, исследование показало, что в лексике с резко возросшей популярностью 1991-2016 гг. наблюдается преобладание существительных и прилагательных, что указывает на тенденцию к увеличению их употребления. В то же время частота использования других частей речи остаётся стабильной или снижается. Исследование также выявило, что неологизмы могут значительно увеличить свою частоту употребления, особенно в контексте новых социально-исторических реалий. Важно отметить, что у устоявшихся слов с большей вероятностью возрастает популярность их производных форм, чем самих корневых слов. Это свидетельствует о динамичном развитии языка и его адаптации к изменяющимся условиям общества. Хотя предполагалось, что больше всего слов будет в группе, обозначающей новые реалии, такие как «интернет», на практике преобладала группа, связанная с экономикой и финансами. Это свидетельствует о том, что данные темы были более важными и значимыми для россиян в рассматриваемый период. Внутри этой группы выделяются термины, связанные с новыми видами деятельности и финансовой активностью, отражающие переход России к рыночной экономике в 1990-е годы. Эти слова характеризуют личность нового времени, такую как предприниматель и аналитик, а также новые процессы в финансовом обороте, включая употребление сокращенных обозначений денежных единиц. Кроме того, наблюдается рост частотности слов, связанных с бюджетами, налогами и банковской деятельностью, что подчеркивает тяжелую финансовую ситуацию того времени. Важно отметить, что слов с пейоративной окраской, отражающих финансовые проблемы, войны и болезни, значительно больше, чем слов с нейтральной или мелиоративной окраской. Это указывает на то, что негативные аспекты жизни в постсоветский период оставили заметный след в языке. Таким образом, исследование демонстрирует тесную связь между языковыми изменениями и социально-экономическими трансформациями в постсоветской России.

Приложение 1

	Частота употребления	Частота употребления	Изменение частоты
--	-------------------------	-------------------------	-------------------

Лексические инновации	в 1917-1990 гг.	в 1991-1916 гг.	словоупотребления в процентах
акционер	94	3433	3552,13%
аналитик	85	1955	2200,00%
антитело	113	2378	2004,42%
банковский	245	3850	1471,43%
банкротство	171	2034	1089,47%
бизнес	344	16164	4598,84%
бизнесмен	166	2851	1617,47%
боевик	238	2880	1110,08%
бомж	31	1433	4522,58%
бюджетный	335	4098	1123,28%
валютный	202	2292	1034,65%
виртуальный	17	1559	9070,59%
вирус	571	9198	1510,86%
вирусный	112	1792	1500,00%
выживание	115	1266	1000,87%
выплата	199	3141	1478,39%
геном	30	1391	4536,67%
гепатит	77	1202	1461,04%
глобальный	314	3698	1077,71%
демографический	69	1453	2005,80%
джип	118	1455	1133,05%
дизайн	20	2070	10250,00%
дизайнер	45	1546	3335,56%
дилер	12	1517	12541,67%
долгосрочный	150	1906	1170,67%
долл	42	3227	7583,33%
евро	4	2146	53550,00%
задействовать	73	1050	1338,36%
задолженность	107	2033	1800,00%
идентификация	62	1012	1532,26%
имидж	14	1295	9150,00%
импорт	119	1806	1417,65%
инвестиционный	7	3930	56042,86%
инвестиция	11	5130	46536,36%
инвестор	1	3580	357900,00%
инновационный	1	1569	156800,00%
иномарка	10	1013	10030,00%
интеграция	125	1715	1272,00%
интегрировать	60	1181	1868,33%
интернет	1	2289	228800,00%
инфицировать	30	1144	3713,33%
инфляция	139	1791	1188,49%
иракский	22	1009	4486,36%
исламский	37	1084	2829,73%
квота	18	1108	6055,56%
компьютерный	128	3219	2414,84%
конквдентный	30	1228	3993.33%

конкурентоспособность	7	1002	14214,29%
конкурсный	89	1103	1139,33%
корпоративный	90	2257	2407,78%
коррупция	96	2115	2103,13%
кредитный	324	3565	1000,31%
кредитование	54	1514	2703,70%
кредитор	138	2089	1413,77%
криминальный	142	1847	1200,70%
лицензия	98	2883	2841,84%
логистический	24	1045	4254,17%
маркетинг	9	1048	11544,44%
масштабный	86	1540	1690,70%
менеджер	82	3485	4150,00%
менеджмент	2	1356	67700,00%
мент	93	1954	2001,08%
млрд	270	8850	3177,78%
мобильный	59	2662	4411,86%
модернизация	118	2710	2196,61%
монитор	81	1034	1176,54%
муниципальный	113	4284	3691,15%
мэр	206	4193	1935,44%
мэрия	83	1294	1459,04%
налоговый	164	6811	4053,05%
налогообложение	13	1452	11069,23%
налогоплательщик	28	1104	3842,86%
нормативный	154	3638	2262,34%
олигарх	19	2499	13052,63%
оптимизация	25	1201	4704,00%
офис	143	3460	2319,58%
партнёрство	14	1110	7828,57%
пенсионный	120	2839	2265,83%
планироваться	187	2489	1231,02%
пользователь	41	3099	7458,54%
правонарушение	131	2100	1503,05%
правоохранительный	39	2115	5323,08%
предвыборный	167	2176	1202,99%
предприниматель	365	4780	1209,59%
предпринимательский	19	1083	5600,00%
предпринимательство	46	1250	2617,39%
президентский	139	3477	2401,44%
престижный	126	1721	1265,87%
приватизация	5	2312	46140,00%
прогнозировать	70	1097	1467,14%
работодатель	53	1420	2579,25%
разработчик	53	1419	2577,36%
регион	217	15843	7200,92%
региональный	104	8181	7766,35%
референт	12	1045	7028,16%

референт	15	1073	7554,84%
референдум	31	2373	7554,84%
реформирование	15	1633	10786,67%
розничный	135	1527	1031,11%
российский	2738	36887	1247,22%
российско	12	1372	11333,33%
россиянин	144	3373	2242,36%
рыночный	269	4389	1531,60%
сайт	6	3825	63650,00%
секс	256	3099	1110,55%
сериал	17	1142	6617,65%
сетевой	24	1011	4112,50%
спецслужба	46	1693	3580,43%
спикер	28	1013	3517,86%
спонсор	49	1277	2506,12%
стабильность	178	2402	1249,44%
статус	376	5718	1420,74%
страхование	216	3226	1393,52%
страховой	309	3406	1002,27%
сыворотка	174	2201	1164,94%
тариф	177	3632	1951,98%
теракт	6	1369	22716,67%
тергит	4	1360	33900,00%
терроризм	75	2407	3109,33%
универсалия	21	1042	4861,90%
управленческий	95	1204	1167,37%
факс	9	1101	12133,33%
федеральный	80	13341	16576,25%
финансирование	122	4644	3706,56%
финансово	56	1069	1808,93%
форум	175	2674	1428,00%
холдинг	2	1590	79400,00%
чеченец	156	1862	1093,59%
чеченский	55	3091	5520,00%
шоу	135	2135	1481,48%
штамм	26	3089	11780,77%
экспертный	66	1542	2236,36%
элитный	64	1124	1656,25%
этнический	165	1981	1100,61%

Библиография

1. Сенько Е. В. Языковое обновление в аспекте философской категории движения // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени КЛ Хетагурова. 2013. № 2. С. 181-184.
2. Коровина О. С., Критский А. В. Теоретические основы изучения неологизмов. Понятие «неологизм» // Научный электронный журнал «Инновации. Наука. Образование. Тольятти». 2021. № 37 (июль). С. 464-470.
3. Гацалова Л. Б. Неология в современной лингвистике [Монография]. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005. 363 с.

4. Лебедева С. В., Ерпилова Е. И. Неологизмы. Сущность проблемы //Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 99-107.
5. Бузунов Н. Н. Критерии отнесения лексической единицы к неологизмам в современном французском языке //Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. ВГ Гака. 2018. С. 56-59.
6. Баймухаметова К. И. Неологизация как один из факторов обновления современного французского языка // Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники. 2021. 177 с. Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Victor-I-Stepanov-2/publication/357377256_K_VOPROSU_GIDROGEOLOGICESKOGO_OBOSNOVANIA_USTROJSTVA_VODOZABOROV_PODZEMNYH_VOD/links/61cb2de5b6b5667157ae5534/K-VOPROSU-GIDROGEOLOGICESKOGO-OBOSNOVANIA-USTROJSTVA-VODOZABOROV-PODZEMNYH-VOD.pdf#page=177 (дата обращения 21.09.2024).
7. Гаврилюк А. С. Неологизмы английского языка как отражение изменений социальных отношений в XXI веке //Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 239-242
8. Ахмедова Ф. И. Неологизмы языка и виды неологизмов //Научный электронный журнал «Матрица научного познания». 2024. № 6. С. 115-117. Режим доступа: <https://os-russia.com/SBORNIKI/MNP-2024-06-1.pdf#page=115> (дата обращения 21.09.2024).
9. Paryzek P. Comparison of selected methods for the retrieval of neologisms // Investigationes Linguisticae, volume XVI. Poznan, 2008. URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/jedrzej79,%7B\\$userGroup%7D,+Piotr_Paryzek_inve16.pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/jedrzej79,%7B$userGroup%7D,+Piotr_Paryzek_inve16.pdf) (дата обращения 21.07.2024). DOI: 10.14746/il.2008.16.14
10. Breen J. Identification of Neologisms in Japanese by Corpus Analysis // Proceedings of eLexicography in the 21st century. Universite catholique de Louvin, 2009. URL: https://www.edrdg.org/~jwb/paperdir/eLex_Breen_Jim2.pdf (дата обращения 21.07.2024). DOI: 11.1109/RoEduNet-RENAM.2014.6955312.
11. Cook C. 2010. Exploiting Linguistic Knowledge to Infer Properties of Neologisms. PhD thesis, University of Toronto, Canada. URL:https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/26140/9/Cook_C_Paul_201011_PhD_thesis.pdf (дата обращения 21.07.2024).
12. Megerdooian K. and Hadjarian A. Mining and Classification of Neologisms in Persian Blogs // Proceedings of the NAACL HLT 2010 Second Workshop on Computational Approaches to Linguistic Creativity. ACL, Los Angeles, CA, 2010. URL: <https://aclanthology.org/W10-0302.pdf> (дата обращения 21.07.2024).
13. Lau J.H., Collier N., and Baldwin T. On-line Trend Analysis with Topic Models: #twitter trends detection topic model online // Proceedings of Coling Mumbai, India, 2012, pages 1519-1534. URL: <https://aclanthology.org/C12-1093.pdf> (дата обращения 21.07.2024).
14. O'Donovan R. and O'Neill M. A Systematic Approach to the Selection of Neologisms for Inclusion in a Large Monlingual Dictionary // Proceedings of the XIII euralex International Congress. Institut Universitari de Linguistica Aplicada, Barcelona, Spain, 2008, pages 571-579. URL: https://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex2008/043_Euralex_2008_Ruth%20O'Donovan_Mary%20O'Neill_A%20Systematic%20Approach%20to%20the%20Selection%20of%20Neologisms%20for%20Inclusion%20in%20a%20Large.pdf (дата обращения 21.07.2024).
15. Sang E. Finding Rising and Falling Words. In Proceedings of the Workshop on Language Technology Resources and Tools for Digital Humanities (LT4DH). Osaka, Japan, the COLING 2016 Organizing Committee, 2016, pages 2-9. URL: <https://aclanthology.org/W16-4002.pdf> (дата обращения 21.07.2024).

16. Церцвадзе М. Г. Лексические новообразования в текстах современной российской прессы // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве : сборник статей Всероссийской конференции с международным участием, Москва, 13 апреля 2023 года. Москва: Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 2023. С. 73-75.
17. Плотникова Л. И., Шкреба О.А. Лексические новообразования в современном женском поэтическом дискурсе // Гуманитарные исследования. 2019. № 1(69). С. 17-23. Режим доступа: [https://humanities.asu.edu.ru/files/1\(69\)/17-23.pdf](https://humanities.asu.edu.ru/files/1(69)/17-23.pdf) (дата обращения 21.09.2024).
18. Зубкова М.А. Санкции как фактор вариативности экономической терминосистемы русского языка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 2 (66). Н. Новгород: НГЛУ, 2024. С. 43-57. URL: Режим доступа: https://vestnik.lunn.ru/docs/journal/66/vestnik_nglu_66.pdf (Accessed 21.07.2024) (дата обращения 21.09.2024).
19. Петрухина Е. В., Дедова О. В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137-159.
20. Коренева А.В., Маляшок Н.О. Проблема устаревания словарей неологизмов на примере анализа современных семантических новообразований русского языка // Молодая наука Заполярья: материалы научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов Социально-гуманитарного института МАГУ: в 2 т., Мурманск, 20–28 апреля 2021 года. Том 1. Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2021. С. 124-129.
21. Fufaeva I. V., Zgirovskaya O. G. Systematic and Functional Aspects of Neologisms Denoting Job Titles in Russian // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2024. T. 23. С. 42-55. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.4> Режим доступа: https://web.archive.org/web/20240506110712id_/https://l.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/2901 (дата обращения 21.09.2024).
22. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Уральский государственный педагогический университет, 2001. Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/5955/1/mon00059.pdf> (дата обращения 21.09.2024).
23. Будаев Э. В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // Аналитика культурологии. 2007. № 9. С. 28-32.
24. Васильев А. Д. Приемы реализации манипулятивной функции в российских СМИ: порождение мифов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. ВП Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 58-65.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию новой лексики в русскоязычных текстах 1991-2016 гг. Актуальность данной работы не вызывает сомнения и обусловлена повышенным интересом научного сообщества к данной проблематике: «выявление тенденций в системе языка и процессы пополнения языков новой лексикой находятся в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов».

Теоретической базой научной работы послужили труды российских и зарубежных

ученых, таких как Е. В. Сенько, Л. Б. Гацалова, С. В. Лебедева, Н. Н. Бузунов, К. И. Баймухаметова, А. С. Гаврилюк, J. Breen, С. Cook и др. Анализ теоретического материала позволил автору(ам) установить, что «в зарубежной науке для выявления лексических инноваций ученые все чаще обращаются к программам для автоматической обработки языка», а «в русскоязычном пространстве используют исключительно традиционные методы для отслеживания тенденций в языке: ручной поиск в разных источниках, обращение к лексикографическим источникам и реже – опросы». Принимая во внимание тот факт, что «ручной поиск материала имеет значительные недостатки, такие как узость выборки и субъективность отбора, которые могут повлиять на объективность результатов», в данной работе применяли метод автоматического отбора лексических инноваций в языке, разработанный в рамках проекта «Автоматическое выявление лексических изменений», реализуемого в Мурманском арктическом государственном университете. Для данного проекта была создана специальная программа на основе языка программирования Python для обработки больших текстовых файлов.

Подробная характеристика методики исследования свидетельствует о его масштабности и системности: «из файла 1992-2016 гг. (70 498 699 словоупотреблений, полученных от Национального корпуса русского языка) были отобраны слова, чья частотность употребления возросла на 1000% и более по сравнению с предыдущим периодом 1918-1991 гг. Далее из полученного списка были исключены все слова, содержащие прописные буквы, с целью удаления имен собственных. Из оставшихся слов были отобраны те, которые употреблялись 1000 раз и более. Такой отбор позволил выявить новые и наиболее значимые и популярные лексические единицы в жизни страны в рассматриваемый период».

В результате проведенного исследования сделаны существенные выводы относительно развития новой лексики в русскоязычных текстах в исследуемый период: «наблюдается преобладание существительных и прилагательных, что указывает на тенденцию к увеличению их употребления», «у устоявшихся слов с большей вероятностью возрастает популярность их производных форм, чем самих корневых слов, что свидетельствует о динамичном развитии языка и его адаптации к изменяющимся условиям общества», «наблюдается рост частотности слов, связанных с бюджетами, налогами и банковской деятельностью, что подчеркивает тяжелую финансовую ситуацию того времени» и т.д.

Стиль изложения статьи соответствует требованиям научного описания, структура статьи четкая, логически выстроенная. Описание каждой тематической группы неологизмов подытоживается автором(ами), что способствует системному восприятию полученных результатов исследования и их сопоставлению с поставленными ранее задачами. В заключение обобщаются сделанные ранее выводы.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшей разработке теории неологии, в выявлении тенденций в развитии новой лексики в современных русскоязычных текстах. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты работы могут быть использованы в вузовских курсах по общему языкознанию, лексикологии и словообразованию русского языка, при составлении словарей новой лексики. Библиография статьи достаточна: 24 источника, среди которых представлены работы как на русском, так и на английском языках.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Волкова А.А. «Религия любви» в поэзии Гурузады Аппарао как просветительская философия // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71618 EDN: BNLRQT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71618

«Религия любви» в поэзии Гурузады Аппарао как просветительская философия

Волкова Анна Андреевна

библиотекарь; Научная библиотека НИ ТГУ

634050, Россия, Томская область, г. Томск, пр-т Ленина, 34а

✉ ann@myttk.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71618

EDN:

BNLRQT

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2024

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи является поэзия индийского просветителя XIX – начала XX века Гурузады Аппарао. В творчестве поэта раскрывается его программа "религии любви", ставшей выражением просветительской философии Гурузады. Выходец из кругов формирующейся под колониальным воздействием индийской интеллигенции, Гурузада Аппарао считал, что в отношениях с колонизаторами – британцами – следует придерживаться "практического патриотизма", предполагавшего действенную помощь народу страны, а не словесные распри. Основой поэзии Гурузады Аппарао становится гражданская лирика, содержащая протест против невежества индийского народа, кастового неравенства, религиозных предрассудков, угнетенного положения индийской женщины. Особое внимание в статье уделено отражению в творчестве поэта деятельности Индийского национального конгресса – ведущей политической организации в стране, критике его методов борьбы за расширение прав индийцев. Методологической основой статьи выступает сравнительно-исторический метод, при помощи которого выделяются конкретно-исторические особенности "религии-любви" Гурузады Аппарао. В результате проведенного исследования автор пришел к

следующим выводам: 1) гражданская лирика Гурузады Аппарао формировалась в условиях колониально-зависимого состояния Индии, следствием которого было существенное ухудшение положения индийского народа. В этой связи в стихах Гурузады прослеживаются просветительские мотивы, призывы к борьбе против невежества народа, против доминирующих в индийском обществе религиозных предрассудков. В результате Гурузада писал произведения, доступные простому народу, с использованием народных выражений, и стал одним из основателей современной литературы телугу. 2) Вместе с тем, Гурузада Аппарао стоял в стороне от ведущих политических сил страны того времени, в частности, от Индийского национального конгресса, считая его деятельность неэффективной, обусловленной стремлением к получению личной власти. 3) "Религия любви", бывшая одним из основных мотивов зрелого творчества поэта, в конце жизни отходит на второй план, уступая место мотивам разочарования и неудоворенности

Ключевые слова:

Гурузада Аппарао, индийская поэзия, поэзия телугу, индийская литература, гражданская лирика, колониализм, просвещение, Британская Индия, Индийский национальный конгресс, патриотизм

Данная статья посвящена исследованию просветительской философии индийского поэта и прозаика Гурузады Аппарао – так называемой «религии любви». Само это понятие принадлежит исследователю творчества писателя З. Н. Петруничевой и подразумевает идею сплочения индийского народа, преодоления разобщенности при помощи литературы [\[1, с. 61\]](#). По нашему мнению, она неразрывно связана с национально-патриотическим движением, в котором Гурузада принимал деятельное участие. Поэтому тема статьи интересна также с точки зрения особенностей индийской литературы рубежа XIX – XX вв. как примера патриотической литературы Индии.

Художественное наследие Гурузады Аппарао включает в себя драмы, рассказы и стихи. Для нашего исследования мы обратимся к его поэзии, поскольку именно в ней наиболее емко и четко проявляется программа «религии любви» писателя. Кроме того, это довольно объемный материал для изучения творчества поэта, поскольку стихотворных произведений Гурузада написал гораздо больше, чем прозаических. Его поэзия насыщена гражданскими мотивами, а современные поэту общественные проблемы выходят на первый план даже в романтических стихах, в основе которых заложен фольклорный сюжет. «Он – критический реалист с подлинно романтической жилкой... Оставаясь на почве критического реализма, он достигает вершин романтической поэзии» [\[2, с. 153\]](#), – пишет соотечественник Гурузады и писатель Лакшманар Ао.

Напомним, что в XIX в. Индия – все еще отсталая, колониально-зависимая страна, где верхушку правящей элиты занимают англичане, а индийский народ в большинстве своем бесправен. Вместе с тем, под влиянием европейских идей, проникающих в страну, и либеральных британских деятелей [\[3, с. 115\]](#) во второй половине XIX в. в Индии возникают либеральные политические ассоциации, продвигающие идеи реформирования власти, расширения прав индийского народа [\[4, 5, 6\]](#), что послужило толчком развитию публицистики и литературы. «Новая» индийская литература, резко отличающаяся от традиционной, сложилась под влиянием подъема патриотизма коренного населения страны. Традиционная (или классическая) литература «прославляла богов и богинь,

раджей и рани», повторяла «снова и снова сюжеты санскритских махакавыя» (эпических поэм) [1, с. 6], была религиозной, новая обращалась преимущественно к современным сюжетам и социальным проблемам.

Процессы национально-освободительного движения носили региональный характер и протекали неодинаково в различных районах Индии. Так, в Бенгалии и Бомбее уже с середины XIX в. развиваются культурно-просветительские организации, возникает периодика, целью которой становится пробуждение национального самосознания [7, с. 83-84]. Художественное творчество индийских авторов этих регионов уже в это время носит просветительский характер. В Андхре, в Южной Индии, где жил и творил Гурузада Аппарао, эти процессы начались гораздо позднее. Экономика, образование и другие отрасли в Андхре носили отсталый характер и стали более активно развиваться только к последним десятилетиям XIX в. В это время здесь произошло и культурное оживление, развилось литературное искусство. Наравне с классической, широкое распространение здесь получает просветительская литература, существующая на английском языке и языке телугу – народа Андхры. Ее основоположники, одним из которых является Гурузада, местная интеллигенция, в основном получившая европейское образование, в своих произведениях ратуют за социально-бытовые изменения, касающиеся кастового неравенства, религиозных предрассудков, отношения к женщинам и детям и др. проблем. Все эти общественные вопросы связаны с не менее острой, наболевшей проблемой – освобождения от колониального гнета. Данные темы легли в основу «религии любви» Гурузады.

Здесь необходимо отметить, что к обозначенному нами периоду в Индии значительно распространилось образование «по западному образцу», благодаря чему, как пишет Д. С. Никитин, «начала формироваться прослойка европейски образованных и политически активных людей», «прогрессивно мыслящих молодых индийцев» [7, с. 83]. В Индии началась эпоха «Великого рассвета» [8, с. 23] (или Просвещения, если пользоваться терминологией, принятой для обозначения европейской литературной эпохи). Г. В. Ситопати называет это время «периодом возрождения», а предшествующее ему пятидесятилетие – «переходным периодом», имея в виду прежде всего постепенный подъем национального самосознания после великого восстания 1857–1859 г. [9, с. 139]. К концу XIX в. в Андхре сформировалась целая плеяда писателей, научных и социальных деятелей – индийцев.

Итак, Гурузада принадлежал к социальной прослойке интеллигенции. Он получил достойное образование, прекрасно знал английский язык, европейских литературных классиков, оказавших значительное влияние на его творчество. Писатель понимал и ценил вклад англичан-колонизаторов в будущее Индии, состоящий, по его мнению, в просвещении народа. В стихотворении «Комета» он отзываясь об англичанах, как о разумных, ученых людях, в отличие от закоснелых, суеверных и невежественных индийцев:

Наши пандиты содействуют тревоге,

О небесном рассуждая мудрено, –

Остается страшной тайною в итоге

То, что западом разгадано давно.

Ныне многое известно их ученым,

Англичане проникают мыслью в суть,

Суевериям и выдумкам никчемным

Не давая трезвый разум обмануть [\[10, с. 150\]](#).

С другой стороны, Гурузада не принимал жизненный уклад европейцев, капиталистические отношения, несущие, по его мнению, разлад среди индийского народа, делающие еще более острой проблему социального неравенства. Также он выступал и против либералов, отстаивающих возможность предоставления свобод индийскому народу, поскольку считал, что их борьба за социальные реформы только кажущаяся, и вся их деятельность сводится к всего лишь «неистовой говорильне». Так, поэт открыто высказывался против членов Индийского национального конгресса, продвигавших «вопрос о необходимости реформирования колониальной системы», выступавших за «индийские реформы» [\[3, с. 16\]](#). Показательно в этом плане его стихотворение, написанное после Мадрасской конференции Национального конгресса в 1908 г., включенное автором в одноименную статью, где он обвиняет ее участников в равнодушии к индийцам, пустой болтовне и заботе только о «своем правленье» [\[8, 132\]](#):

Так дремлите ж иль болтайте,

Словно стая попугаев,

За благую цель бороться

Вам, лояльным, ни к чему! [\[10, с. 132\]](#)

При этом делает поэт это, не щадя своих оппонентов, в резком тоне, с сарказмом и с особой дерзостью. Само стихотворение – памфлет. Выбор жанра ясно выражает точку зрения Гурузады.

Следует отметить, однако, что это единственный пример его политической поэзии и единственное стихотворение, написанное в данном жанре. Хотя гражданская лирика составляет основу поэтического творчества Гурузады, он совсем не рассматривал ее как политическое оружие. Предназначение поэзии, в целом, он понимал глубже и шире. Свои стихи Гурузада посвящал народу Андхры, писал о нем и для него:

Родина – это не только земля,

Родина – те, кто живет на ней! [\[11, с. 222\]](#)

Так поэт пишет в своем «поэтическом манифесте» [\[8, с. 100\]](#) «Любовь к Родине» («Дешабхакти»). Истинный патриотизм для Гурузады – не словесные споры, а работа во благо страны. «Упорно трудись на полях Отчизны», «постигни тайны ремесел» [\[10, с.158\]](#), – наставляет он своего соотечественника. Это так называемый «практический патриотизм» [\[8, с. 96\]](#).

Просветительская поэзия Гурузады Аппарао носит созидательный характер. Он убежден, что к освобождению приводят не войны, а сплочение и единение народа, темы, звучащей во многих поэтических произведениях писателя, как, например, в полном надежд и оптимизма стихотворении «Стань на якорь!». В нем показано и отношение автора к британцам – угнетателям народа Индии, будущее которой он видит в освобождении от колониального гнета Англии:

Я предвижу золотые времена:
Обретет свободу древняя страна,
Угнетателей не будет и рабов,

Ибо в этом мудрость будущих веков [\[11, с. 158\]](#).

Гурузада не разделяет взглядов ни либералов, ни консерваторов, а также выступает против революционных методов борьбы за независимость своего народа. Вместо этого поэт предлагает свою «религию любви», программу которой провозглашает в «Любви к Родине». Недаром стихотворение «стало национальным гимном Андхры, а потом и всей Индии» [\[8, с. 96\]](#).

Однако первооснова всех социальных зол народа телугу – его невежество и темнота, потому народные массы следует просвещать. При этом Гурузада понимал, что как традиционная литература, так и новая не доступны для понимания масс. Она должна быть приближена к народу, то есть написана на языке, ему понятном – на разговорном языке телугу, прибегать к разговорным выражениям, а также правдиво отражать его жизнь или использовать в качестве сюжетов народные сказки и мифы. В этом и состоит гуманизм философии Гурузады. Свои произведения поэт пишет на языке «вьявахарика» (литературно-разговорном телугу), полностью отказываясь от общепринятого книжного – «грантхика», и стоит у истоков направления «абхьюдайя» – современной прогрессивной демократической литературы телугу. В поэзии Гурузада выступает и как новатор формы – он использует наиболее приближенные к народным размеры, называя их «мутьяла саралу» («жемчужные ожерелья»):

Нанижу ожерелья жемчужные,
Слов звенящих жемчужины высветлю,
Чтоб блеснули они светом ласковым,
Чтоб поэзии пламя возжечь [\[11, с. 223\]](#).

Его лирика носит дидактический характер, что характерно для индийской просветительской литературы, и является, как пишет Петруничева, «морально-этической проповедью» [\[4, с. 61\]](#). Прежде всего это проповедь о единении и сплочении народа, о чем уже упоминалось выше. В «Любви к Родине», с использованием ярких эпитетов и сравнений, звучит призыв:

Сплотимся теснее, хорошие люди,
И дружба, как солнце согреет нас... [\[11, с. 222\]](#)

В стихотворении постоянно повторяются такие слова, как «любовь», «дружба», «единый», «Родина», оно буквально пронизано эпитетами, сравнениями и олицетворениями (страна – «кряжистое дерево», вражда – «злой демон», дружба – согревающее солнце), что придает ему высокую пафосность, которая является характерной чертой поэзии Гурузады Аппарао, насыщенной романтической эстетикой. «Поэзия чувства» («бхавакавиттам») у Гурузады гармонично синхронизируется с «абхьюдайям» (прогрессом): за красотой слога всегда стоит жизненная ситуация, общественная проблема.

Идея сплочения неразрывно связана с протестом против кастовых различий и религиозных предрассудков. Как и другие просветители, Гурузада не был против религии вообще и отличался умеренностью по отношению к ней. «Умеренность английских просветителей определялась не только тем, что в начале XIX в. религия в Индии осталась господствующей формой идеологии, но и агрессивной политикой христианских миссионеров, подпиравших и освещавших Библией силу европейского меча. Защита «своей» религии зачастую осмыслялась просветителями как защита самобытной индийской культуры [\[12, с. 204\]](#); Гурузада же призывал к миру индийцев независимо от их религиозной и кастовой принадлежности:

Едины умы – значит, люди едины.

Прочь касты, различья религий долой!

Все люди тогда заживут в нашем мире

Единой, могучей и дружной семьей! [\[11, с. 222\]](#)

Для мира важно отринуть все костное и отжившее, тянущее прогресс назад, в том числе и кастовую систему Индии. Святая вера в освобождение от кастовых пережитков видна буквально в каждой строчке в стихотворении «Комета»:

Укрепим свой дух мы славными делами,

И настанет день – оковы каст падут,

Презираемых не будет между нами –

Все как равные в грядущее пойдут [\[10, с. 150\]](#).

Комета Гурузады – символ веры в свободное от рабства и религиозных пут будущее индийского народа, в единении и мире, «не зловещий, не сулящий беды знак», а «разумного грядущего примета, знак научных и общественных побед» [\[10, с. 150\]](#).

В борьбе с невежеством народа поэт продвигает и не менее важный женский вопрос. Гурузада выступает против дискриминации женщин. В стихотворении «Пурнамма» он доносит до народа эту проблему самым доступным, по его мнению, образом – с помощью близкой народу формы сказки. В этом стихотворении автор воплощает «свою мечту о прекрасном будущем и о прекрасных, гордых, смелых людях этого будущего» [\[8, с. 71\]](#).

Добавим ко всему сказанному, что философия Гурузады Аппарао к концу жизни поэта рушится. Незадолго до своей смерти он пишет стихотворение «Обруби же якорную цепь!», которое резко отличается от всего остального поэтического творчества поэта. Оно проникнуто чувством разочарования. Основными в нем являются мотивы краха надежд и одиночества. Таким образом, Гурузада признает, что его концепция любви и человечества отступила перед суровой действительностью.

Итак, в основу «религии любви» Гурузады Аппарао, воплощенной в его гражданской лирике, вошли такие темы как сплочение и единение народы, проблемы социального и кастового неравенства, женский вопрос. Важным для поэта становится освобождение не только от гнета колонизаторов, но и от невежества и закостенелости народа, и он стремится преодолеть это с помощью проповеди в своих произведениях. Поэтому Гурузада делает свою литературу наиболее понятной народу – пишет произведения в доступной для него форме и на разговорном языке, в чем проявляется важнейшая

гуманистическая черта его философии.

Библиография

1. Петруничева З. Н. Жизнь и творчество Гурузада Аппарао // Гурузада Аппарао. Избранные произведения. М., 1962. С. 5–75.
2. Лакшманар А. Гурузада Аппарао // Восточный альманах. М., 1962. Вып. 5. С. 146–158.
3. Никитин Д. С. Британский комитет Индийского национального конгресса: цели, задачи, итоги деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 115–117.
4. Никитин Д. С. Индийский национальный Конгресс в годы генерал-губернаторства лорда Лэнсдауна (1888–1894): проблемы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 156–164.
5. Никитин Д. С. Конфессиональный состав Индийского национального конгресса в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 104–106.
6. Mehrotra S. R. A History of the Indian National Congress. Vol. 1. 1885–1918. New Delhi : Vikas Publishing, 1995.
7. Никитин Д. С. «Друг Индии»: Аллан Октавиан Юм (1829–1912). Новосибирск, 2015.
8. Петруничева З. Н. Гурузада Аппарао. М., 1985.
9. Ситопати Г. В. Литература телугу // История индийских литератур. М., 1964. С. 89–191.
10. Гурузада А. Стихотворения // Гурузада Аппарао / З. Н. Петруничева. М., 1985. С. 149–158.
11. Гурузада А. Избранные произведения. М., 1962.
12. Рабинович И. С. Сорок веков индийской литературы. М., 1969.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа посвящена исследованию просветительской философии индийского поэта и прозаика Гурузады Аппарао. Стоит согласиться с автором данной статьи, что «тема исследования интересна с точки зрения особенностей индийской литературы рубежа XIX – XX вв. как примера патриотической литературы Индии». Автор последователен в ходе сложения работы, внимателен в плане соблюдения логики, объективен в суждениях и оценках. Например, «художественное наследие Гурузады Аппарао включает в себя драмы, рассказы и стихи. Для нашего исследования мы обратимся к его поэзии, поскольку именно в ней наиболее емко и четко проявляется программа «религии любви» писателя. Кроме того, это довольно объемный материал для изучения творчества поэта, поскольку стихотворных произведений Гурузада написал гораздо больше, чем прозаических. Его поэзия насыщена гражданскими мотивами, а современные поэту общественные проблемы выходят на первый план даже в романтических стихах, в основе которых заложен фольклорный сюжет», или «Процессы национально-освободительного движения носили региональный характер и протекали неодинаково в различных районах Индии. Так, в Бенгалии и Бомбее уже с середины XIX в. развиваются культурно-просветительские организации, возникает периодика, целью которой становится пробуждение национального самосознания. Художественное творчество индийских авторов этих регионов уже в это время носит просветительский характер. В Андрхе, в Южной Индии, где жил и творил Гурузада Аппарао, эти процессы

начались гораздо позднее. Экономика, образование и другие отрасли в Андхра носили отсталый характер и стали более активно развиваться только к последним десятилетиям XIX в. В это время здесь произошло и культурное оживление, развилось литературное искусство. Наравне с классической, широкое распространение здесь получает просветительская литература, существующая на английском языке и языке телугу – народа Андхры...» и т.д. Цитации, ссылки на критические источники, иные материалы даются в выверенном формате; считаю, что проблема исследования нетривиально представлена читателю, в этом, собственно, и заключается новизна и актуальность материала. Стиль соотносится с собственно научным типом: «В стихотворении постоянно повторяются такие слова, как «любовь», «дружба», «единый», «Родина», оно буквально пронизано эпитетами, сравнениями и олицетворениями (страна – «кряжистое дерево», вражда – «злой демон», дружба – согревающее солнце), что придает ему высокую пафосность, которая является характерной чертой поэзии Гурузады Аппарао, насыщенной романтической эстетикой. «Поэзия чувства» («бхавакавитам») у Гурузады гармонично синхронизируется с «абхьюдайям» (прогрессом): за красотой слога всегда стоит жизненная ситуация, общественная проблема» и т.д. Аналитическая база исследования серьезна: например, «так поэт пишет в своем «поэтическом манифесте» [8, с. 100] «Любовь к Родине» («Дешабхакти»). Истинный патриотизм для Гурузады – не словесные споры, а работа во благо страны. «Упорно трудись на полях Отчизны», «постигни тайны ремесел» [10, с.158], – наставляет он своего соотечественника. Это так называемый «практический патриотизм» [8, с. 96]. Просветительская поэзия Гурузады Аппарао носит созидательный характер. Он убежден, что к освобождению приводят не войны, а сплочение и единение народа, темы, звучащей во многих поэтических произведениях писателя, как, например, в полном надежд и оптимизма стихотворении «Стань на якорь!». В нем показано и отношение автора к британцам – угнетателям народа Индии, будущее которой он видит в освобождении от колониального гнета Англии...». Разбор текстов Гурузады дается в верном филологическом ключе, причем не исключается и исторический, социальный контекст. Много в работе примеров, отсылки / цитации первоисточника нужны для достоверности суждений. Материал может быть использован в вузовской практике, при изучении творчества Гурузады Аппарао. Основные требования издания учтены, т.н. диалога с оппонентами также, на мой взгляд, сложился, цель исследования достигнута, поставленные задачи решены. Рекомендую статью «Религия любви» в поэзии Гурузады Аппарао как просветительская философия» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Захарова Е.М. О сущности поэтического творчества в понимании Вл. Соловьева и Ю.Н. Говорухи-Отрока //

Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.44038 EDN: BBRFKB URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44038

О сущности поэтического творчества в понимании Вл. Соловьева и Ю.Н. Говорухи-Отрока

Захарова Елизавета Михайловна

ORCID: 0000-0002-2087-6072

кандидат филологических наук

научный сотрудник, Институт мировой литературы имени Максима Горького

121069, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Поварская, 25 а

✉ Elizakharova2019@gmail.com

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.44038

EDN:

BBRFKB

Дата направления статьи в редакцию:

15-09-2023

Аннотация: Центром внимания настоящего исследования являются литературно-критические высказывания Вл.С. Соловьева и Ю.Н. Говорухи-Отрока о поэзии А.А. Фета. В качестве главных объектов выступают статьи, написанные в 1890-е годы, в период формирования философского метода литературной критики: «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (Соловьев, 1890 г.), «Поэзия Фета» (Говорухо-Отрок, 1892;1893). Владимира Соловьева, младшего современника и оппонента Говорухи-Отрока, парадоксальным образом можно считать наставником в философской критике. Цель данной работы – выявить и проанализировать взгляды Соловьева и Говорухи-Отрока как представителей философской критики на сущность поэтического творчества. Новизна исследования заключается в сопоставлении литературно-критических систем авторов-оппонентов. Однородность методов обнаруживает себя через сочетание публицистичности и субъективности, а также обязательной направленности на социальное воздействие. Но если для Говорухи-Отрока главная точка опоры в литературно-критических суждениях – религия, то у Вл.

Соловьева это история. Главная объединяющая черта – практическая направленность философских исканий в литературно-критических текстах. Тожество, кроме того, обнаруживается и в концептуальном определении цели поэзии и сущности творчества в целом. Только духовное и вечное, по мнению литераторов, может являться как источником, так и объектом поэтического осмысления. Поэт для обоих критиков предстает если не сакральной, то исключительной фигурой.

Ключевые слова:

Литературная критика, философский метод, Соловьев, Говоруха-Отрок, Фет, Поэзия, литературно-критическое высказывание, литературная иерархия, лиризм, чистое искусство

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800). The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800).

Истоки философского метода литературной критики

«Чему же учит Вл.С. Соловьев?», – такой ироничный по своему модусу заголовок носит одна из статей Ю.Н. Говорухи-Отрока (1851–1896), где темой стал анализ публицистического и философского творчества Вл.С. Соловьева (1853–1900). Принадлежность к одному поколению, занятия литературной критикой, приверженность философскому методу не смогли оказать сближающего влияния на отношения двух авторов. Напротив, именно пересечение интересов (онтологические, религиозные и государственные вопросы, идейная основа русского классического искусства, новые направления в поэзии) приводили к новым эпизодам печатной полемики. Так, имя Соловьева в двухтомном сборнике работ Говорухи-Отрока «Во что веровали русские писатели?» встречается более пятидесяти раз.

Цель данной работы – выявить и проанализировать взгляды Соловьева и Говорухи-Отрока как представителей философской критики на сущность поэтического творчества на материале работ о лирике А.А. Фета. Парадоксальным сегодня кажется одновременное внимание к «чистой поэзии» со стороны во многом полярных критиков. Ведь именно этот период обозначен значительным падением общего интереса не только к творчеству Фета (тираж сборника «Вечерних огней» не был распродан полностью, а почитателей у поэта становилось все меньше), но и к лирике в целом. Истоки тождественного внимания Соловьева и Говорухи-Отрока определяются множеством факторов: так, оба лично знали Фета-Шеншина. Но глубинная причина определяется прежде всего сходством взглядов критиков на метод осмысления литературных произведений и сущность поэтического творчества.

О сущности и содержании лирической поэзии

Появление в качестве отдельной и самостоятельной области русской философии, где общей чертой стало обращение к Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому, начинается с имени Соловьева, который начал «писать не о том, что думают западные мыслители, а о тех предметах, о которых они тоже думают, давая по их поводу свою точку зрения» [\[5, с.](#)

[7671](#). В отличие от исчерпавшей себя к концу XIX в. литературной социологии интерес философской критики находился даже не в поэтике высказывания, а в его смысле, в судьбе идей, не авторской стилистике, а позиции автора; философ-комментатор убежден, что художественное произведение есть эстетическое самораскрытие истории в культуре. Поэтому разговор о тексте был и обсуждением ведущих проблем века, и диалогом вокруг вечных ценностей [\[2, с. 9\]](#).

Принципиально новым во взглядах Соловьева на искусство явилось то, что впоследствии будет названо теургией. Искусство при таком подходе определяется как источник преобразования: художник обязан менять бытие посредством своего творчества. В связи с этим поэзия предстает «как воплощение объективной красоты мира и человеческой души», что определяет ценностный и «эстетический подход к оценке литературного творчества, выразившийся в целом ряде статей о русских поэтах 60-90-х годов XIX в.» [\[6, с. 30\]](#).

Исследователи, опираясь на совокупность сквозных мотивов, связывающих статьи, а также на общность позиции автора в них, разделяют литературно-критические работы Соловьева о русских поэтах на два цикла. Первый посвящен периоду Серебряного века, второй же сосредоточен на раскрытии мотива судьбы в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Б. Мицкевича и других авторов XIX века. Одной из важнейших черт литературной критики Соловьева является акцент на саморефлексии художника.

В первую очередь внимание уделяется мироощущению поэта, а произведения оцениваются по тому, насколько лиричны форма и содержание. Свою задачу при разборе художественного произведения он определял так: «разобрать и показать, что именно из полноты всемирного смысла, какие его элементы, какие стороны или проявления истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках. Критик должен "вскрыть глубочайшие корни" творчества у данного поэта не со стороны его психических мотивов – это более дело биографа и историка литературы, – а главным образом со стороны объективных основ этого творчества, или его идейного содержания» [\[6, с. 530\]](#). Таким образом, поэтическая деятельность утверждалась «как прекрасный предмет, представляющий в тех или других формах правду жизни или смысл мира» [\[6, с. 533\]](#).

Статья «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» была написана Соловьевым в 1890 году и опубликована в журнале «Русское обозрение» в связи с выходом четвертого прижизненного сборника А.А. Фета «Вечерние огни» и сборника стихотворений Я.П. Полонского «Вечерний звон». Данное литературно-критическое высказывание можно назвать программным в эстетической концепции Соловьева. В тексте раскрыты вопросы о том, что является предметом лирического изображения, какова цель лирики как деятельности человеческой души, на какие группы можно разделить всех поэтов.

Центральная мысль в анализируемой статье связана с противопоставлением поэзии настоящей и «от вдохновения». Лишь последняя обладает «слитностью содержания и словесного выражения» [\[6, с. 402\]](#). По мнению Соловьева, «истинный источник поэзии, как и всякого искусства, – не во внешних проявлениях, и также не в субъективном уме художника, а в самобытном мире вечных идей, или первообразов» [\[6, с. 492\]](#). Внешняя красота лирического произведения – это следствие глубинной красоты. Именно поэзию, а не музыку, Соловьев называет высшим родом искусства, заключающим «в себе элементы всех других искусств. Истинный поэт влагает в свое слово нераздельно с его

внутренним смыслом и музыкальные звуки, и краски, и пластичные формы» [\[6, с. 533\]](#).

Отсутствие непосредственного анализа поэтических текстов Фета восполняется обилием аксиом и программных тезисов: «Предметом поэтического изображения могут быть не переживаемые в данный момент душевные состояния, а пережитые и представляемые» [\[6, с. 399\]](#); «Чтобы воспроизвести свои душевные состояния в стихотворении, поэт должен не просто пережить их, а пережить именно в качестве лирического поэта» [\[6, с. 400\]](#); «Эти две темы: вечная красота природы и бесконечная сила любви - и составляют главное содержание чистой лирики» [\[6, с. 412\]](#).

«Прозревать красоту – вот дело поэзии»

Приверженность Говорухи-Отрока взглядам разнородной по своему составу консервативной критике, исповедание ортодоксального православия, с точки зрения О.А. Гончаровой, определили отношение литератора к искусству и его позицию среди современных ему школ и направлений. Исследовательница утверждает, что критик являлся «основоположником нового направления в литературной критике – христианско-эстетического» [\[4, с. 47-49\]](#). В работах Говорухи-Отрока можно видеть, что для него важнейшим фактором при осмыслении литературного произведения являлось преобладание в творчестве художника «духовного начала над сиюминутным, повседневным. <...> Следование христианскому настроению и художественное отражение христианских идеалов он считал сильной стороной писателя, отступление от них – слабой» [\[4, с. 47-49\]](#). Взгляды критика на искусство в большой степени продолжали традицию, обозначенную А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, К.С. Аксаковым и другими славянофилами.

Сочетание таких идейных систем как почвенничество, славянофильство, христианство, консерватизм сформировало своеобразие взглядов Говорухи-Отрока и оказало решающее воздействие на его литературно-критическую деятельность. Он оценивал искусство, опираясь на христианское учение, и задачей литературной критики считал обнаружение в произведении смысла, значимого «в духовной жизни отдельного человека и общества в целом» [\[3, т.1, с. 52\]](#).

Ссылаясь на слова Н.Н. Страхова о том, что критика «есть некоторое философское рассуждение», Говоруха-Отрок утверждает: «художественное произведение есть некий малый мир, <...> задача критики – обнаружить, раскрыть смысл этого мира, как задача философа заключается в том, чтоб обнаружить, раскрыть смысл мироздания» [\[3, т.1, с. 739\]](#).

Цикл статей Говорухи-Отрока о Фете можно считать исключением, так как поэтические произведения крайне редко становились объектом внимания литературного критика. Кроме того, исследователи подчеркивают, что «статьи Говорухи-Отрока о Фете можно назвать одной из первых попыток всерьез заговорить о значении творчества этого крупнейшего поэта второй половины XIX в.» [\[3, т.1, с. 552\]](#). Во многом этот феномен объясняется идейной и духовной связью литераторов. Так, в письме поэту К.Р. 10 января 1892 года Фет признавался: «В настоящее время это самый убежденный приверженец самодержавия и православия и, прибавлю, еще самый чуткий и глубокомысленный критик. Я знаю Говоруху в течение двух лет, и, невзирая на то, что я с ним далеко не на той дружеской ноге, на которой был с Тургеневым, Толстым и т.д., мне ни разу не приходилось расходиться с ним в отвлеченных или практических

вопросах» [\[1, с. 941\]](#). При сопоставлении работы Соловьева о Фете со статьями Говорухи-Отрока становится очевидно сходство: анализ поэтических текстов и выявление лирического инструментария оба критика заменяют обобщающими выводами программного значения. Для Говорухи-Отрока поэтический текст имеет самоценное значение, чем можно объяснить цитаты, в большинстве случаев не подвергавшиеся сокращениям. Но более показательными в рамках настоящего исследования следует признать следующие тезисы: «источник поэзии не во внешнем мире, а в душе человеческой» [\[6, с. 555\]](#); «Только в поэзии действительность обнаруживает свою истинную сущность, т.е. преображается. Эта истинная сущность действительности есть красота, первозданная красота мира и человека, созданных Творцом, и затемнившаяся в падшей, обремененной грехом душе человеческой» [\[6, с. 558\]](#); «поэзия есть прозрение "из времени в вечность", поэт прозревает "из времени в вечность" и, найдя в душе своей это вечное, находит его и во всех явлениях природы и жизни» [\[6, с. 560\]](#).

Остановленным мгновением Говорухо-Отрок называет лирику Фета, так как именно в ней обретают слово неуловимые чувства и движения души. Парадоксальным поэтому кажется вывод об источнике этой не материальной, а сосредоточенной на «невыразимом» поэзии: «Источник ее там же, где источник поэзии Тургенева, Л. Толстого, - в том складе старинного барского быта, который уже погиб и ожил лишь в произведениях наших поэтов, где передана поэзия этого быта, т.е. то вечное, что было в нем» [\[6, с. 573\]](#).

Абсолютной приятие лирики Фета Говорухо-Отрок со своей стороны объясняет там, что здесь гармонически сочетаются правда, простота и красота, А кроме того, тем, что «в поэзии Фета (я не беру во внимание разные случайные его стихотворения) нет ни одной фальшивой, то есть непоэтической ноты. От этой поэзии ничего нельзя отнять, и ничего нельзя к ней прибавить: там все гармонично, там незаметно следов борьбы с какою-нибудь предвзятою мыслию, с каким-нибудь овладевшим поэтом непоэтическим веянием. Как поэт он всегда был равен самому себе и уверенно шел по своему поэтическому пути» [\[6, с. 583\]](#).

Философская критика о сущности поэтического творчества

Обращение к наследию Говорухи-Отрока показывает, что занятие литературной критикой представлялось ему более важной миссией, чем изолированное рассмотрение достоинств и недостатков произведения, чем кропотливый анализ текста. Внимание автора в основном сосредотачивалось вокруг идеи произведения и тех полезных мыслей, которые может извлечь для себя читатель. Немаловажным было для критика и то, как раскрывается личность автора на страницах созданного им мира. По мнению Соловьева, «художественная деятельность... служит общей жизненной цели человечества» [\[6, с. 95\]](#). Именно в момент творческой реализации личность осуществляет наиболее «проникновение в божественную действительность» [\[6, с. 283\]](#). Залогом успеха в этом погружении называлось человеческое подчинение «помыслов и действий нравственным велениям» [\[6, с. 283\]](#). Более того, Соловьев настаивает на том, что искусство не свободно от этических категорий: «Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир» [\[6, с. 76\]](#).

Говорухо-Отрок оценивал искусство, опираясь на христианское учение. Теоретические же рассуждения Соловьева о поэзии отличаются универсализмом: в стремлении

предоставить исчерпывающий анализ критик опирается на данные как гуманитарного знания (психология, философия, теология, эстетика), так и естественных наук. В обобщенном виде можно сказать о том, что критический метод Соловьева состоит в «сакрализации поэзии как наивысшего, божественного рода искусств», а также «высоком уровне нравственных и эстетических требований критика к поэту» [6, с. 35]. Если ограничиться хотя бы данным набором фактов, а также проследить, в чем именно заключается сущность подходов к текстам со стороны Говорухи-Отрока и Вл. Соловьева, то станет понятна однородность методов. Здесь публицистичность и страстность сочетаются с обязательной направленностью на социальное воздействие. Но если для Говорухи-Отрока главная точка опоры в литературно-критических суждениях – религия, то у Вл. Соловьева это история. Главная объединяющая черта – практическая направленность философских исканий. Тожество, кроме того, обнаруживается и в концептуальном определении цели поэзии и сущности творчества в целом. Только духовное и вечное, по мнению литераторов, может являться как источником, так и объектом поэтического осмысления. Поэт для обоих критиков предстает если не сакральной, то исключительной фигурой. Однако для Говорухи-Отрока принципиальным значением обладает именно религиозный характер поэтического настроения. Владимира Соловьева, младшего современника Говорухи-Отрока, парадоксальным образом можно считать учителем критика в философской критике. Таким образом, можно утверждать, что в основании многолетней журнальной полемики по многочисленным вопросам скрывается глубинная подоплека, имеющая отношение не только к расхождению в трактовке религиозных вопросов, но и к антагонизму учителя и ученика.

Библиография

1. А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн./РАН. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Отв. ред. Т.Г. Динесман. Кн. 2. 2011. 1040 с.
2. Богатырева Л.В., Исупов К.Г. Русская классика в философской и литературной критике Серебряного века // Русская классика: pro et contra. Серебряный век, антология / Сост. и вступ. статья Богатыревой Л.В. и К.Г. Исупова. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2017. С. 8–16.
3. Говоруха-Отрок Ю.Н. Во что веровали русские писатели. СПб.: Росток, 2012. Т. 1, 895 с.
4. Гончарова О.А. Русская литература в свете христианских ценностей (Ю.Н. Говоруха-Отрок – критик). Харьков: Майдан, 2006. 323 с.
5. Кантор В.К. Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 832 с.
6. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / Вступ. статья Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. 701 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «О сущности поэтического творчества в понимании Вл. Соловьева и Ю.Н. Говорухи-Отрока», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению философской критики на лирику А. А. Фета. Рецензируемая работа является итогом исследования в рамках гранта Российского научного фонда.

Целью данной работы заявлено выявить и проанализировать взгляды Соловьева и Говорухи-Отрока как представителей философской критики на сущность поэтического творчества на материале работ о лирике А.А. Фета. Считаем, что поставленная цель реализована в тексте статьи.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования. Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 6 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к оригинальным работам зарубежных авторов по смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «О сущности поэтического творчества в понимании Вл. Соловьева и Ю.Н. Говорухи-Отрока» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

Reflection of the concept of "SUPERSTITIONS" in the linguistic picture of the world of the Spanish, French, British, Americans and Russians

Minova Mariya Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics

117997, Russia, Moscow, lane. Stremyanny, 36

✉ mariaminova543@gmail.com

Emelianenko Elena Mihailovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages, Department of Language Training, Institute of Social Sciences; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia

✉ eemel@yandex.ru

Kuznetsova Yuliya Andreevna

PhD in Economics

Associate Professor; Department of Foreign Languages No. 3; Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia

✉ yulia_success@mail.ru

Kuznetsova Valentina Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language and Methods of Teaching; Ulyanovsk State University

42 Lva Tolstogo str., Ulyanovsk, 432970, Russia

✉ valentkuz@mail.ru

Sokolova Ekaterina Iosifovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages No. 3; Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia

✉ Sokolova.El@rea.ru

Abstract. The article is devoted to studying the specifics of implementation of the concept «SUPERSTITIONS», which is an integral part of the national and cultural identity of any ethnic group, in Spanish, French, British, American and Russian linguocultures in the modern period. The analysis of the language material shows that this phenomenon is widespread in modern Spanish, French, English and Russian. The main function of superstitions - prognostic, predictive - is manifested both at the national and international level. The article examines the content of superstitious views of Spanish, French, British, Americans and Russians, analyzing ways and means for representing the concept of «SUPERSTITIONS» in the linguistic cultures, and highlights the common and distinctive features of this concept in the Spanish, French, British, American and Russian language pictures of the world. The authors of the

research used methods such as theoretical literature review, comparative analysis, continuous sampling, as well as observation and generalization. The novelty of the research is to carry out comparative analysis of various aspects of the concept «SUPERSTITIONS» in the material of Spanish, French, English and Russian languages, as well as to identify the dynamics of functional development of this concept in Spanish, French, British, American and Russian world pictures. The study showed that although the grammatical aspects of the expression of the concept «SUPERSTITIONS» are comparable in modern Spanish, French, English and Russian languages, however, there are marked differences in the interpretation of the consequences of the same events and phenomenon in the different linguistic pictures of the world being studied. The results of the study in a practical plane can be used to solve a wide range of problems related to the characteristics of intercultural interaction of Spanish, French, British, Americans and Russians.

Keywords: English Language, French Language, Spanish Language, Cultural Code, Linguoculture, Linguistic Picture of the World, World Picture, Concept, Superstitions, Russian Language

References (transliterated)

1. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii. Per. s angl. Izd. 2-e. M.: URSS, 2002. 656 s.
2. Zhelamskaya V.A., Kopylova E.V. Interlingvistika kak nauka ob iskusstvennykh yazykakh v sisteme mezhkul'turnoi kommunikatsii // Aktual'nye problemy obshchei teorii yazyka, perevoda, mezhkul'turnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Sbornik statei po materialam mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Saransk, 2023. S. 29-33. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54192279>.
3. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / sost. B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. I. Postovalova [i dr.]. M.: Nauka, 1988. 216 s. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.koob.pro/serebrennikov/kartina_mira.
4. Valeeva D. R. Ponyatie «kartina mira», «kontseptual'naya kartina mira» i «yazykovaya kartina mira» v kontseptologicheskikh issledovaniyakh // Filologicheskii aspekt. 2018. № 3 (35). S. 63-69. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32819371>.
5. Kiseleva I. A. Osobennosti reprezentatsii kontsepta «sem'ya» v russkoi lingvokul'ture // Aktual'nye problemy obshchei teorii yazyka, literatury, perevoda, mezhkul'turnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Sbornik statei po materialam mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Samara, 2024. S. 44-47. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67866069>.
6. Kubryakova E. S. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. M.: RAN, Institut yazykoznaniya, 1997. 330 s.
7. Gofman T. V. Yazykovaya kartina mira kak sposob samoprezentatsii naroda («vernost'» v russkoi yazykovoi kartine mira) // Kartina mira v sistemno-strukturnom i antropotsentricheskom aspektakh: poiski obshchikh zakonemernostei. Sbornik materialov IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2021. S. 22-27. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45714698>.
8. Kolistratova A. V., Kolistratova A. V. O sootnoshenii ponyatii «kartina mira», «yazykovaya kartina mira», «fol'klornaya yazykovaya kartina mira» // Nauchnyi Al'manakh assotsiatsii France-Kazakhstan. 2023. № 2. S. 61-65. [Elektronnyi resurs].

- URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50749256>.
9. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. /Pod red. S.A. Kuznetsova. SPb: Norint, 2004. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov/>.
 10. Collins Advanced Learner's Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers, 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>
 11. Diccionario de la lengua española. Madrid © Real Academia Española, 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dle.rae.es/>.
 12. Le Petit Larousse illustré. Paris: © Larousse, 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/>
 13. Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: T. 2. / Sost. A. K. Shaposhnikov. M.: Flinta; Nauka, 2010.
 14. Online Etymology Dictionary. [Elektronnyi resurs]. URL: www.etymonline.com.
 15. Fliginskikh E. E. K voprosu ob opredelenii termina «Sueverie» // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2014. № 1. S. 153-157. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21345100>.
 16. Kalanov N. A. Entsiklopediya morskikh sueverii. M.: IP Kalanov N.A., 2024, 400 s.
 17. Top 13 des superstitions françaises les plus populaires // Français authentique. 18.04.2024. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.francaisauthentique.com/superstitions-en-france/>
 18. Supersticiones de buena y mala suerte // Almudena Seguros Blog. 20.02.2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.almudenaseguros.es/blog/13-supersticiones-de-buena-y-mala-suerte/>
 19. Himno del Cádiz. Letra. Pasodoble 'Me han dicho que el amarillo'. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.alsondelcarnaval.es/letras/himno-del-cadiz-letra-pasodoble-me-han-dicho-que-el-amarillo-la-familia-pepperoni/>.
 20. The Ravens. If the Ravens Leave the Tower, the Kingdom Will Fall... // Historic Royal Palaces. © Historic Royal Palaces, 2024. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.hrp.org.uk/tower-of-london/whats-on/the-ravens/#gs.ez3pfj>.
 21. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 2008. 352 s.
 22. Otkrovenie Ioanna Bogoslova // Bibliya-Tsentr. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/re/13>.
 23. Alfaro J. Ángel Nieto, '12+1' veces irrepitable // Mundo Deportivo. 04/08/2017. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.mundodeportivo.com/motor/motogp/20170803/43309562028/angel-nieto-perfil.html>.
 24. Kiosow B. So Feared that Hotels Skip an Entire Floor – Why Does the Number 13 Get Such a Bad Rap? [Thoughts After Dark] // Thomas. Industry Insights. 9/29/2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.thomasnet.com/insights/so-feared-that-hotels-skip-an-entire-floor-why-does-the-number-13-get-such-a-bad-rap-thoughts-after-dark/>.
 25. Noble W. London's Fear Of The Number 13 // Londonist. 14/05/2024. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://londonist.com/2023/09/londons-fear-of-the-number-13/>
 26. Ackroyd P. London: The Biography. London: Chatto & Windus, 2000. 822 p.
 27. Kersnovskii A. A. Istoriya russkoi armii. M.: Eksmo, 2006. T. 2. 336 s.
 28. Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. Oxford: Oxford University Press, 2nd ed., 1997. 592 p.
 29. Demurger A. Jacques de Molay: Le crépuscule des Templiers. Paris: Payot & Rivages,

2007. 390 p.

30. Lyapin D. A. Moskovskoe vosstanie i politicheskii krizis leta 1648 g. // Vestnik VEGU. 2015. № 1(75). S. 140-149.
31. Kalanov N. A. Ya suevernyi moryak. Rukovodstvo po soblyudeniyu morskikh sueverii. M.: Gorizont, 2022. 284 s.
32. Fernández-Caballero J. Las supersticiones más temidas de los toreros: lo que no soportan que les 'hagan' antes de torear // Cultoro. 11/05/2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cultoro.es/actualidad/supersticiones-mas-temidas-torero-158929>

The idea of lying in Russian, French and Chinese

Golovanivskaya Mariya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ golovanivskaya@gmail.com

Efimenko Nikolai Aleksandrovich

Student, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

Abstract. The subject of the research in this article is the analysis of the concept of "lies" in Russian, French and Chinese. Attention is paid to the lexical and etymological features of the word "lie" and its connection with other concepts such as "truth" and "deception". Lying is seen as a deliberate distortion of reality, which has deep roots in human cognition and mythological representations. The author discusses about the antonymic pairs "truth-lie", reflecting the opposition characteristic of human perception of the world. Special attention is paid to images and symbols associated with lies, such as swamp, mud and water, which reinforce the negative connotation of this concept. The lexical environment of the word "lie", its compatibility with various adjectives and verbs, as well as the difference between lies and untruths also become the object of analysis. The article attempts to reveal how cultural aspects influence the perception of lies in the Russian language and consciousness. The research methodology is based on a linguistic analysis of the vocabulary, etymology and compatibility of the word "lie" in Russian, French and Chinese, as well as on the interpretation of cultural and mythological images associated with this concept. The scientific novelty of the research lies in the in-depth analysis of the concept of "lies" in Russian, French and Chinese, revealing their mythological and cultural roots. The article explores how ancient symbols and metaphors such as the sun, water, threads and fabric form modern ideas about truth and falsehood, demonstrating their universal aspects in Indo-European and Asian cultures. The study also emphasizes gender aspects, linking speech with the feminine principle and revealing the dualistic opposition inherent in mythological systems. The revealed conclusions show that concepts related to truth and falsehood continue to live in modern consciousness, preserving ancient mythological elements and adapting to modern cultural and linguistic contexts.

Keywords: Chinese language, Russian, the material connotation, the national mentality, semantic analysis, Linguoculturology, contrastive research, ethics, the linguistic picture of the world, French language

References (transliterated)

1. Bol'shoi Kitaisko-Russkii Slovar'. URL: <https://bkrs.info/>
2. Brokgauz F. A. Entsiklopedicheskii slovar': V 86 t. / Izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. Sankt-Peterburg: POLRADIS, 1993. T. 12, s. 749.
3. Dal', V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: izbr. st. / V.I. Dal'; sovmeshch. red. izd. V.I. Dal'ya i I.A. Boduena de Kurtene. Moskva: Olma-Press: Kras. proletarii, 2004. 700 s.
4. Lyubker F. Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei. M., 2001, T.1. S. 143-144.
5. Mifologicheskii slovar' / Gl. red. E. M. Meletinskii. Moskva : Sov. entsikl., 1991. 736 s.
6. Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2-kh tomakh / gl. red. S. A. Tokarev. 2-e izd. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1987–1988. T. 1. S. 98.
7. Slovar' russkogo yazyka. [AN SSSR, In-t rus. yaz.; Gl. red. A. P. Evgen'eva]: V 4 t.- Moskva: Rus. yaz., 1981–1984.
8. Stepanova I.M. Doklad «Koli ne lozh' – tak pravda» Materialy nauchnoi konferentsii Filologiya v sisteme sovremennogo obrazovaniya 22-23 iyunya 2004 goda, Vypusk 7, M.: URAO, 2004. S. 275-282.
9. Sheiman M.M. Vera v d'yavola v istorii religii. M., 1977. S. 354.
10. Shcherba L. V. Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk // Shcherba L. V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku. M.: Uchpedgiz, 1957. S. 113-129.
11. Ripa, C. Iconologia overo Descrittione di diverse-imagini cavate dall' antichita, et di propria inventione, trovate, et dichiarate da Cesare Ripa Perugino... Di nuovo rivista et... ampliata di 400.... imagini... Roma: appresso Lepido Faeij, 1603. DAF – Dictionnaire de l'ancien français. Paris, 1968.
12. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 978页.
13. 汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典(第二版缩印本). 成都: 四川辞书出版社, 2018年. 2692页.
14. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015年. 1185页.
15. 北京大学语言研究中心汉语(现代/古代)语料库. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/
16. 贺国伟. 反义词词典. 上海: 上海辞书出版社, 2018年. 446页.
17. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
18. 千篇国学. 汉语字典: 骗. URL: <https://mzidian.qianp.com/zi/骗>

The idea of "evil" in Russian, French and Chinese

Golovanivskaya Mariya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor; Department of Regional Studies; Faculty of Foreign Languages and Regional Studies; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gorystr., 1, p. 13

✉ Golovanivskaya@gmail.com

Ефименко Nikolai Aleksandrovich

Student, Department of Regional Studies, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies; Lomonosov
Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the concept of "evil" in the linguistic worldviews of three different cultures – Russian, French and Chinese. As part of the contrastive analysis, the authors study and compare various aspects of this concept, while using a well-defined algorithm. The study covers the etymology of the word in each of the languages, mythological roots, as well as its compatibility with other lexical units. Special attention is paid to the allocation of material connotation, as proposed by V. A. Uspensky, and the comparison of dictionary definitions. The main purpose of the work is to identify the unique and common features of the concept of "evil" in the semantic fields of these cultures, which allows for a better understanding of the ideological specifics of the Russian, French and Chinese peoples. The scientific methods of research are : the comparative historical method, the method of generalization, the method of semantic analysis.

This topic is poorly studied and relevant, because there were no early linguistic and cultural studies of the West-Russia-East coverage analyzing this concept in Russian, French and Chinese languages and cultures, which is the scientific novelty of the work. The findings of the study emphasize the diversity of perception and representation of the concept of "evil" in different cultures. In Russian, evil is the antonym of good, it is embodied and animated in the form of a hostile principle, against which a person actively fights. In French, "mal" originally had a religious meaning associated with the devil, but in modern language the emphasis has shifted to the meanings of "pain" and "illness". At the same time, the fight against evil is more evident in philosophical and religious contexts than in everyday life. In Chinese culture, the roots of the concept of "恶" are associated with ancient ideas about ancestral spirits and are opposed to goodness through associations with dirt, diseases and weeds. In addition, the influence of Christianity during the late Qing Dynasty was reflected in the perception of sin in modern Chinese.

Keywords: French language, Russian, Chinese language, the material connotation, the national mentality, semantic analysis, Linguoculturology, ethics, contrastive examination, the linguistic picture of the world

References (transliterated)

1. Ivanov V.V. Bliznechnye mify, V: Mify narodov mira: Entsiklopediya, M.: 1980. T. 1. S. 174-176.
2. Kuznetsov B.G. Evolyutsiya kartiny mira. M., 1961.
3. Li Minda. Ponyatiya «Obraz» i «Imidzh» v russkom i kitaiskom yazykakh // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2017. № 6.
4. Lyu Chaotsze. Obshchee opredelenie ponyatiya "sud'ba" v sovremennoi kitaiskoi i russkoi lingvokul'turakh // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2017. № 6-4.
5. Makovskii M.M. Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeiskikh yazykakh. M., 1996.
6. Ma Syanfei. Ponyatie "grad" v vospriyatii nositelei kitaiskogo i russkogo yazykov // Vestnik KGU. 2018. № 1.

7. Uemov A.I. Istina i puti ee poznaniya. M., 1985.
8. Yao Chzhipen. Soderzhatel'naya spetsifika eticheskogo ponyatiya «vezhlivost'» / «礼貌» v russkom i kitaiskom yazykakh: spetsial'nost' 10.02.20 «Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie» : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – Moskva, 2019.
9. Robert P. Le Petit Robert 1 : Dict. alph. et analogique de la langue fr. / Par Paul Robert ; Réd. dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove.-Nouv. éd. rev., corr. et mise à jour.- Paris : Le Robert, 1992. XXXI, 2171 s.
10. Smith G.E. The evolution of the dragon // Manchester, 1919.
11. 李宛荫. 财神与邪神: 近代江南五通神的双重身份. 湖北社会科学, 2014 2期: 96-99页.
12. 李学勤. 字源. 天津. 天津古籍出版社. 2012. 944页.
13. 刘绪晶. 孟子性善论域内人性论争的再思考——兼论人性善恶与儒家德治及法家法治的关联. 衡水学院学报, 2024, 26期: 79-85页.
14. 刘钊. 亚. 辞书研究, 2023, 2期: 120-124页
15. 王斐. “亚”字初义再讨论 ——以区分“亚”字与“亚”形为前提. 华中学术, 2020, 12期: 191-200页

Creating a speech portrait of a modern Chinese teacher in online media

Ryashenkova Aleksandra Aleksandrovna

Lecturer; Department of Foreign Languages; Ural State University of Economics
Postgraduate student; Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign
Language; Ural State Pedagogical University

45 Narodnaya Volya str., office 519, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 620144, Russia

✉ ryashenckova@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the speech characteristics of modern Chinese teachers. The object of the study is the blog(s). Special attention is paid to the visual and auditory design of the video material: the presence of music, the design of the room, the style of the blogger's clothes, the manner of speech. The desire to show their own market attractiveness against the background of competitors, the desire to become popular and have their own audience on the Internet motivates bloggers to show authority in a variety of ways. The research material was two commercials of English language courses on the "bilibili" platform. The coronavirus infection has pushed the Chinese government and private educators to develop online teaching platforms, among which the bilibili video hosting can be cited as example. Users of this platform have the opportunity not only to watch videos, but also to purchase video courses on various topics. The work uses a descriptive method (observation, interpretation, generalization). In the course of the study, the speech analyzer programs Text-Analyzer and Cathoven were used, with the help of which the approximate level of oral text on the CEFR scale was determined. As a result of the analysis, the main features of the speech portrait of the teacher-blogger were highlighted, and the importance of the image on the Internet for attracting an audience was emphasized. The main contribution of the author is a comprehensive study of the image of a modern teacher in Chinese linguoculture. Along with the economic boom and the development of social networks in China, there has been a reassessment of traditional values. The penetration of Western mass culture has had a strong impact on the population, especially on the younger generation, who use the Internet to a greater extent and consume entertainment and educational content. This influence has not spared modern Chinese teachers. Studying the image of a Chinese teacher in modern realities will help to update information about Chinese culture, its synthesis with modern mass culture

and traditional Confucian values.

Keywords: Chinese language, media, social media, speech portraiture, portraiture, speech portrait, linguopersonology, China, blog, teacher

References (transliterated)

1. Al'-Khussaini R. Kh. Gedonisticheskie nachala sovremennoi lichnosti / R. Kh. Al'-Khussaini // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2012. № 2. S. 34-37.
2. Zav'yalova N. A. Lingvokul'turnaya pamyat' Pakistana i Kitaya kak komponent gosudarstvennoi politiki v sfere obrazovaniya / N. A. Zav'yalova, A. A. Ryashenkova, L. Chzhaokhuei // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. 2023. № 12-1(72). S. 198-204.
3. Internet-kul'tura sovremennogo Kitaya: put' k obnovlennomu obshchestvu / N. A. Zav'yalova, Yu. Tsyuan', Ts. Yan [i dr.] // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. 2022. № 10(56). S. 53-59.
4. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s.
5. Li Chen'chen'. Funktsionirovanie imeni sobstvennogo v aspekte bilingvizma (na materiale russkogo i kitaiskogo yazykov): dis. ... d. filol. n. Irkutsk, 2012. 160 s.
6. Lingvopoliticheskaya personologiya: metodologiya i kommunikativnye portrety politicheskikh liderov / N. B. Ruzhentseva, E. N. Ivanova, E. A. Nakhimova, M. V. Nikiforova. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2021. 192 s.
7. Panov M. V. Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya VIII–XIX vv. / M. V. Panov. Moskva: Nauka, 1990. 453 s.
8. Popov L. V. Istoriya formirovaniya modeli vysshei shkoly Kitaya (pervaya polovina XX v.) / L. V. Popov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. 2016. № 3. S. 29-44.
9. Speshnev N. A. Kitaitsy. Osobennosti natsional'noi psikhologii. M.: Karo, 2017. 336 s.
10. Tszyan G. Samoobrazovanie i samoobrazovatel'naya deyatelnost' v Kitae: istoriya i sovremennost' / G. Tszyan // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. 2020. № 2. S. 88-101.
11. Tsukanova V. E. Fenomen massovoi kul'tury v kitaiskoi nauchnoi literature / V. E. Tsukanova, E. A. Tsukanov // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2021. № 3(31). S. 5-12.
12. Shen' Ch. Ocherk kitaiskoi kul'tury. M.: Shans, 2020. 319 s.
13. Adult Swim <https://www.adultswim.com/> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
14. Li D. C. S. Borrowed identity: Signaling involvement with a Western name / D. C. S. Li // Journal of Pragmatics. 1997. Vol. 28 Iss. 9. P. 489-513.
15. 英语的平行世界高级阅读课 https://www.bilibili.com/cheese/play/ss1065?csource=Detail_relevantclass (data obrashcheniya: 15.09.2024).
16. 英语零基础直达六级(从头开始学英语) https://www.bilibili.com/cheese/play/ss811?bsource=link_copy (data obrashcheniya: 15.09.2024).

Features of the artistic time in M. A. Kuzmin's novels "The Adventures of Aimé Leboeuf" and "The Journey of Sir John Fairfax through Turkey and other notable countries"

Glazkova Marina Mikhailovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department "Russian Language and General Educational Disciplines", Tambov State Technical University

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Sovetskaya str., 106

✉ rusfilol37@mail.ru

Ikonnikova Yana Vladimirovna

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of Russian Language and General Education Disciplines, Tambov State Technical University

106 Sovetskaya str., Tambov, Tambov region, 392012, Russia

✉ janakareva@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the peculiarities of artistic time in the novels of M.A. Kuzmin. The object of the research is the novels by M. A. Kuzmin "The Adventures of Aimé Leboeuf" and "The Journey of Sir John Fairfax through Turkey and other notable countries". The purpose of the study is to discover the specific features of time as a chronotope parameter in the artistic space of M.A. Kuzmin's novels. The authors of the article identify a range of tasks: to determine the meaning of the term chronotope, its functions, the role of the category "artistic time" in the binary structure of the chronotope; to analyze the novels of M.A. Kuzmin from the point of view of following literary traditions and innovation in the aspect of subjectivity/objectivity of perception of time by heroes, temporal ways of representing events and their correlation, including types of time in the canvas Romanov. The methodological tools were made up of a cultural-historical method used within the framework of the chronotopic approach, which allowed for a diachronic analysis of M.A. Kuzmin's novels; structural-descriptive and descriptive-functional methods aimed at researching works from the point of view of the structure and functions of the object. The novelty of the research lies in the use of a chronotopic approach in the analysis of Kuzmin's works with the condition of isolating the category of time, the conceptual category that decodes the author's model of the world, carries out the relationship of the work and the objective world. Such a principle of temporality in the study of M.A. Kuzmin's novels exposed the plot time, the subjective perception of time by the characters, the author's time, revealing the writer's concept, as well as the aspectual and subjective modal properties that form the writer's idiosyncrasy. The results of the study can be used in the disciplines of the humanities cycle in schools, educational institutions of secondary special education, and universities. As a result, the authors of the article came to the following conclusions. M.A. Kuzmin follows literary traditions in understanding the meaning of the artistic chronotope and its functions, highlighting time as the leading principle in the structure of the chronotope, in the embodiment of different forms of time. The writer's innovation is represented by the inclusion of a rapid change of events, the effect of omission, the introduction of inversions into chronology, the use of several forms of time, the subjectivity of the narrative, the creation of a new image of the hero

Keywords: everyday time, adventurous time, concept of man, inversions, ways of storytelling, genre, time, chronotope, historical time, subjectivity

References (transliterated)

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii*. T.3. *Teoriya romana* (1930–1961 gg.). – M.: Yazyki

- slavyanskikh kul'tur, 2012. – 800 s.
2. Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury. – M.: Iskusstvo, 1984. – 350 s.
 3. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoi literatury. – L.: Nauka, 1967. – 372 s.
 4. Shmakov G. Dva Kaliostro // Kuzmin M. Chudesnaya zhizn' Iosifa Bal'zamo, grafa Kaliostro. – New York, 1982. – S. I–XVI. URL: https://kuzmin.vpeterburge.ru/article/shmakov_kaliostro.htm (Data obrashcheniya: 07.07.2024)
 5. Kuzmin M. Izbrannye proizvedeniya / Sost., podgotovka tekstov, vstupit. stat'ya, kommentarii A. Lavrova, R. Timenchika. – L.: Khudozh. lit., 1990. – 576 c.
 6. Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 7. – SPb: Nauka, 1999. – 581 s.
 7. Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika. – L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1984. – 718 s.
 8. Defo D. Robinzon Kruzo: Roman / Per. s angl. M. Shishmarevoi – Novosibirsk: Mangazeya, 1997. – 464 s.
 9. Fraize M. Sobytiinost' v khudozhestvennoi proze: tipologiya ee raznovidnostei i ee otnoshenie k esteticheskoi funktsii literatury // Sobytie i sobytiinost': Sb. statei / Pod red. V. Markovicha i V. Shmida. – M.: Izdatel'stvo Kulaginoi – Intrada, 2010. – S. 37–57.
 10. Podoroga V. A. Mimesis. Materialy po analiticheskoi antropologii literatury v dvukh tomakh. – M.: Kul'turnaya Revolyutsiya; Logos, Logos-altera, 2006. – T. I. – 685 s.
 11. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / Sost. S. G. Bocharov. – M.: Iskusstvo, 1986. – 445 s.
 12. Lesazh A. R. Pokhozhdeniya Zhil' Blasa iz Santil'yany / Per. s fr. G. Yarkho; Vstup. st. i primech. A. Bondareva. – M.: Pravda, 1990. – 768 s.
 13. Shalud'ko I. A. Novatorstvo stilistiki pikareski v romane «Zhizn' Lasaril'o s Tormesa» // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2013. – № 159. – S. 102–108.
 14. Yakovleva O. A. O zhanrovyykh osobennostyakh plutovskogo romana (na materiale romana M.D. Chulkova «Prigozhaya povarikha») // Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – 2009. – № 2. – S. 119–122.
 15. Plutovskoi roman / Per. s isp.; Vstup. st. N. Tomashevskogo; Primech. E. Lysenko i S. Piskunovoi. – M.: Pravda, 1989. – 672 s.
 16. Askin Ya. F. Kategoriya budushchego i printsip ee voploshcheniya v iskusstve // Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve / Otv. red. B. F. Egorov. – L.: Nauka, 1974. S. 67–73.
 17. Seneka L. A. Filosofskie traktaty / Per. s lat., vstup. st., komment. T. Yu. Borodai. – SPb.: Aleteiya, 2001. – 400 s.
 18. Kosikov G. K teorii romana: roman srednevekovyi i roman Novogo vremeni // Problemy zhanra v literature srednevekov'ya / Literatura Srednikh vekov, Renessansa i Barokko, vyp. 1. – M.: Nasledie, 1994. – S. 45–87. URL: <http://www.philology.ru/literature3/kosikov-94.htm> (Data obrashcheniya: 12.08.2024)

A comparative analysis of the ballads of V.A. Zhukovsky, J.G. Byron and V.M. Hugo

Postgraduate student; Faculty of Philology and Mass Media; K. E. Tsiolkovsky KSU

143301, Russia, Moscow region, Naro-Fominsk, Shibankova str., 18, sq. 7

✉ vera-yakushkina@mail.ru

Abstract. The object of this study is the ballads of V.A. Zhukovsky, J. Byron and V.M. Hugo. The purpose of the work: to conduct a comparative analysis of "Lyudmila" by V.A. Zhukovsky, "The Bride of Abydos" by J. Byron and "The Bride of the Timpani Player" by V.M. Hugo. The material basis of the study was the work of the following authors: R.S. Buurma, B.M. Gasparov, Z.N. Bakalova, A.S. Bakalova. The article examines the role of epigraphs in ballads; analyzes how fantastic images are reflected in the ballads of V.A. Zhukovsky, J. Byron and V.M. Hugo; the difference between the poetic dimensions of works is noted; analyzes how historical, geographical and temporal markers are represented in ballads. The ballads of Byron and Hugo also differ in their relation to romantic ideals. Byron placed the loneliness and torment of the hero at the center of his ballads, and also reflected in them his negative attitude towards society and power. Hugo, on the contrary, preached the ideals of struggle and freedom, heroic overcoming of difficulties. The article examines aspects of the study of the ballad genre in Russian and Western European romanticism. The Russian ballad is largely influenced by folklore ballads, both national and Western European, and represents a heterogeneous genre formation. The ballads of Byron and Hugo also differ in their relation to romantic ideals. Byron put the loneliness and torment of the hero at the center of his ballads, and also reflected in them his negative attitude towards society and power. Hugo, on the contrary, preached the ideals of struggle and freedom, heroic overcoming of difficulties and catastrophes, which resonated in the hearts of many of his contemporaries. A comparative examination of the poems "The Bride of Abydos" by George Gordon Byron and "Lyudmila" by Vasily Andreevich Zhukovsky allows us to look at both works through the prism of romantic literature, to identify their distinctive features and the general context of the era in which they were created. The main difference between the two poems lies in the cultural contexts in which the plots develop. Based on the above, we conclude that the ballads of V.M. Hugo, J. Byron and V.A. Zhukovsky demonstrate the presence of both similarities and differences.

Keywords: Zhukovsky, romanticism, ghostly rider, verse size, fantastic image, epigraph, ballads, comparativist analysis, Hugo, Byron

References (transliterated)

1. Alekseev M.P. Epokha romantizma. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazei russkoi literatury. L.: Nauka, 1975. S. 284.
2. Bairon Dzh. G. Ballady i drugie stikhotvoreniya. M.: Khudozhestvennaya literatura, 2003. S. 350.
3. Bairon Dzh. G. Izbrannaya lirika. Sbornik/Sostavl. A. M. Zvereva. M.: Raduga, 2004. S. 768.
4. Bakalova Z.N., Bakalov A.S. Obrazy D'yavol'skikh konei v mirovoi literature // Vestnik Udmurtskogo universiteta // Istoriya i filologiya, № 30 (3), 2020. S. 483-491.
5. Gasparov B.M. Yazyk, pamyat', obraz: Lingvistika yaz. sushchestvovaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. S. 352.
6. Davydov Yu. N. Ballady Zhukovskogo i evropeiskaya romanticheskaya poeziya. M.:

- Akademiya, 1997. S. 582.
7. Zhukovskii V.A. Stikhotvoreniya i ballady. M.: Detskaya literatura, 2017. S. 268.
 8. Gyugo V. Sobranie sochinenii v 15 t. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1953. S. 323-560.
 9. Evgrafov N. V. Tvorchestvo Bairona. M.: Prosveshchenie, 2005. S. 471.
 10. Kartsev V. A. Slovo i obraz v balladakh Zhukovskogo. M.: Khudozhestvennaya literatura, 2004. S. 397.
 11. Kruzhkov G.M. Iz angliiskoi poezii XIX veka. Spb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2008. S. 688.
 12. Lebedev S. V. Ballady Bairona. SPb.: Azbuka-klassika, 2007. S. 752.
 13. Markov N. P. Tvorcheskii mir Zhukovskogo. M.: Logos, 2001. S. 295.
 14. Tolvet F. S. Gyugo i romantizm. M.: Inostrannaya literatura, 2003. S. 583.
 15. Shustova M. L. Zhukovskii-perevodchik evropeiskikh ballad. M.: Ves' mir, 1996. S. 426.

Trends in the development of new vocabulary in Russian-language texts 1991-2016

Rychkova Tatiana Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Philology, Intercultural Communications and Journalism; Murmansk Arctic University

183038, Russia, Murmansk region, Murmansk, Severny ave., 3, sq. 16

✉ rychkovata@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the dynamics of the lexical system of the Russian language in the period from 1991 to 2016. The analysis showed that in the vocabulary with sharply increased popularity, there is a predominance of nouns and adjectives, which indicates a tendency to increase their use. At the same time, the frequency of using other parts of speech remains stable or decreases. The study also revealed that neologisms can significantly increase their frequency of use in the context of new socio-historical realities. Special attention is paid to the derived forms of established words, which have a high probability of increasing popularity compared to root words. It was revealed that topics related to economics and finance were more significant for Russians in the period under review than terms related to new realities such as the Internet. Finally, the study focuses on a large number of words with pejorative coloring, reflecting financial problems and social difficulties, which indicates the negative aspects of life in the post-Soviet period and their impact on language. To analyze lexical changes, an innovative method of automatic selection of lexical neoplasms was used, developed within the framework of the project "Automatic detection of lexical changes". The application of this method represents a significant improvement over traditional approaches based on manual search in various sources. Unlike previously used methods, this study uses a method of automatic text processing using a specially developed Python program. Using this program, a 1992-2016 file consisting of 70,498,699 words was analyzed. From this file, words were selected whose frequency of use increased by 1000% and were used more than 1000 times, which made it possible to identify the most significant and popular lexical units in the life of the country during the period under review. Based on this volumetric sample and machine counting, the most objective results were obtained, which allows not only to identify new and outdated words, but also to track general trends in the use of vocabulary. This is the first time a project of this type is being implemented in Russia.

Keywords: lexical trends, Russian language, Natural Language Processing, lexical changes, corpus linguistics, innovations, word frequency, new words, neologism, post-Soviet

References (transliterated)

1. Sen'ko E. V. Yazykovoe obnovenie v aspekte filosofskoi kategorii dvizheniya // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni KL Khetagurova. 2013. № 2. S. 181-184.
2. Korovina O. S., Kritskii A. V. Teoreticheskie osnovy izucheniya neologizmov. Ponyatie «neologizm» // Nauchnyi elektronnyi zhurnal «Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. Tol'yatti». 2021. № 37 (iyul'). S. 464-470.
3. Gatsalova L. B. Neologiya v sovremennoi lingvistike [Monografiya]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2005. 363 s.
4. Lebedeva S. V., Erpilova E. I. Neologizmy. Sushchnost' problemy //Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2018. № 3. S. 99-107.
5. Buzunov N. N. Kriterii otneseniya leksicheskoi edinitsey k neologizmam v sovremennom frantsuzskom yazyke //Yazyk i deistvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. VG Gaka. 2018. S. 56-59.
6. Baimukhametova K. I. Neologizatsiya kak odin iz faktorov obnoveniya sovremennogo frantsuzskogo yazyka // Nauchnye issledovaniya vysshei shkoly po prioritetnym napravleniyam nauki i tekhniki. 2021. 177 s. Rezhim dostupa: [https://www.researchgate.net/profile/Victor-I-Stepanov-2/publication/357377256_K_VOPROSU_GIDROGEOLOGICESKOGO_OBOSNOVANIA_USTR OJSTVA_VODOZABOROV_PODZEMNYH_VOD/links/61cb2de5b6b5667157ae5534/K-VOPROSU-GIDROGEOLOGICESKOGO-OBOSNOVANIA-USTROJSTVA-VODOZABOROV-PODZEMNYH-VOD.pdf#page=177](https://www.researchgate.net/profile/Victor-I-Stepanov-2/publication/357377256_K_VOPROSU_GIDROGEOLOGICESKOGO_OBOSNOVANIA_USTROJSTVA_VODOZABOROV_PODZEMNYH_VOD/links/61cb2de5b6b5667157ae5534/K-VOPROSU-GIDROGEOLOGICESKOGO-OBOSNOVANIA-USTROJSTVA-VODOZABOROV-PODZEMNYH-VOD.pdf#page=177) (data obrashcheniya 21.09.2024).
7. Gavriluk A. S. Neologizmy angliiskogo yazyka kak otrazhenie izmenenii sotsial'nykh otnoshenii v XXI veke //Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2021. T. 10. № 2 (35). S. 239-242
8. Akhmedova F. I. Neologizmy yazyka i vidy neologizmov //Nauchnyi elektronnyi zhurnal «Matritsa nauchnogo poznaniya». 2024. № 6. S. 115-117. Rezhim dostupa: <https://os-russia.com/SBORNIKI/MNP-2024-06-1.pdf#page=115> (data obrashcheniya 21.09.2024).
9. Paryzek P. Comparison of selected methods for the retrieval of neologisms // Investigationes Linguisticae, volume XVI. Poznan, 2008. URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/jedrzej79,+%7B\\$userGroup%7D,+Piotr_Paryzek_inve16.pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/jedrzej79,+%7B$userGroup%7D,+Piotr_Paryzek_inve16.pdf) (data obrashcheniya 21.07.2024). DOI: 10.14746/il.2008.16.14
10. Breen J. Identification of Neologisms in Japanese by Corpus Analysis // Proceedings of eLexicography in the 21st century. Universite catholique de Louvain, 2009. URL: https://www.edrdg.org/~jwb/paperdir/eLex_Breen_Jim2.pdf (data obrashcheniya 21.07.2024). DOI: 11.1109/RoEduNet-RENAM.2014.6955312.
11. Cook C. 2010. Exploiting Linguistic Knowledge to Infer Properties of Neologisms. PhD thesis, University of Toronto, Canada. URL:[https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/26140/9/Cook_C_Paul_201011_P hD_thesis.pdf](https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/26140/9/Cook_C_Paul_201011_PhD_thesis.pdf) (data obrashcheniya 21.07.2024).
12. Megerdooian K. and Hadjarian A. Mining and Classification of Neologisms in Persian Blogs // Proceedings of the NAACL HLT 2010 Second Workshop on Computational Approaches to Linguistic Creativity. ACL, Los Angeles, CA, 2010. URL: <https://aclanthology.org/W10-0302.pdf> (data obrashcheniya 21.07.2024).

13. Lau J.H., Collier N., and Baldwin T. On-line Trend Analysis with Topic Models: #twitter trends detection topic model online // Proceedings of Coling Mumbai, India, 2012, pages 1519-1534. URL: <https://aclanthology.org/C12-1093.pdf> (data obrashcheniya 21.07.2024).
14. O'Donovan R. and O'Neill M. A Systematic Approach to the Selection of Neologisms for Inclusion in a Large Monolingual Dictionary // Proceedings of the XIII euralex International Congress. Institut Universitari de Linguística Aplicada, Barcelona, Spain, 2008, pages 571-579.
URL: https://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex2008/043_Euralex_2008_Ruth%20ODonovan_Mary%20ONeill_A%20Systematic%20Approach%20to%20the%20Selection%20of%20Neologisms%20for%20Inclusion%20in%20a%20Large.pdf (data obrashcheniya 21.07.2024).
15. Sang E. Finding Rising and Falling Words. In Proceedings of the Workshop on Language Technology Resources and Tools for Digital Humanities (LT4DH). Osaka, Japan, the COLING 2016 Organizing Committee, 2016, pages 2-9. URL: <https://aclanthology.org/W16-4002.pdf> (data obrashcheniya 21.07.2024).
16. Tsertsvadze M. G. Leksicheskie novoobrazovaniya v tekstakh sovremennoi rossiiskoi pressy // Russkii yazyk v sovremenном nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve : sbornik statei Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 13 aprelya 2023 goda. Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov im. Patrisa Lumumby, 2023. S. 73-75.
17. Plotnikova L. I., Shkreba O.A. Leksicheskie novoobrazovaniya v sovremenном zhenskом poeticheskom diskurse // Gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 1(69). S. 17-23. Rezhim dostupa: [https://humanities.asu.edu.ru/files/1\(69\)/17-23.pdf](https://humanities.asu.edu.ru/files/1(69)/17-23.pdf) (data obrashcheniya 21.09.2024).
18. Zubkova M.A. Sanktsii kak faktor variativnosti ekonomicheskoi terminosistemy russkogo yazyka // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. Vyp. 2 (66). N. Novgorod: NGLU, 2024. S. 43-57. URL: Rezhim dostupa: https://vestnik.lunn.ru/docs/journal/66/vestnik_nglu_66.pdf (Accessed 21.07.2024) (data obrashcheniya 21.09.2024).
19. Petrukhina E. V., Dedova O. V. Internet kak istochnik lingvisticheskoi informatsii (dlya izucheniya dinamiki russkogo slovoobrazovaniya) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2019. № 57. S. 137-159.
20. Koreneva A.V., Malyashok N.O. Problema ustarevaniya slovarei neologizmov na primere analiza sovremennykh semanticheskikh novoobrazovaniy russkogo yazyka // Molodaya nauka Zapolyar'ya: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov Sotsial'no-gumanitarnogo instituta MAGU: v 2 t., Murmansk, 20-28 aprelya 2021 goda. Tom 1. Murmansk: Murmanskii arkticheskii gosudarstvennyi universitet, 2021. S. 124-129.
21. Fufaeva I. V., Zgirovskaya O. G. Systematic and Functional Aspects of Neologisms Denoting Job Titles in Russian // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2024. T. 23. S. 42-55. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.4> Rezhim dostupa: https://web.archive.org/web/20240506110712id_/https://l.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/2901 (data obrashcheniya 21.09.2024).
22. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000). Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2001. Rezhim dostupa: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/5955/1/mon00059.pdf> (data obrashcheniya 21.09.2024).

21.09.2024).

23. Budaev E. V. Politicheskaya metafora v lingvokul'turologicheskom aspekte //Analitika kul'turologii. 2007. № 9. S. 28-32.
24. Vasil'ev A. D. Priemy realizatsii manipulyativnoi funktsii v rossiiskikh SMI: porozhdenie mifov //Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. VP Astaf'eva. 2013. № 1 (23). S. 58-65.

The "Religion of Love" in the poetry of Guruzada Apparao as an educational philosophy

Volkova Anna Andreevna

Librarian; Scientific Library of TSU

34a Lenin Ave., Tomsk, Tomsk region, 634050, Russia

✉ ann@myttk.ru

Abstract. The subject of this article is the poetry of the Indian educator of the XIX – early XX century Guruzada Apparao. The poet's work reveals his program of the "religion of love", which has become an expression of the educational philosophy of Guruzada. Coming from the circles of the Indian intelligentsia formed under the colonial influence, Guruzada Apparao believed that in relations with the colonialists – the British – one should adhere to "practical patriotism", which assumed effective assistance to the people of the country, and not verbal strife. Guruzada Apparao's poetry is based on civic lyrics, which contain a protest against the ignorance of the Indian people, caste inequality, religious prejudice, and the oppressed position of Indian women. Special attention is paid to the reflection in the poet's work of the activities of the Indian National Congress, the leading political organization in the country, and criticism of its methods of fighting for the empowerment of Indians. The methodological basis of the article is the comparative historical method, with the help of which the specific historical features of Guruzada Apparao's "religion of love" are highlighted. As a result of the conducted research, the author came to the following conclusions: 1) the civil lyrics of Guruzada Apparao were formed in the conditions of the colonial-dependent state of India, which resulted in a significant deterioration in the situation of the Indian people. In this regard, Guruzada's poems trace educational motives, calls for a fight against the ignorance of the people, against the religious prejudices dominating in Indian society. As a result, Guruzada wrote works accessible to the common people, using folk expressions, and became one of the founders of modern Telugu literature. 2) At the same time, Guruzada Apparao stood apart from the leading political forces of the country at that time, in particular, from the Indian National Congress, considering its activities ineffective due to the desire to obtain personal power. 3) The "religion of love", which was one of the main motives of the poet's mature work, fades into the background at the end of his life, giving way to motives of disappointment and lack of agreement.

Keywords: British India, enlightenment, colonialism, civil lyrics, Indian literature, Telugu poetry, Indian poetry, Gurajada Apparao, Indian National Congress, patriotism

References (transliterated)

1. Petrunicheva Z. N. Zhizn' i tvorchestvo Gurazada Apparao // Gurazada Apparao. Izbrannye proizvedeniya. M., 1962. S. 5–75.

2. Lakshmanar A. Guruzada Apparao // Vostochnyi al'manakh. M., 1962. Vyp. 5. S. 146–158.
3. Nikitin D. S. Britanskii komitet Indiiskogo natsional'nogo kongressa: tseli, zadachi, itogi deyatel'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 409. S. 115–117.
4. Nikitin D. S. Indiiskii natsional'nyi Kongress v gody general-gubernatorstva lorda Lensdauna (1888–1894): problemy razvitiya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 28, № 4. S. 156–164.
5. Nikitin D. S. Konfessional'nyi sostav Indiiskogo natsional'nogo kongressa v kontse XIX – nachale XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2018. № 53. S. 104–106.
6. Mehrotra S. R. A History of the Indian National Congress. Vol. 1. 1885–1918. New Delhi : Vikas Publishing, 1995.
7. Nikitin D. S. «Drug Indii»: Allan Oktavian Yum (1829–1912). Novosibirsk, 2015.
8. Petrunicheva Z. N. Gurazada Apparao. M., 1985.
9. Sitopati G. V. Literatura telugu // Istoriya indiiskikh literatur. M., 1964. S. 89–191.
10. Gurazada A. Stikhotvoreniya // Gurazada Apparao / Z. N. Petrunicheva. M., 1985. S. 149–158.
11. Gurazada A. Izbrannye proizvedeniya. M., 1962.
12. Rabinovich I. S. Sorok vekov indiiskoi literatury. M., 1969.

On the essence of poetic creativity in the understanding of V. Solovyov and Yu.N. Govorukha-Otrok

Zakharova Elizaveta Mikhailovna

PhD in Philology

Researcher, Maxim Gorky Institute of World Literature

121069, Russia, Mskva oblast', g. Moscow, ul. Povarskaya, 25 a

✉ Elizakharova2019@gmail.com

Abstract. The focus of this study is the literary-critical statements of V.S. Solovyov and Yu.N. Govorukha-Otrok about the poetry of A.A. Fet. The main object of research – articles written in the 1890s, during the formation of the philosophical method of literary criticism: "About lyrical poetry. Concerning the last poems of Fet and Polonsky" (Solovyov, 1890), "Poetry of Fet" (Govorukho-Otrok, 1892; 1893). Vladimir Solovyov, a younger contemporary and opponent of Govorukho-Otrok, can paradoxically be considered as a mentor in philosophical criticism. The purpose of this work is to identify and analyze the views of Solovyov and Govorukho-Otrok on the essence of poetic creativity. The novelty of the research lies in the comparison of the literary-critical systems of the opposing authors. The homogeneity of the methods reveals itself through a combination of journalism and subjectivity, as well as a mandatory focus on social impact. But if for Govorukho-Otrok the main point of support in literary and critical judgments is religion, for V. Solovyov it is history. Only the spiritual and eternal, according to those writers, can be both a source and an object of poetic comprehension. For both critics, the poet appears, if not a sacred, then an exceptional figure.

Keywords: pure art, lyricism, literary hierarchy, literary critical statement, Poetry, Govorukha-

Otrok, Fet, Soloviev, philosophical method, Literary criticism

References (transliterated)

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: V 2 kn./RAN. In-t mirovoi lit. im. A.M. Gor'kogo; Otv. red. T.G. Dinesman. Kn. 2. 2011. 1040 s.
2. Bogatyreva L.V., Isupov K.G. Russkaya klassika v filosofskoi i literaturnoi kritike Serebryanogo veka // Russkaya klassika: pro et contra. Serebryanyi vek, antologiya / Sost. i vstup. stat'ya Bogatyrevoi L.V. i K.G. Isupova. SPb.: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2017. S. 8–16.
3. Govorukha-Otrok Yu.N. Vo chto verovali russkie pisateli. SPb.: Rostok, 2012. T. 1, 895 s.
4. Goncharova O.A. Russkaya literatura v svete khristianskikh tsennostei (Yu.N. Govorukha-Otrok – kritik). Khar'kov: Maidan, 2006. 323 s.
5. Kantor V.K. Izobrazhaya, ponimat', ili Sententia sensa: filosofiya v literaturnom tekste. M.; SPb.: Tsentri gumanitarnykh initsiativ, 2018. 832 s.
6. Solov'ev V.S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika / Vstup. stat'ya R. Gal'tsevoi i I. Rodnyanskoi. M.: Iskusstvo, 1991. 701 s.